НАУКА РУССКОГО МИРА

научный журнал

- Языкознание (филология)
- Всеобщая история, отечественная история
- Теория литературы и текстология
- Культурология и история мировой культуры

№6-2024

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ «НАЧАЛА РУССКОГО МИРА»

Издание ориентировано на публикацию научных изысканий в таких сферах научного знания, как языкознание (филология), всеобщая история, отечественная история (история Российского государства на разных этапах его развития), теория литературы и текстология, культурология и история мировой культуры.

В частности, филологическая тематика представлена в издании работами, раскрывающими проблематику современной лингвистики и лингвокультурологии, а также теории и истории языка; исследований в области литературоведения, теории и истории отечественной и зарубежной литературы, изучения и взаимовлияния литературных и культурных традиций; совершенствования педагогического мастерства и образовательных технологий в школе и вузе; методики преподавания иностранных языков; теоретических и прикладных аспектов изучения речевой деятельности, языка и культуры, способов анализа художественного текста; практики перевода, а также дидактических аспектов переводческой деятельности.

В области культурологии и искусствоведения тематика работ может быть связана с изучением культурологических воззрений, культуро- и антропогенеза, эволюции и типологии культурных форм, механизма формирования систем культурных ценностей, а также выявления роли культурного наследия в жизни общества (в том числе с учетом национального своеобразия и исторического контекста) и т. д.

В части исторических исследований проблематика очерчивается широким кругом вопросов, касающихся анализа различных периодов мировой и отечественной истории, становления и развития цивилизационных форм, эволюции международных отношений, роли личности в истории, генезиса социальных процессов и политической культуры и пр.

Проблемы истории и теории литературы и искусства раскрываются через анализ всего спектра разновидностей духовной деятельности человека (религиозной, философской, художественной), изучение поэтики художественных произведений (стиля и техники автора), выявление специфики художественного метода, жанрового своеобразия отдельных авторов и художественных школ на различных этапах исторического развития мирового искусства.

Читательская аудитория: представители академической науки – вузовских научных школ, профессорско-преподавательского состава и научно-исследовательских учреждений, независимые исследователи, молодые ученые (в том числе, аспиранты, соискатели, магистранты), а также студенты вузов и средних специальных учебных заведений России, стран ближнего и дальнего зарубежья.

Тексты статей, поступающие в редакцию от авторов, проходят научное рецензирование и в обязательном порядке проверяются на наличие недобросовестного научного цитирования, а также самоцитирования в программной среде «Антиплагиат».

Журнал «НАЧАЛА РУССКОГО МИРА» издается с 2011 года.
Периодичности издания: шесть раз в год.

Учредитель: Тихонова Жана Сергеевна

Издатель: ОБЩЕСТВО С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ «РОСТПОЛИГРАФ»

Адрес издательства: 105187 г. Москва, ул. Вольная д. 28/4 к.1

Типография: Индивидуальный предприниматель Тихонова Жанна Сергеевна, ИНН 615108078357, ОГРНИП 322619600168289

Адрес типографии: 346715, РОССИЯ, обл РОСТОВСКАЯ, р-н АКСАЙСКИЙ

ISSN электронного сетевого издания 3034-1337

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации: серия Эл № ФС77-87087 от 01 апреля 2024 г.

Языки: Русский, английский

НАПРАВЛЕНИЯ И РУБРИКИ ЖУРНАЛА

- Русский язык. Языки народов России (филологические науки).
- Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологическиенауки).
- Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).
- Исторические исследования.
- Литература.
- Культурология.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ЖУРНАЛА:

Лаврикова Ирина Николаевна
Доктор культурологии, доцент, доцент кафедры правовой и гуманитарной подготовки, Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Акчурина-муфтиева Нурия Мунировна
Доктор искусствоведения, профессор, заслуженный деятель искусств АРК, Лауреат Государственной премии РК, профессор кафедры Декоративного искусства, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет»

Альбеков Нурвади Насруддинович
Доктор филологических наук, доцент, декан факультета иностранных языков и международной коммуникации Чеченского государственного педагогического университета

Андриевская Светлана Владимировна
Кандидат исторических наук, доцент кафедры технологии и методики преподавания Учреждения образования "Полоцкий государственный университет" (Республика Беларусь)

Билялова Альбина Анваровна
Заведующая кафедрой, доктор филологических наук (профессор), член диссертационного совета КФУ.10.03, эксперт Аттестационной комисси КФУ по гуманитарному направлениюНабережночелнинский институт (филиал) федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Голикова Татьяна Александровна
Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и издательского дела факультета, бизнес-технологий РОСНОУ, член союза переводчиков России

Джелилов Ахтем Алиевич
Академик, профессор, доктор филологических наук. Институт медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

Долгополова Лилия Анатольевна
Заведующий кафедрой немецкой филологии Государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Республики Крым "Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова", доктор филологических наук

Зяблова Ольга Александровна
Доктор филологических наук , профессор, Дипломатическая академия МИД России

Иванян Елена Павловна

Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Самарский государственный социально-педагогический университет". Действительный член Международной академии наук педагогического образования, продолжатель научной школы П. А. Леканта, автор «Словаря эвфемизмов русского языка», специалист в области семантики и прагматики языковых единиц, теории эвфемии русского языка

Кремшокалова Марина Чафленовна

Доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания Кабардино – Балкарского государственного университета им. Х.М.Бербекова

Кудинова Таисия Анатольевна

Доктор филологических наук, доцент, Ростовский государственный медицинский университет, профессор кафедры педагогики; Луганский государственный педагогический университет, профессор кафедры романо-германской филологии

Лелис Елена Ивановна

Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры философии и культурологии Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов

Мапельман Валентина Михайловна

Профессор Московского городского педагогического университета (профессор, доктор философских наук)

Минералова Ирина Георгиевна

Доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX-XXI веков, Московский педагогический государственный университет (Москва)

Павлова Елена Касимовна

Доктор филологических наук, доцент кафедры английского языка для гуманитарных факультетов факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова МГУ (Москва)

Похилько Александр Дмитриевич

Доктор философских наук, профессор кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Армавирский государственный педагогический университет»

Сложеникина Юлия Владимировна

Доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой филологии, Университет «Синергия» (Москва)

Соловьев Владимир Михайлович

Историк, культуролог, доктор исторических наук, профессор, специалист по отечественной истории и культуре. Профессор кафедры мировой культуры в

Московском государственном лингвистическом университете (МГЛУ), является ассоциированным сотрудником Социологического института РАН и сотрудником Международного центра изучения русской при Институте философии Санкт-Петербургского университета

Шкунов Владимир Николаевич

Доктор исторических наук, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный учитель школы Российской Федерации, Член Экспертного совета при Правительстве Российской Федерации, ведущий научный сотрудник Поволжского филиала Института российской истории РАН

*****

EDITOR-IN-CHIEF

Lavrikova Irina Nikolaevna
Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Associate Professor of the Legal and Humanitarian Training Department, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot

EDITORIAL BOARD

Akchurina-muftieva Nuriya Munirovna
Doctor of Art History, Professor, Honored Artist of the Republic of Crimea, Laureate of the State Prize of the Republic of Kazakhstan, Professor of the Decorative Arts Department, Crimean Engineering Pedagogical University

Albekov Nurvadi Nasruddinovich
Doctor of Philology, Associate Professor, Dean of the Faculty of Foreign Languages and International Communication of the Chechen State Pedagogical University

Andrievskaya Svetlana Vladimirovna
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Technology and Teaching Methods of the Polotsk, State University Educational Institution (Republic of Belarus)

Bilyalova Albina Anvarovna
Head of the Department, Doctor of Philology, professor, member of the Dissertation Council of KFU.10.03, expert of the KFU Attestation Commission for the Humanities, the Berezhnochelninsky Institute (branch), Kazan (Volga Region) Federal University

Golikova Tatyana Alexandrovna
Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language and Publishing, Faculty of Business Technologies, ROSNOU, member of the Union of Translators of Russia

Dzhelilov Akhtem Aliyevich
Academician, Professor, Doctor of Philology. Institute of Media Communications, Media Technologies and Design, V.I. Vernadsky Crimean Federal University

Dolgopolova Lilia Anatolyevna
Head of the Department of German Philology of the Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov, Doctor of Philology

Zyablova Olga Alexandrovna Doctor of Philology, Professor, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Ivanyan Elena Pavlovna
Doctor of Philology, Professor, Professor of the Russian Language Department, Culture of Speech and Methods of teaching them, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Samara State Socio-Pedagogical University". Full member of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education, a follower of the scientific school of P. A. Lekant, the author of the Dictionary of Euphemisms of the Russian Language, a specialist in the field of semantics and pragmatics of linguistic units, the theory of the euphemism of the Russian language.

Kremshokalova Marina Chaflenovna
Doctor of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language and General Linguistics of Kabardino – Balkarian State University named after H.M. Berbekov

Kudinova Taisiya Anatolyevna
Doctor of Philology, Associate Professor, Rostov State Medical University, Professor of the Department of Pedagogy; Lugansk State Pedagogical University, Professor of the Department of Romano-Germanic Philology

Lelis Elena Ivanovna
Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies of the St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions

Mapelman Valentina Mikhailovna
Professor, Doctor of Philosophy, professor of the Moscow City Pedagogical University

Mineralova Irina Georgievna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Literature of the XX-XXI centuries, Moscow Pedagogical State University (Moscow).

Pavlova Elena Kasimovna, Doctor of Philology, Associate Professor of the Department of English for the Humanities, Faculty of Foreign Languages and Regional Studies, Lomonosov Moscow State University (Moscow).

Alexander Dmitrievich Pokhilko
Doctor of Philosophy, Professor of the Philosophy, Law and Social Sciences and Humanities Department, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Armavir State Pedagogical University"

Slozhenikina Yulia Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Philology, Synergy University (Moscow)

Solovyov Vladimir Mikhailovich
Historian, cultural critic, Doctor of Historical Sciences, professor, specialist in national history and culture. Professor of the Department of World Culture at Moscow State Linguistic University, is an associate fellow of the Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences and an employee of the International Center for the Study of Russian at the Institute of Philosophy of St. Petersburg University

Shkunov Vladimir Nikolaevich
Doctor of Historical Sciences, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Honored Teacher of the School of the Russian Federation, Member of the Expert Council under the Government of the Russian Federation, Leading researcher at the Volga branch of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Кудинова Таисия Анатольевна
ДОНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО: ПАТРИОТИЗМ В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ КАК ФЕНОМЕН ЭТНО-СОЦИАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА **13**

Рындина Татьяна Владимировна
РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОГРАММЫ ВСЕОБЩЕГО ОБУЧЕНИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА ПРИМЕРЕ РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ **21**

Сафонова Екатерина Александровна
ЭВОЛЮЦИЯ ИСТОРИЧЕСКИ УДАЛЕННЫХ И СОВРЕМЕННЫХ КУЛЬТУРНЫХ ЯВЛЕНИЙ **27**

Соболева Жанна Владимировна
ДЕТСКОЕ ПРИЗРЕНИЕ В РОССИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ИСТОРИЯ, ФОРМЫ И ПРОБЛЕМЫ **34**

Соболева Жанна Владимировна
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОСЛОВНОГО ПРИЗРЕНИЯ В РОССИИ: АНАЛИЗ НА ПРИМЕРЕ КРЕСТЬЯНСТВА И КУПЕЧЕСТВА **43**

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Шальнова Дарья Андреевна, Сложеникина Юлия Владимировна
ПЕРИПЕТИИ СУДЬБЫ ПОВЕСТИ В.П. НЕКРАСОВА «В ОКОПАХ СТАЛИНГРАДА» **51**

РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ

Добрушина Екатерина Роландовна
ДИАХРОНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРЕДЛОЖНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРЕДИКАТИВА *ВСЁ РАВНО*, ИЛИ *НЕ ВСЕ РАВНО НА СЕМАНТИКУ* **59**

Го Лихун, Жун Синь, Го Синь
КОНЦЕПТ «МАТЬ» В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ: НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ **73**

Захаров Вячеслав Владиславович
ТВОРЧЕСТВО А.А. ФЕТА: ТЕМЫ, МОТИВЫ, ОСОБЕННОСТИ СТИЛЯ **79**

Серегина Елена Евгеньевна
К ВОПРОСУ ОБ ЭТИМОЛОГИИ СЛОВА «*ОБЛЫЙ*» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И НЕКОТОРЫХ РУССКИХ ГОВОРАХ **87**

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Синявский Андрей Анатольевич
ФЕМИНИТИВЫ – ЯЗЫКОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИСПАНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ **93**

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Гончар Наталия Николаевна, Селезнева Ольга Николаевна
ПРИМЕНЕНИЕ ДИСКУРС-АНАЛИЗА В УСЛОВИЯХ ИНОЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА **98**

Краевская Анна Геннадьевна, Абрамцева Елена Геннадьевна.
РОЛЬ СИНТАКСИСА И СЕМАНТИКИ
В ФОРМИРОВАНИИ СМЫСЛА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ **106**

Чигина Нелли Владимировна
СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ НЕОЛОГИЗМОВ В ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ***112***

Цинь Мэнъяо
ДОБАВЛЕНИЕ КОММЕНТАРИЕВ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ ПРИЕМ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ КОМПЕНСАЦИИ ДЛЯ ПЕРЕДАЧИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОНТЕКСТА ПРИ ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК ПАМЯТНИКА КЛАССИЧЕСКОЙ ДРЕВНЕКИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ – РОМАНА «ПУТЕШЕСТВИЕ НА ЗАПАД» ***117***

*****

CONTENT

DOMESTIC HISTORY

Kudinova Taisiya Anatolyevna
THE DON COSSACKS: PATRIOTISM IN THE VALUE SYSTEM AS A PHENOMENON OF THE ETHNO-SOCIAL COMMUNITY **13**

Ryndina Tatyana Vladimirovna
IMPLEMENTATION OF THE UNIVERSAL EDUCATION PROGRAM DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR ON THE EXAMPLE OF THE RYAZAN REGION **21**

Safonova Ekaterina Alexandrovna
THE EVOLUTION OF HISTORICALLY REMOTE AND MODERN CULTURAL PHENOMENA **27**

Soboleva Zhanna Vladimirovna
CHILDREN'S CHARITY IN RUSSIA IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURY: HISTORY, FORMS AND PROBLEMS **34**

Soboleva Zhanna Vladimirovna
PROBLEMS AND PROSPECTS OF CLASS CHARITY IN RUSSIA: AN ANALYSIS ON THE EXAMPLE OF THE PEASANTRY AND MERCHANTS **43**

RUSSIAN LITERATURE AND LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION

S**halnova Daria Andreevna, Skladenikina Yulia Vladimirovna**
THE VICISSITUDES OF FATE OF V.P. NEKRASOV'S STORY "IN THE TRENCHES OF STALINGRAD" **51**

RUSSIAN LANGUAGE. LANGUAGES OF THE PEOPLES OF RUSSIA

Dobrushina Ekaterina Rolandovna
THE DIACHRONY OF THE FORMATION OF PREPOSITIONAL CONTROL OF THE PREDICATIVE DOES NOT MATTER, OR DOES NOT CARE ABOUT SEMANTICS **59**

Guo Lihong, Rong Xin, Guo Xin
THE CONCEPT OF "MOTHER" IN RUSSIAN LINGUISTIC CULTURE: NATIONAL AND CULTURAL STEREOTYPES **73**

Zakharov Vyacheslav Vladislavovich
CREATIVITY OF A.A. FET: THEMES, MOTIFS, STYLE FEATURES **79**

Seregina Elena Evgenievna
RUSSIAN RUSSIAN DIALECTS ON THE ETYMOLOGY OF THE WORD "OBLY" IN THE RUSSIAN LANGUAGE AND SOME RUSSIAN DIALECTS **87**

LANGUAGES OF THE PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES

Sinyavsky Andrey Anatolyevich
FEMINITIVES – LANGUAGE TRENDS IN SPANISH AND RUSSIAN **93**

THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

Gonchar Natalia Nikolaevna, Selezneva Olga Nikolaevna
THE USE OF DISCOURSE ANALYSIS IN THE CONTEXT OF A FOREIGN LANGUAGE EDUCATIONAL SPACE **98**

Kraevskaya Anna Gennadievna Abramtseva Elena Gennadievna. THE ROLE OF SYNTAX AND SEMANTICS IN THE FORMATION OF MEANING IN THE ENGLISH LANGUAGE **106**

Chigina Nelly Vladimirovna
METHODS OF FORMATION OF NEOLOGISMS IN THE TERMINOLOGICAL SYSTEM OF COMPUTER TECHNOLOGIES OF THE MODERN ENGLISH LANGUAGE ***112***

Qin Mengyao
ADDING COMMENTS AS AN EFFECTIVE METHOD OF TRANSLATION COMPENSATION FOR THE TRANSFER OF LINGUISTIC AND CULTURAL CONTEXT WHEN TRANSLATING INTO RUSSIAN A MONUMENT OF CLASSICAL ANCIENT CHINESE LITERATURE – THE NOVEL "JOURNEY TO THE WEST" ***117***

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94

ДОНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО: ПАТРИОТИЗМ В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ КАК ФЕНОМЕН ЭТНО-СОЦИАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА

Кудинова Таисия Анатольевна
Профессор, доктор филологических наук, доцент
Ростовский медицинский государственный университет,
Ростов-на-Дону, Россия
E-mail:ktaisija@yandex.ru
SPIN-код: 3837-4226

В статье поднимается проблема выявления исконных причин связи донских казаков с Россией. Дан краткий исторический обзор зарождения жизни на берегах Нижнего Дона, начиная с появления неандертальцев. Отражая факт миграционных процессов на протяжении сотен лет до нашей эры, автор утверждает, что в донских степях, несмотря на разнообразный этнический состав кочевников, основой в общении был язык русов. В эпоху до нашей эры все пришедшие племена на Дон, сменяя друг друга в борьбе за землю, говорили на русском языке. Это были нижнеповолжские кимирийцы, скифы и сарматы, которые стали в некоторой степени провозвестниками появления в нашей эре русов-казаков, проживавших в Диком поле.

Несмотря на неоднозначное разрешение вопросов об истории происхождения казаков, времени формирования донского казачества как этноса и на вхождение его до середины XVI века в состав Великой Татарии, не отрицается факт самобытной донской культуры, овеянной пафосом русских начал. Именно русская языковая основа стала ведущим фактором в сближении жителей Дона с русским народом.

Донское казачество, представляя собой особое этно-социальное сообщество, с середины XVI века вошло в структуру Российского государства и стало играть важную роль в историческом развитии России, следуя осмысленной преемственности своих обычаев и традиций; отмечается, что одной из традиций было воспитание подрастающего поколения в духе патриотизма, истоками которого были любовь к родной земле, почитание заслуг прошлого и православная вера. Подчёркивается значимость системы ценностей донских казаков как опыт внедрения в жизнь патриотической идеи.

Ключевые слова: донское казачество, истоки, русский язык, языковая основа, этно-социальное сообщество, традиции, система ценностей, преданность, преданность традициям, любовь к земле, любовь к соотечественникам.

THE DON COSSACKS: PATRIOTISM IN THE VALUE SYSTEM AS A PHENOMENON OF THE ETHNO-SOCIAL COMMUNITY

Kudinova T. A.

The article raises the problem of identifying the original reasons for the connection of the Don Cossacks with Russia. A brief historical overview of the origin of life on the banks of the Lower Don, starting with the appearance of Neanderthals, is given. Reflecting the fact of migration processes over hundreds of years BC, the author argues that in the Don steppes, despite the diverse ethnic composition of the nomads, the basis for communication was the language of the Rus. In the era before our era, all the tribes that came to the Don, replacing each other in the struggle for land, spoke Russian. These were the Lower Volga Kimirians, Scythians and Sarmatians, who became to some extent the forerunners of the appearance in our era of Rus Cossacks who lived in a Wild field.

Despite the ambiguous resolution of questions about the history of the origin of the Cossacks, the time of the formation of the Don Cossacks as an ethnic group and its entry into the Great Tartary until the middle of the XVI century, the fact of the original Don culture, fanned by the pathos of Russian beginnings, is not denied. Russian Russian language base has become a leading factor in the rapprochement of the inhabitants of the Don with the Russian people. The Don Cossacks, representing a special ethno-social community, entered the structure of the Russian state from the middle of the XVI century and began to play an important role in the historical development of Russia, following the meaningful continuity of their customs and traditions; it is noted that one of the traditions was the upbringing of the younger generation in the spirit of patriotism, the origins of which were love for their native land, honoring the merits of the past and the Orthodox faith. The importance of the value system of the Don Cossacks as an experience of introducing a patriotic idea into life is emphasized.

Keywords: *Don Cossacks, origins, Russian language, linguistic basis, ethno-social community, traditions, value system, devotion, devotion to traditions, love for the land, love for compatriots.*

*****

Сегодня политика нашего государства направлена на разрешение множества вопросов в сфере воспитания, одним из которых является развитие патриотических начал среди молодёжи и подрастающего поколения. Изучение и пропаганда традиций донского казачества, послуживших крепкой основой проявления патриотического чувства на протяжении всей истории, представляют собой особый вклад в идеологию взаимосвязи нравственных ценностей казачества и обеспечения национальной безопасности России.

Считаем: рассматривать проблему исторической памяти судьбы донского казачества как пример мужества и патриотизма – это значит предвосхищать основы формирования высокой духовности и чувства справедливости в современном мире. Сегодня для этого есть много причин: во-первых, возрос интерес к изучению истории донского казачества; во-вторых, повышено внимание к проблеме патриотического воспитания; в-третьих, особенности многовековых традиций казаков способствовали высокой дисциплине, ответственности, мужеству и героизму. Именно поэтому феномен казачества как этно-социального сообщества с особыми традициями является в некотором роде моделью, анализируя которую, мы можем взять многие постулаты для внедрения в жизнь современного общества.

Основная цель работы заключается в выявлении истоков патриотизма донского казачества, обусловивших достойное поведение воинов-казаков на протяжении длительного периода вплоть до нашего времени.

Зарождение человеческой жизни на Дону своими корнями уходит в далекое прошлое. Как утверждают археологи, до нашей эры у берегов Азовского моря, в Неклиновском районе, жили неандертальцы, которых 40 тысяч лет назад вытеснили кроманьонцы, такие же люди, как и мы. Их стоянки зафиксированы в районе Нижнего Дона. Историками установлено, что на протяжении сотен лет до н.э. в великой степи шли миграции различных племен кочевников. По одной из версий в VIII веке до н.э. степи Дона захватили племена кимирийцев, пришедших из степей Нижнего Поволжья. Они потом в результате войны со скифами уходят с Дона. А этнос скифов впоследствии был разгромлен савроматами (сарматы), которые во II веке до н.э. перешли Дон и захватили его. Савраматы так же, как и их предшественники, говорили на русском языке. По мнению древнегреческого историка Геродота (ок. 484 – ок. 425 до н.э.), сарматы были самым древним народом. Они в своем воинском сословии называли себя «чёрными ассами» (или «черкассами), что означало «лучшие во всём». Сегодня нетрудно обнаружить следы древности в названиях станицы Старочеркасская и города Новочеркасск [1, 5]. Помимо этого, в пользу свидетельства русской исторической основы являются упоминания о предках русов-казаков в трудах древнегреческого историка Диодора Сицилийского, жившего около 90-30 г.г. до н.э. и древнеримского писателя Плиния Старшего, годы жизни которого определяются 23 – 79 гг. н.э.). Поэтому не случайно сарматов некоторые исследователи предполагают прямыми предками казаков [1, 4]. По другой версии считается, что предками донских казаков были черкасы, аланы, чиги, хазары, славяне и другие народы «Казакии» – Тмутараканского княжества» [Цит. по: 2, 3].

В подтверждение русской основы у донских казаков служит образ Ильи Муромца, казака, который защищал богатырские заставы на Дону, находясь на службе у Киевского князя Владимира. Также есть упоминания о казаках как участниках Куликовской битвы в исторических материалах в конце XIV века и в середине XV века в Ермолинской летописи (1444, 1445 г). Можно считать, что с этого времени существование казачества фиксируется достоверно, хотя собственного государства не было. До середины XVI века южные донские земли входили в состав Великой Татарии и именовались Половецким или Диким полем [3].

Мнение исследователей о том, что в XV веке на Дону появляется «новое население», говорившее на русском языке [4], не противоречит русской основе возникновения казачества. «Новым» оно названо в силу того, что род деятельности донских людей поменялся в отличие от всех русских. Дело в том, что на степные территории в те времена претендовали татары, турки, ногайцы, поэтому оседлый образ жизни был небезопасен. «Новым поселенцам» вдоль Дона пришлось заниматься не землепашеством, как все русские, а охотой, рыболовством и разбоем для получения добычи. Особый стиль жизни обусловил отказ от деспотии, а военно-демократические условия способствовали становлению особой культуры, в основе которой было заложено особое воспитание.

Как видим, история происхождения казаков и время формирования донского казачества как этноса являются однозначно не разрешенными вопросами нашей современной действительности. Конкретно датировать момент появления казачества не представляется возможным. Но как бы то ни было очевидным является факт: русская языковая основа в дальнейшем развитии и становлении донского казачьего этноса, скорее всего, как раз-таки и стала определяющей причиной давней и крепкой связи с русским народом. Конечно, нельзя отрицать достоверных фактов смешения русского, украинского и тюркского языков, а также кавказского и иранского языковых компонентов.

Патриотизм донского казачества – это не только связь с исконной землей, с культурой и традициями своего края, но и, конечно, с родным языком. Преданность казака подразумевала не голословную любовь к своему народу, своему Отечеству, а деятельностное поведение, активное и сознательное участие во всех делах и походах. Основной обязанностью казака была защита Отечества, святость которого поддерживалась православной верой, поклонением Тихому Дону и лазоревому цветку в степях донской земли [5, 224]. Лазоревый цветок (литературное название

воронец, или *пион тонколистый*) для казака являлся символом, олицетворяющим память погибших казаков. Именно эта триада стала фундаментом верности русскому государю [6, 183].

Говоря о духовных ценностях донских казаков, многие исследователи считают главными из них именно патриотические, поддерживаемые православием, как высшей духовной ценностью. Вера в Христа определяла мировосприятие казака, она освящала весь его жизненный путь. Ведь не случайно в каждом казачьем доме, наряду с оружием, была именно икона. По закону Божьему в каждом формировалось чувство незлобивости. Казачьи духовные ценности можно представить в виде двух блоков (государственные и общественные), находящихся в постоянной взаимосвязи и представляющих неделимое целое менталитета донских казаков. Государственные ценности – это государственная организация (права и свободы человека, служение Отечеству), так называемая державность. Державность в понимании казаков – это чувство гордости и независимости. Неразрывность этих понятий поддерживалась в каждом казаке и являлась неотъемлемой частью политической культуры казачества [7].

В общественные ценности включались такие понятия, как демократизм и соборность, а также традиции, обычаи и обряды. Демократическое устройство внутренней жизни донских казаков в XVI-XVII веках не имело аналогов в России того времени. Войсковой круг, как высший орган власти, подчинялся воле большинства казаков. Своих предводителей донские казаки выбирали на казачьем Кругу всего лишь на один год, причем кандидатов было всегда несколько. Избранным по воле казаков считался тот, если на Кругу трижды прозвучало «Любо! Любо! Любо!». Надо заметить, если атаманом были казаки довольны, то есть он устраивал всех по всем критериям жизни казачьей, то его могли оставить. А если нет, то избирали нового и также путем всеобщего голосования. К исполнению своих обязанностей атаман вступал в тот же день после вручения ему на Кругу предметов как знаков, которые символизировали атаманскую власть. Это были булава (гладкая ореховая палка с серебряным шаром на конце) и насека (длинная палка с серебряной ручкой, предназначенная для отметки счёта атаманов). Кстати, бывший атаман возвращался в среду казачества [8, 13].

Соборность в сознании казаков являлась мироустроительным принципом. Ценность соборности заключалась в сочетании свободы и единства людей в решении важных вопросов. Это своего рода казачья солидарность, или иначе казачье товарищество, где царила взаимоподдержка, которая распространялась и на пришедших с разных земель людей. В эпоху крепостного права слухи о жизни казачьей подталкивали крестьян к бегству от помещиков, поскольку знали, что Дону выдачи не было. Главным принципом этого сообщества являлась взаимная ответственность друг за друга.

Рассматривая соотношение понятий «патриотизм» и «донское казачество», полагаем, что содержанием указанных категорий являлись государственные и общественные ценности. Донские казаки и патриотизм – это две стороны одной медали, освященные божьим духом. Патриотический долг – это исполнение обязанностей по отношению к ближнему, семье, соплеменникам и согражданам своего Отечества. Патриотизм донских казаков – это беззаветное служение Родине, связанное с осознанной любовью к России и её народу на почве языковой общности и родственной духовности.

Идея патриотизма имеет длинный путь в своём историческом развитии. На каждом этапе философская мысль интерпретировала понятие «патриотизм» с позиций духовных ценностей. В античной философской мысли его содержание было наполнено смысловой стороной бытия. Однако существенный вклад в толкование понятия внесла философия эпохи Средних веков. Она дополнила земную, так называемую локальную и общегосударственную составляющую понятия патриотизма сознательной любовью к Отечеству Небесному, как к идеальному совершенному обществу. При этом, как утверждают исследователи, не отрицались

нормы нравственного порядка. Например, уважение к власти земного мироустройства принималось как должное и обязательное.

Процесс развития патриотической идеи расширялся особенностями духа каждого народа до всеобщности в его стремлении выйти за пределы земной жизни. В философии Нового времени соединяются противоречия античной философии и христианства Средневековья. Индивидуалистическое начало природы человека одержало верх над сословно-корпоративным и внесло в идею патриотизма понятие свободной воли индивида как гражданина государства, его стремления к разумному законодательству как Царству Бога на земле [9].

В немецкой классической философии с позиций всеобщей диалектики конкретизируется понятие «патриотизма» и предстает как логически завершенное, но при этом игнорируется относительная самостоятельность проявления единичного патриотизма.

Культурно-историческое пространство России придало патриотической идее уникальную особенность, основанную на соборности и синтезе различных культур на основе распространенности русского языка [9]. В современных работах российских ученых понятие «патриотизм» трактуется как чувство и сформировавшаяся позиция верности своей стране и солидарности со своим народом, как готовность служить Отечеству [10].

Как видим, божественное, священное внутри человека и мира, дополненное противоречивым стремлением между необходимостью природы и свободой человека как разумного существа, поддерживают в нем любовь к Родине и Отечеству. Именно такие составные особенности понимания самого феномена формировали идею патриотизма в индивидуальном и коллективном сознании представителей, обитающих на просторах донской земли.

Сегодня «патриот» в широком понимании слова – это, с одной стороны, человек, который любит свою землю, свой город или село, а с другой – это гражданин, который любит свой народ и готов защитить его в любой ситуации. В узком понимании это личность, главной ценностью которой являются категории нравственного порядка – совести, долга, чести и справедливости. Для этой высоконравственной личности жизненной установкой является быть полезным своему Отечеству.

Именно таковыми были и остаются ориентиры в среде донского казачества. Донские казаки – это люди разных национальностей, названные Н. Карамзиным по праву «народом-рыцарем». Это были не просто всадники, а воины, выступающие защитниками и борцами за правду и берегущие свою честь. Донским казакам свойственна установка: если служить, то служить честно. Если защищать, то защищать правду и справедливость.

Говоря о проявлении в далёком прошлом патриотического начала в среде казачества, невольно задаёшься вопросом: почему донские казаки в большинстве случаев защищали интересы России и что лежит в основе тесной связи между россиянами и казачеством? Конечно, в этом случае нужно исследовать генезис феномена «донское казачество».

Происхождение казачества – самая интересная и загадочная страница в летописи России. Этой проблеме посвящено множество исследований. Однако единства мнений нет. Каждая версия имеет под собой весомые доказательства и заслуживает определенного внимания. В нашем случае, когда речь идет о патриотическом начале донских казаков, как верных сынов России, точка зрения о русских корнях донского казачества является на основе проанализированных фактов наиболее убедительной. Существующее мнение историков о том, что русы являются предками донских казаков, базируется на фактах событий эпохи до нашей эры. Борьба за выживание способствовала накоплению своеобразного опыта и выработке определённых принципов в жизни племен, имевших русские корни. И, несмотря на природные катаклизмы и миграционые процессы, род казачий выживал и оформлялся в особый этнос. Об этом свидетельствует обоснованная оценка русского историка-эмигранта С. Г. Сватикова, рассматривавшего «донскую

республику как вольную колонию русского народа», начавшую свою историю с середины XVI века [11, 17].

Сложность разрешения проблемы состоит еще и в том, что имеются крайне противоречивые сведения о мнимой незаселённности донской земли, тот есть якобы в 1521 году практически не было никаких поселений на Дону. однако спустя немного времени, буквально в 40-х гг. XVI века ногайцы жалуются на казачьи набеги. Ученые предполагают, что именно в эти 20 лет, то есть в первой половине XVI века возникают первые казачьи городки [11]. Многие историки XVIII века, вопреки мнению Н.М. Карамзина, отрицают происхождение казачьего этноса из разбойников и беглых холопов. Точка зрения о происхождении древнерусского населения тмутараканского княжества жителей Белой вежи или из казачества Запорожской сечи, так же, как и первая, не имеет стопроцентного доказательства. Казачьи историки начала XX века, изучив глубины исторического прошлого, усматривали корни предков казаков из легендарных амазонок или пограничной стражи хазарских каганов, которые бытовали целые эпохи. Но как бы то ни было, одним из фактов остаётся то, что предшественниками казаков были различные группы христианских славян (их называли бродниками), проживавших на Дону в период, предшествующий татарскому вторжению и господству Золотой орды. Монголо-татары вихрем пронеслись по донским степям. И в то же время Донской земле суждено было стать свидетелем немеркнущей славы русских воинов. Они разгромили на берегах Дона и на поле Куликовом (1380 г) орды хана Мамая [8, 5]. Тяжелые испытания, выпавшие на долю многих поколений жителей Дона, стали кузницей формирования патриотических чувств.

В истории значатся факты патриотизма, проявленного казаками с давних времен под руководством предводителей казачества, которых называли атаманами. Не вдаваясь в подробности этимологии слова «атаман», для убедительности выдвинутой идеи о русских корнях донского казачества подчеркнем, что еще в XIV веке «ватаманами» называли вожаков ватаг (станиц) новгородских ушкуйников (пиратов), промышлявших по Волге по северным и южным морям. Донские казачьи атаманы периода 1550 – 1920 г.г. из архивных материалов и книг историков прошлых веков предстают выдающимися личностями, жизнь и деятельность которых была посвящена Отечеству, причём во славу своей Отчизны.

В хронологическом списке всех донских атаманов, начиная с середины XVI столетия до 1920 года, значится 106 человек. И каждый из них заботился о сохранении традиций донского казачества, но не каждому повезло в увековечивании имени [12, 7 – 10]. Нет в этом списке донского атамана Игната Некрасова, который в результате поражения булавинского восстания увёл за границу по различным данным от 2 тысяч до 8 тысяч казаков. Правильность-неправильность его действий имеет двойственную оценку. С одной стороны, Россия лишилась большого количества воинов, с другой – донские казаки, находясь на чужой земле несколько столетий, не утратили язык предков, сохранили традиции и обряды. И более того, подтвердили преданность России помощью русским войскам в русско-турецкой войне 1806 – 1812 гг [12]. И как бы ни сложилась судьба для некоторых представителей казачества, никого из них нельзя уличить в отсутствии искренней любви к народу и к России. Историкам ещё много времени понадобится, чтобы разобраться в причинах поведения отдельных личностей, возглавлявших донское казачество.

Как видим, поселившиеся в Диком поле на рубеже XI – XVI веков устойчивые казачьи отряды и превратившиеся к середине XVI века в военно-политическую силу были надежным щитом для России от набегов кочевников. Причиной такого поведения донских казаков была этническая и духовная близость православного донского казачества с народом России.

Итак, донское казачество, как самостоятельная военно-политическая сила, в результате братской помощи России к середине XVI века установило союзные отношения с ней, получив от Ивана Грозного право владеть тихим Доном и Белым Манычем. Именно с этого момента безупречная верность России стала отправным пунктом во всей дальнейшей истории казачества.

Патриотизм донских казаков – это идеология тесной взаимосвязи духовных гражданских и общественных ценностей, особенностями которых были державность, соборность, православие, казачий демократизм и казачье товарищество.

Военно-патриотическое воспитание, как главная традиция, имело определённую систему. С момента рождения и до семилетнего возраста совершались определённые ритуалы с целью формирования духа воина в ребенке. Память о предках означала любовь к родине и её защиту по традициям предшественников, что формировало чувство быть достойным памяти своих по крови. Ненависть к врагу поддерживалась причинами нарушения законов правды и справедливости.

Сегодня политика нашего государства направлена на разрешение множества вопросов в сфере воспитания. Среди них одним из актуальных является развитие патриотических начал среди молодёжи и подрастающего поколения, поэтому сейчас, как никогда, в связи с происходящими событиями в зоне Специальной Военной Операции (СВО) актуальна проблема патриотического воспитания молодёжи, развитие в ней чувства долга и ответственности. Чтобы отстоять правду русского народа, необходимы конкретные знания человеческого опыта, которые формируют любовь к Родине в каждом человеке. Такие ориентиры нам предоставляют традиции донского казачества. На примерах поведения донских казаков можно воспитать больших патриотов своей Родины. В этом плане исследованный материал по истории донского казачества с позиций проявления казаками преданности в служении России – наглядный пример в деле патриотического воспитания [13]. И сразу же встаёт вопрос: как воспитывать? Ответ, конечно примерами, с которыми можно и нужно знакомить не только подростков, но и студентов различных учебных заведений. Для этого надо обратить внимание на художественную литературу о донских казаках, среди которой знаковыми являются многие произведения, например: роман Юрия Семенихина «Новочеркасск» или романы современного донского писателя Владимира Бурняшева «Гроза с Дону» и «Зальян».

ЛИТЕРАТУРА

1. Авилов В. И., Харахордин С. Е. Казачьи шермиции – народные военно-спортивные игры казаков / В. И. Авилов, С. Е. Харахордин / – М., Профит Стайл, 2020. – 286 с.
2. Астапенко М. П. История Донского казачества /М. П. Астапенко / – Ростов н/Д: Терра, кн.1. – 2000. – 700 с.
3. История донского казачества [Электронный ресурс] – https://ru.wikipedia.org/wiki. – Дата обращения: 1.10. 2019
4. Тихий Дон – казачий дом. Историко-статистический обзор: Стат.сб./Ростовстат.- Ростов-на-Дону, 2020. – 91 с. [Электронный ресурс]: http://rostov.gks.ru. Дата обращения 10.10.2023.
5. Астапенко М. П. История Донского казачества / М. П. Астапенко / – Ростов н/Д: Терра, кн.3. – 2000. – 768 с.
6. Бурняшев В. П. Гроза с Дону / В. П. Бурняшев / – Сальск: Талер, 2004. – 423 с.
7. КарпенкоА.Н. Казачество как социокультурный феномен // Межвузовская научно-практическая конференция «Государственность и право славянских народов: вопросы теории и практики». Тезисы докладов. – Ростов-на-Дону, 2005. – С.140-143.
8. Астапенко М. П., Астапенко Е. М. История Дона и донского казачества / М. П. Астапенко М. П., Е. М., Астапенко Е. М. / – уч. пособие. – Ростов н/Д: БАРО-ПРЕСС, 2005. – 304 с.

9. Килин С. В. Становление понятия патриотизма в античной и христианской философии и культуре / С. В. Килин // Каспийский регион: политика, экономика, культура. История философии. – 2017, №3 (52). – С. 186 – 193.

10. Данилюк А. Я., Кондаков А. М., В.А. Тишков В. А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России / А. Я. Данилюк, А. М. Кондаков, В.А. Тишков / – М.: Просвещение, 2009. – 24 с.

11. Сватиков С. Г. Россия и Дон. История донского казачества 1549 – 1917 / С. С. Г. Сватиков / – Москва: Центрполиграф, 2023. – 623.

12. Астапенко М. П. Донские казачьи атаманы (1550-192 гг). Исторические очерки-биографии / М. П. Астапенко/ – Ростов н/Д: Ростовкнига, 2012. – 251 с.

13. Посадский А.В. Патриотические ценности казачества в обеспечении национальной безопасности современной России [Электронный ресурс] / А. В. Посадский // – Режим доступа: sestroretsk.com›pdf/UMC/PatrCenRazNatsBezopRos.pdf. – Дата обращ.: 20.09.

УДК 9

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОГРАММЫ ВСЕОБЩЕГО ОБУЧЕНИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА ПРИМЕРЕ РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Рындина Татьяна Владимировна
Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина
МБОУ «Школа №75» г.Рязани,
Российская Федерация, Рязань
E-mail: malyschevatatiana@yandex.ru

В статье рассмотрены вопросы, связанные с организацией всеобщего обучения в годы Великой Отечественной войны в Рязанской области. Автором были выявлен ряд проблем и закономерностей, ставших на пути к обязательному семилетнему образованию подрастающего поколения. Подробно рассмотрены районы практически с 100% посещением школ учениками, а также приводятся примеры с низким процентом посещения; автор, анализируя, пытается выявить причины таких результатов.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, третья пятилетка, всеобщее обучение, обязательное семилетнее обучение, школьники, родительские комитеты, сельские советы, колхозы, Рязанская область, социальное развитие в годы Великой Отечественной войны.

IMPLEMENTATION OF THE UNIVERSAL EDUCATION PROGRAM DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR USING THE EXAMPLE OF THE RYAZAN REGION

Ryndina T. V.

The article examines issues related to the organization of universal education during the Great Patriotic War in the Ryazan region. The author identified a number of problems and patterns that stood in the way of compulsory seven-year education for the younger generation. The areas with almost 100% school attendance by students are examined in detail, and examples with a low percentage of attendance are given; the author, by analyzing, tries to identify the reasons for such results.

Keywords: Great Patriotic War, Third Five-Year Plan, universal education, compulsory seven-year education, schoolchildren, parents' committees, village councils, collective farms, Ryazan Region, social development during the Great Patriotic War.

*****

Начало Великой Отечественной войны нарушило планы третьей пятилетки (1938-1942гг.) В её рамках, советское руководство ставило перед собой задачу укрепление образовательного потенциала, а именно обеспечение населения обязательным семилетним образованием, также предусматривалось строительство сети школ по всей стране, к началу Великой Отечественной войны их количество сильно возросло.

На XVIII съезде партии, проходившем в марте 1939г. перед ОБЛОНО и РОНО была поставлена первостепенная задача – осуществление всеобщего обязательного начального обучения, подготовка к ведению обязательного семилетнего обучения в селах и десятилетнего обучения в городах и рабочих

поселках. Все мероприятия, которые проводили школы области, были подчинены этой задачи. Известно, что на начало Великой Отечественной войны насчитывалось 2516 школ по области и 442 890 человек учащихся. Из них 1870-начальные школы (обучалось 288 323 тыс.человек), 498 – начальные средние школы (136 065 тыс.человек) и 148 -средние школы (18 502 ученика)[1]. В течение учебного года произошли количественные изменения среди учащихся, а именно 70 110 человек выбыло. 59 651 учащихся переехали вместе с родителями. 4 750 выбыли по причине болезни, смерти или другим уважительным причинам [Там же]. Уместно обратить внимание на тот факт, что дети не прогуливали школу без причины. Например, в Солотчинском районе Рязанской области 207 детей [2] не посещали школу, а ушли в пастухи с приходом весны.

Вопросы всеобуча были поставлены на пленумах сельсоветов, колхозах, на родительских собраниях, комсомольских, ученических, на совещании директоров и заведующих школами. Местная печать уделяла большое внимание школам. Однако все предпринимаемые меры не предотвращали отсева, не создали всех необходимых нормальных условий для работы школы. Часть отсева была вызвана с отсутствием детской одежды и обуви. Ряд школ остановил свои занятия (Октябрьский, Рязанский, Спасский, Скопинский районы) из-за отсутствия топлива. Отсюда мы делаем вывод, что данные районы недобросовестно отнеслись к вопросу подготовки школ к новому 1939-1940 учебному году. Помимо халатного отношения проблемы возникали еще и с финансированием школ, не было средств на покупку топлива и его транспортировку. Например, в Можарской школе (Можарского района) учителя тратили свои личные деньги на топливо только для того чтобы занятия не прекращались. Заработная плата техническим служащим не платили от пяти месяцев до девяти, из-за этого они уходили с работы. Иногда уборщицу приходилось заменять самому учителю [3].

С началом Великой Отечественной войны реализация закона о всеобщем обязательном обучении детей и подростков школьного возраста продолжала занимать первостепенную значимость. К Наркомпросу РСФСР и его органам на местах предъявлялись самые серьезные требования. “Как бы, однако, мы не были поглощены войной,- сообщалось в газете “Правда”24 марта 1942 г. – забота о детях, об их воспитании остается одной из наших задач” [4].

Учительство было занято тем, что старались ликвидировать отсев учащихся из школ, проводили учет по месту жительства. Но, несмотря на их старания все же вне сферы школьного влияния осталось много детей. Старшеклассники часто уходили работать на заводы, на фронт, другие же были отправлены в эвакуацию. В учебный год 1941-1942 года был приостановлен набор первоклассников в школы.

Несмотря на тяжелые условия войны, Наркомпрос РСФСР ставил основную задачу перед всеми школами и учителями страны: обеспечить всеобщее обучение, привлечь детей школьного возраста систематически посещать школьные занятия. В августе В.П. Потемкин отметил [5], что, несмотря на то, что в ряде районов в ведено военное положение, ничто не должно остановить процесс всеобщего обучения, учителя должны приложить все усилия, чтобы обеспечить детей им. Однако, в некоторых школах области снизилась посещаемость. В связи с этим по Рязанской области был издан приказ: “выполнять закон о всеобуче, принять меры по возвращению детей за парты”[7]. Советский Союз даже в тяжелые военные годы понимал значимость образования для подрастающего поколения и делал все возможное, чтобы учащиеся школьного возраста получили необходимые знания, которые в дальнейшем они смогут использовать на благо Родины.

Выдвинутая задача по сохранению учащихся требовала от учителей дополнительной работы. Большой отсев школьников расценивался, как неумение педагога привлечь, заинтересовать школьника своим предметом. При разработке учебных планов учитывалось военное положение страны, из-за чего вносились изменения в программы. Так, например, все школы страны должны были закончить выпускные экзамены в срок до 1 июня 1942г., после этого школьники опять-таки вместе с учителями отправлялись в колхозы или совхозы. Правительство понимало, что

силами одного только учительского сообщества нельзя было восстановить всю сеть школ, которые разрушали немцы.

В Рязанской области были районы, которые умело, организовывали борьбу за всеобуч, к таким районам относился Захаровский, Шацкий, Пителинский, Чучковский, Данковский, Спасский районы. В этих районах в школы не ходило от 3 до 30 человек, этот результат был небольшим в сравнении с остальными районами области. В ходе проверок предвоенного года было выявлено, что многие директора школ беспечно относились к вовлечению детей в школу. Например, директор Полянской начальной школы (Солотчинский район) не имел даже точных данных по охвату всеобучем детей. В итоге после проверок и рекомендаций со стороны ОБЛОНО в упомянутом селе осталось всего 7 человек, не посещавших школу [2].

Однако, 1 сентября 1941г. часть учащихся не явилась на учебные занятия, даже в тех районах, которые были далеко от линии фронта. Большая текучесть учащихся потребовала поиска новых форм отчетности учреждений народного образования. И уже в 1941-1942 учебном году была установлена периодичность отчетности: 1 февраля и 1 августа. Руководители РОНО должны были следить за посещением школ учащимися с 7 по 15 лет, а также бороться с отсевом учеников. Военная обстановка обусловила необходимость перестройки работы по осуществлению всеобуча. В новых условиях все должно работать по-новому. На начало первого военного учебного года в школах Рязанской области было 415 127 учеников. Всего из школ за 1941-1942 учебный год выбыло 79 615 человек. На традиционных августовских педагогических советах еще раз было подчеркнута важность выполнения закона о всеобщем обязательным обучении. Выдвинутые перед школой новые требования – организация и мобилизация учащихся на выполнение осенних сельскохозяйственных уборочных работ, оборонных работ, которые прервали учебные занятия сроком от 2 недель до 2 месяцев, отвлекли школы от всеобуча. С окончанием полевых работ и приближением линии фронта началась эвакуация из области. Дети из школ выбывали, классы во многих школах закрывались, некоторые школы объединялись с близлежащими. В этот непростой период учителя, РОНО и ОБЛОНО упустили основное – строгий учет детей, причины их выбытия. Школы и местные организации из-за начала войны приостановили активную работу с общественностью. Вследствие чего, некоторые родители заявляли, что с учебой можно подождать до конца войны, так как дома дети нужнее по хозяйству[8].

Односторонность являлась главным недостатком борьбы за всеобщее обучение, т.е. только школа старалась воздействовать на учащихся. Общественность не была привлечена к борьбе за всеобуч. Однако вскоре школы стали обращаться за помощью к родительским комитетам, колхозам, сельсоветам. Там, где была развернута фронтальная борьба за дело всеобщего обучения количество детей, не посещавших школу, было минимальным. Сельские советы Рыбновского, Перекальского, Слободского и других районов раз в четверть заслушивали доклады о ходе всеобщего обучения, по первому сигналу школы принимали посильные меры [5].

Обратимся к другим примерам. Рассмотрим ситуацию в нескольких школах. Директор Н.Мальцевской средней школы Каверинского района т. Гришаев вопросами всеобуча не занимался с начало войны. Перед общественностью села и родителями вопрос по всеобучу не поднимал. В итоге из 600 человек учащихся 329 человек школу не посещали. Другой отрицательный пример, заведующий Шацким РОНО т.Грибков имея отсев учащихся в 3500 человек причины не изучал и не предпринимал никаких мер по возвращению детей в школы. В результате такой работы он был снят с должности заведующим РОНО[9].

Положительным примером в деле борьбы за всеобуч может служить Шиловский район. Березовская, Борковская, Алексеевская, Санская, Назинская школы имели 100% посещаемость. Учителя Санской школы провели большую работу с родителями, привлекли к делу всеобуча самих учащихся. В классах дети были полностью вовлечены в школьную жизнь. Учительница Комарова налаживала

работу с детьми по принципу старшие учащиеся, следят за посещением младших учеников [9].

Новой задачей школы стало максимальное привлечение родителей к жизни школы. Родительские комитеты стали оживлять свою работу, обсуждение вопросов всеобуча, организация подвоза далеко живущих детей в школы. Например, по Трубетчинскому району с помощью родительских комитетов было возвращено 193 ребенка[5] в школы. Школы Данковского, Рыбновского района с помощью родительских комитетов нашли материальную возможность приобрести детям одежду и обувь. В Ухоловской средней школе[Там же]председатель родительского комитета товарищ Куликов добился материальной помощи детям, не посещающим школу, обеспечив, тем самым, полный охват детей всеобучем и обеспечил школу топливом на весь учебный год. Помимо материальной помощи, родительские комитеты организовывали школьные буфеты, где продавался только белый хлеб – это факт также благоприятно повлиял на посещаемость учениками школ. Таким образом, мы можем сделать вывод, что совместная работа школы, родителей, колхозов и сельсоветов оказало положительное влияние в деле борьбы за всеобщее обучение. Для родителей были проведены лекции по вопросам воспитания детей.

Во второй половине 1941-1942 учебного года борьба за всеобуч приобретает целеустремленный и оперативный характер. За этот период были проведены педагогические советы, на которых обсуждались первые итоги работы школ в условиях Великой Отечественной войны и подготовки школ к новому учебному году. Результаты этого педагогического совета были разосланы по всем РОНО страны, а также продублированы в центральной газете "Правда". 30 июля 1942г. СНК СССР принимает распоряжение "О вовлечении в школы всех детей школьного возраста и использовании школьных зданий по назначению"[10]. Все школьные здания занятые не назначению и находившиеся уже далеко от линии фронта следовало освободить. Школы старались приблизить к месту жительства детей, тем самым возросла сеть школ.

В учебный год 1942-1943г. был замечен серьезный сдвиг во всеобщем обучении. Занятия в школах начались во время, был произведён ремонт школьных зданий, заготовлено топливо, открытие в школах буфетов, а в крупных городах столовых. В то же время некоторые области не выполняли план по всеобучу в полном объеме. Только к концу войны отсев учащихся был практически ликвидирован. С целью борьбы с беспризорностью в 1944 г. при органах народного образования на местах была создана должность инспектора охраны детства. В его обязанности входил учет детей оставшихся без родителей и защита их имущественных прав и интересов, также контроль над всеобучем таких детей. Ведь каждый ребенок был важен и ценен для СССР.

В военных условиях стало возможно обучать детей в общеобразовательной школе с семилетнего возраста и обучаться там 7 лет. Выпускники семилетней школы заканчивали образование к 14 годам, поступали в ремесленные училища, начинали работать на предприятиях и в колхозах. Партия заботилась о детях и подростках, которые в силу разных причин не смогли продолжить свое обучение. Специально для таких детей были созданы новый тип учебных заведений – школа рабочей молодежи (ШРМ). Цель данной школы – это обучение детей без отрыва от производства. ШРМ давали выпускникам неполное среднее и среднее образование без отрыва от производства. С 1 ноября 1944 г. стали работать вечерние школы сельской молодежи (ШСМ), они были рассчитаны на контингент подростков, работавших в сельском хозяйстве.

Восстановление сети школ проходило быстрыми темпами и находилось на контроле у государственных органов. Нарком просвещения РСФСР В.П. Потемкин на совещании с заведующими отделами народного образования и наркомпроссов автономных республик в марте 1942 г. отмечал: "Само собой разумеется, что все достигается усилиями не только одного учителя, напрасно возлагать все надежды на него; не следует думать, что он один должен ходить по своему школьному району, записывать количество детей, подлежащих обучению, уговаривать родителей

посылать их в школу" [11]. Таким образом, ответственность за всеобуч возлагалась не только на школы. Было понятно, что школам в деле государственной важности нужна помощь. В.П.Потемкин отмечал, что на помощь школам должны приходить местные общественные организации советской власти, начиная с сельских советов.

Вопросы всеобщего обязательного обучения, предупреждение детской безпризорности обсуждались на партийных съездах и заседаниях педагогических советов. Однако, лишь отдельные педагоги проводили конкретную работу.

С течением времени изменилась и форма работы борьбы за всеобуч. Если в первые месяцы войны главной задачей было привлечь как можно больше детей к занятиям, то в последствии основная работа состояла в закреплении и развитии достигнутого. Педагоги стали больше уделять внимание системности, т.е. переходили от разовых мероприятий к плановой работе. Так, например, опытные учителя, строго следили за выполнением решений партийных собраний, за уровнем проведения уроков молодыми педагогами. Они считали, что удачно построенный, интересный урок побуждает у учеников желание посещать школу.

Несмотря на то, что за организация всеобщего обязательного обучения находилась под контролем государственных органов, принимаемые меры не всегда способствовали достижению положительных результатов. Производился анализ объективных и субъективных причин плохой посещаемости учащимися школы, большое внимание было уделено учебно-воспитательной работе. Ценным и эффективным мероприятием в борьбе за всеобуч являлся продленный день в школах. Продленный день обеспечивал условия для воспитательного процесса в школе.

В отчете зав. РОНО по Рязанской области от 20 июля 1944 г. "Об итогах года и подготовки школ к новому учебному году" мы отмечаем, что большое значение отводится борьбе за всеобуч. Рязанская область с 1940г. осуществляет не только обязательное начальное, но и семилетнее обучение и фактически закончила эту работу в 1943г. Сеть школ по Рязанской области строилась с учетом максимального приближения школы к учащимся. Для начальной школы строились в радиусе 3 км. (было открыто 23 школы) . Для семилетних и средних школ было ассигновано 138000 руб. на интернаты и наем квартир для далеко живущих учащихся [12].

Изучение причин непосещения учащимися Рязанской области школ показал, что не все дети материально обеспечены, у некоторых нет одежды и обуви. Так, например, в Сапожковском районе были привлечены местные мастерские к пошивке и починке детской одежды и обуви. В районе, наконец, 1943-1944г. осталось только 60 учащихся, не вовлечённых в школьную среду [13].

Выполнение плана по всеобщему обязательному обучению было величайшим достижением в культурной революции СССР. Казалось бы, что в годы Великой Отечественной войны проблема всеобуча должна уйти на второй план, но Коммунистическая партия рассматривала всеобуч как государственную задачу, имеющую большое политическое, хозяйственной и оборонное значение. Исходя из этого, партия вела борьбу за сознание советского человека, и пыталась донести, что всеобуч – это боевая политическая задача, от ее решения зависит дело массовой подготовки квалифицированных кадров для тыла и фронта в военных условиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГАРО Ф.3232 Оп.1. Д.2 Л.7
2. ГАРО Ф3232.Оп.1.Д.2. Л.1
3. ГАРО Ф.3232 Оп.1 Д.2 Л.3
4. «Правда». 24 марта 1942 г
5. ГАРО Ф.3232 Оп.1. Д.2. Л.5
6. ГАРО.Ф.3232.Оп.1 Д. 2 Л.19
7. ГАРО. Ф.3232. Оп.1. Д.28. Л.6
8. ГАРО.Ф.3232.Оп.1. Д.32. Л.48
9. ГАРО Ф.3232 Оп.1.Д.32 Л.49-50

10. Народное образование в СССР:Общеобразовательная школа: Сб.док., 1917-1973. – М.,1974, с.117
11. Советская педагогика. 1942.№3.С.11
12. ГАРО.Ф.3232.Оп. 1.Д.57.Л.4.
13. ГАРО.Ф.3232.Оп.1 Д.57.Л.6

УДК 791.9

ЭВОЛЮЦИЯ ИСТОРИЧЕСКИ УДАЛЕННЫХ И СОВРЕМЕННЫХ КУЛЬТУРНЫХ ЯВЛЕНИЙ

Сафонова Екатерина Александровна
Соискатель ученой степени кандидата наук,
Луганской государственной академии культуры и искусств
имени Михаила Матусовского (ЛНР),
магистр театрального искусства, художественный руководитель
Театра «Фортуна» (Московская обл.),
Заместитель директора Образовательного центра «Полёт» (Московская обл.)
E-mail: svirydova@mail.ru

Представленный материал включает в себя всесторонний обзор видоизменений явлений культуры, затрагивающих историческую хронологию с момента их появления до веяний настоящего времени. Основной целью научного анализа является построение реперных точек в системе развития культурных традиций, а также фокусирование внимания на моментах, меняющих ход событий. Предложенное исследование анализирует и систематизирует отличительные черты культурного наследия разных исторических периодов, выявляет их потенциальное влияние на процессы, происходящие в обществе. В качестве яркого культурного события настоящего рассматривается феномен массовой культуры, его особенности и перспективы развития. Ожидаемым итогом данной академической экспертизы представляется формирование устойчивого понимания системы трансформации культурных феноменов, оценка факторов, влияющих на их изменения, определение потенциальных ориентиров.

Ключевые слова: культура, феномен культуры, история культуры, эволюция культурных явлений, массовая культура, цифровая трансформация, глобализация, секуляризация, самовыражение.

EVOLUTION OF HISTORICALLY DISTANT AND MODERN CULTURAL PHENOMENA

Safonova E. A.

The presented material includes a comprehensive overview of the modifications of cultural phenomena, affecting the historical chronology from the moment of their appearance to the trends of the present time. The main goal of scientific analysis is to build reference points in the system of development of cultural traditions, as well as to focus attention on moments that change the course of events. The proposed study analyzes and systematizes the distinctive features of the cultural heritage of different historical periods, identifying their potential impact on the processes occurring in society. The phenomenon of mass culture, its features and development prospects is considered as a bright cultural event of the present. The expected outcome of this academic examination is the formation of a stable understanding of the system of transformation of cultural phenomena, assessment of factors influencing their changes, identification of potential guidelines.

Keywords: culture, cultural phenomenon, cultural history, evolution of cultural phenomena, mass culture, digital transformation, globalization, secularization, self-expression.

*****

Прежде всего, стоит начать с понимания термина «культура» в контексте эволюции его значения в таких дисциплинах, как лингвистика, семантика, история, философия, политология и экономика, оценить первоисточники.

С точки зрения понятийного содержания и смыслового значения, определение «культура» обладает сложной многоуровневой структурой, доподлинный смысл которой с латинского языка интерпретируется как «возделывание» или «культивирование».

Обращаясь к творчеству древнеримских поэтов, обнаруживается, что в тот временной период данным термином обозначали деятельность человека, направленную на изменение окружающего мира.

Отсюда абсолютно закономерно, что объектом подобных изменений вполне может стать и сам человек, его разум, восприятие, ценности.

Дальнейшее рассмотрение хронологии изменения понятийного аппарата показывает постепенное обогащение термина новыми смыслами, среди которых «воспитание», «образование» и «развитие».

Активное использование в академической экспертизе понятия «культура» в современном его значении начинается с 1782 года, когда немецкий филолог И. Аделунг выпустил свой трактат «Опыт истории культуры человеческого рода». При этом стоит понимать, что вплоть до середины XIX века не существовало русского аналога данного определения. Все словари того периода в качестве эквивалентного значения немецкому понятию предлагали использовать слово «просвещение». Чуть позже, в 1837 году в «Карманной книжке для любителя чтения русских книг, газет и журналов», термин обрел дополнительное толкование: «земледелие» и «образованность».

Анализируя эволюцию термина, справедливо считать, что под современным его определением понимается собирательное разнонаправленное понятие, включающее в себя традиции, взгляды, ценности, правила поведения, достижения, произведения искусства, изобретения и многое другое.

В качестве главной особенности культуры можно выделить ее адаптивность. Эта способность позволяет культуре, как явлению, приспосабливаться к сменяющим друг друга традициям, ценностям, взглядам, нормам. При этом сохраняя ключевой стержень благодаря преемственности поколений.

Вместе с тем, важно отметить, что термин «культура» интерпретируется по-разному в каждой отдельной области знаний, отражая свои уникальные смыслы, раскрывая свои направления в человеческой деятельности и мышлении.

Будучи по своей природе достаточно сложным процессом, культура порой принимает самые нестандартные формы. При этом помимо вышесказанного она неизменно трансформируется с течением истории, формирует взгляды общества, отражает традиции, идеалы и ценностные ориентиры.

Таким образом, в качестве первостепенной цели данного материала можно рассматривать развитие явлений культуры от исторических удаленных до современных, уделяя особое внимание этапам формирования, видоизменения и влияния на общественные структуры.

Для понимания содержания самого значения феномена культуры стоит обозначить, что данное явление достаточно сложное само по себе и охватывает буквально необъятное. Его характерной чертой можно считать многослойность. Когда мы говорим о бытовых, трудовых, речевых, идеологических нормах, установках и ценностях, передающихся из поколения в поколение, мы так или иначе вкладываем понятие культуры. Если явления или субъективные элементы, созданные или неким образом модифицированные людьми, несут в себе определенные значения, то речь идет, вероятнее всего, тоже о феномене культуры. Сюда же входят духовное и материальное наследие человечества. И все то, что формирует наше мировоззрение.

В этой связи, ключевые элементы культурного явления можно классифицировать следующим образом:

* Все предметы и события, созданные человеком, которые несут в себе определенные значения и символику представляют собой артефакты культуры.

* Способы осмысления и наделения значением разнообразных культурных форм, явлений и событий, являются культурными интерпретациями.

* Основные категории знаков и системы их записи, где знак представляет собой объект, выполняющий роль аналога другого элемента, задействованного в процессе передачи информации, выделяются в знаковые системы.

* Символы, формы и тексты, посредством которых люди имеют возможность взаимодействовать и ориентироваться в различных социальных и культурных контекстах, где символ не просто обозначает конкретный объект, но и включает дополнительные значения, отражающие общие идеи и концепции, связанные с восприятием этого объекта, классифицируются как языковые средства.

Анализируя процесс формирования культурных явлений обнаруживается, что они напрямую зависят от развития человеческого общества и его взаимодействия с окружающей действительностью.

Согласно современным представлениям, культура предыдущих эпох кардинально отличалась от нынешней тем, что опиралась на строго установленные каноны и традиции.

Вместе с тем, события, произошедшие в прошлом, в процессе научного познания, могут рассматриваться как некие обрывки исторической реальности, понимаемые в контексте действующих теоретических ретроспективных подходов.

Таким образом, вполне закономерно, что исследование уникальных явлений прошлого качественно отличается от анализа современных феноменов.

Например, освоение пространственно-удаленных событий базируется на косвенных методах, связанных с изучением следов минувших происшествий, которые необходимо восстановить с максимальной полнотой и точностью. В то время как, исследование настоящего опирается на непосредственные наблюдения.

В свое время палеоантрополог Р. Фоули подчеркивал, что отличия в изучении прошлого и настоящего связаны не только с разницей между прямыми и косвенными методами, но и с отличающейся продолжительностью логических взаимосвязей между элементами. Наряду с этим, М. Блок также отмечал, что прошлое является неизменной реальностью.

Соответственно, удаленные во времени культурные феномены, представляют собой такие явления, которые повлияли на эволюцию культуры в целом. К ним относятся древние цивилизации, религиозные системы, а также достижения в области искусства и литературы. Будучи фундаментом современного культурного наследия, они продолжают по сей день формировать нашу действительность.

Спираль развития культуры по своей сути является не просто последовательностью исторических событий. Это разнообразие временных эпох и социокультурных направлений. Этот динамичный процесс подобен живому организму, находящемуся в непрерывном движении. Можно с уверенностью заявить, что появление феноменов культуры очевидным образом свидетельствует о непрекращающемся взаимовлиянии между различными эпохами и народами. Что, в свою очередь, способствует преобразованию культуры, позволяя ей приспосабливаться к меняющимся условиям.

Неоспорим тот факт, что античные цивилизации оставили глубокий след в истории человечества и стали первыми проявлениями культуры. Их возникновение знаменует собой отправную точку для дальнейшего развития всех последующих форм и проявлений. Именно древними обществами сформирована первая письменность, заложены представления о числах, звездах и методах врачевания, ставших впоследствии отдельными науками. Ими основаны первые религиозные верования и представления о мироздании.

Вслед за древними, маршрут культурной трансформации продолжили средние века, с их крестовыми походами, теологическими спорами и готической архитектурой. Стоит отметить, что религия, будучи одним из важнейших культурных событий на протяжение всей истории, продолжает оказывать глубокое воздействие и

на современное общество, формируя восприятие людей, а также определяя их моральные установки и нормы поведения.

В формировании уникальных культурных традиций серьезную роль так же сыграли Эпоха Ренессанса и Просвещения. Ставшие в тот период яркими формами исторически значимых явлений культурной сферы, литература и искусство обрели свой рассвет. Эти формы самовыражения продолжают трансформироваться и в контексте современности. Искусство и литература служат отражением человеческих чувств, эмоций и идей, стимулируя развитие креативного мышления и эстетического восприятия окружающего мира. Они не теряют своей значимости и ценности на протяжении веков, оказывая влияние в том числе на современные творческое выражение, оставаясь неисчерпаемым источником вдохновения для художников и писателей, помогая им открывать новые горизонты восприятия и создавать оригинальные и значимые произведения.

Исследуя культуры далекого прошлого, мы получаем возможность выяснить, каким образом они возникали и изменялись, а также какие идеи и ценности они передавали. Выявляя сходства и различия, опытным путем определяется роль современного человека в этом богатом культурном спектре.

Анализ истории культуры открывает перед нами картину развития общественных идеалов и норм, которые формировались на протяжении многих лет, и тем самым повлияли на формирование современного восприятия мира. Ведь благодаря тому, что на протяжении истории различные культуры взаимодействовали, обменивались идеями и культурными связями, коллективная память и ценностные ориентиры открывали новые возможности для развития.

Кроме того, когда речь заходит о пространственно-удаленных событиях, важно подчеркнуть значимость защиты культурного наследия для потомков. Изучая и сохраняя исторические объекты и обычаи, мы передаем важные уроки и опыт следующим поколениям, тем самым обогащая их культурное понимание и самоидентификацию. Именно благодаря преемственности поколений мы укрепляем связь с прошлым, сохраняем традиции и снижаем риски утраты культурного разнообразия в условиях современных влияний и норм.

В конечном итоге можно с уверенностью сказать, что исследование исторически удаленных культурных явлений содействует более глубокому пониманию своих корней, ценностей и самобытности. Это является важным шагом на пути к более осознанной жизни в современном обществе.

Не менее значимым аспектом является признание культурного разнообразия и уважение к многогранности культурных проявлений. Оценка развития культурных взаимодействий содействует формированию толерантности, усилению взаимопонимания и уважению к отличиям, что является основой для мирного сосуществования и сотрудничества.

Изучение истории культуры позволяет проанализировать воздействие политических, экономических и социальных факторов на эволюцию творческих процессов и развитие культурных аспектов в целом. Различные ключевые события, включая революции и урбанизацию, существенно повлияли на появление новых художественных направлений и стилей. Поэтому не удивительно, что искусство не только отображает социокультурные явления, но и способствует умственному и эмоциональному развитию, вдохновляет на новые идеи, фокусирует внимание на значимых вопросах и провоцирует обсуждения.

Таким образом, культура является важным элементом формирования сознания. Изучая изменения в культурных практиках, мы можем наблюдать, как мировая культура становится все более полиморфной. Это осознание помогает углубить понимание ценности культурного наследия и подчеркивает высокую степень взаимозависимости в современном обществе.

Изучение культурных феноменов прошлого охватывает несколько направлений. Так, благодаря археологии исследуются и сохраняются физические остатки древности. Посредством исторической реконструкции восстанавливаются материальная и духовная культура конкретной исторической эпохи или региона. Еще

одна интересная форма исторической реконструкции – живая история, при которой участники погружаются в быт людей определенной местности конкретного временного периода. Ну, и, конечно же, благодаря военно-исторической реконструкции воспроизводятся военные события и баталии с применением исторического оружия и военной техники. Все это позволяет точечно погрузиться и понять конкретные культурные явления, происходившие в прошлом. И сделать выводы о том, как эти события повлияли на настоящее.

Актуальные культурные явления не могут развиваться вне исторической ретроспективы. Художники, литераторы и архитекторы по-прежнему взаимодействуют с наследием прошлого, переосмысливая и черпая вдохновение. История культуры модифицируется в связующую нить, объединяющую разные эпохи и позволяющую лучше понимать многообразие культурного мира в целом.

Основное преимущество изучения современных культурных явлений заключается в том, что их формирование происходит прямо сейчас.

Развитие культуры настоящего представляет собой комплекс взаимосвязанных аспектов, характеризующихся вариативностью форм и способов самовыражения. Современное искусство приобретает экспериментальный вид, а изменения в культуре предъявляют совершенно новые требования к человеку.

Таким образом, в процессе взаимодействия людей с окружающим миром возникают новые технологии, культурные направления и общественные явления.

Новообразованные направления в культуре тесно связаны с социальными событиями и адаптируются к современным вызовам, стремясь изменить существующие порядки ради благополучия людей, улучшения экологической ситуации и решения других значимых проблем. Именно так формируются актуальные культурные нормы.

Технологические достижения также оказывают существенное воздействие на культуру, позволяя создавать прогрессивные произведения искусства, расширять доступ к знаниям и изменять взаимоотношения людей.

В настоящее время наблюдается высокий уровень цифровизации, секуляризации, глобализации и, что особенно важно, активное распространение массовой культуры как основного источника развлечений.

В свете актуальных тенденций и вызовов цифровой эпохи, развитие мультимедийности способствует повышению интерактивности культуры современного общества.

Цифровая трансформация, представляющая собой один из наиболее заметных культурных явлений современности, оказывает значительное влияние на культуру и общество. В условиях цифровизации формы проведения массового досуга претерпевают изменения и требуют адаптации к новым условиям. Например, развитие интернета начало приводить к постепенной замене традиционных форм культурного досуга, таких как посещение театров, выставок и концертов, на использование онлайн-кинотеатров и стриминговых сервисов.

Наряду с этим, цифровые технологии предоставляют новые возможности для артистов и творческих коллективов, позволяя им демонстрировать свои работы широкой аудитории вне зависимости от места и времени. Виртуальные туры по музеям и галереям делают искусство доступным для всех. Технологии виртуальной и дополненной реальности открывают новые горизонты для организации уникальных культурных и развлекательных мероприятий.

Глобализация, будучи еще одним явлением современной культуры, содействует сближению различных народов. Благодаря международным организациям и фестивалям, стимулирующим обмен опытом, идеями и творческим потенциалом между сообществами, происходит укрепление межкультурного диалога и осмысления многообразия культурного наследия.

В результате появляются актуальные культурные тенденции, которые быстро распространяются по всему миру, обеспечивая возможность взаимного обогащения. Межкультурный обмен служит фундаментом для интеграции различных культурных аспектов и формирования новых идентичностей.

Однако стоит помнить, что наряду с положительными элементами глобализации культуры существуют опасения относительно сохранения этнической самобытности, для поддержания которой необходимо разрабатывать проекты, направленные на развитие местных традиций.

Следующая актуальная культурная тенденция – секуляризация. Это процесс отделения религии от общественных институтов и распространение светских ценностей и норм на все аспекты жизни. Культура секуляризации существенно влияет на современное общество, преобразуя его структуру и систему скреп. Она влечет за собой расширение свободы от религиозных предубеждений, способствуя формированию толерантного общества, где гарантируется право на свободное выражение своих убеждений и идеологических взглядов. Секуляризация не подразумевает отрицание религии, а скорее расширяет свободу личности и открывает новые возможности для ее развития. Данное явление в культуре призвано помочь обществу избавиться от давления религиозных догм и табу, стимулируя развитие интеллектуального и культурного прогресса.

Помимо прочего, современное общество демонстрирует многообразие культурных форм, включая доминирующую культуру, субкультуры, контркультуры, высокую культуру и народную культуру.

Вместе с тем, развитие средств массовой информации способствовало возникновению массовой культуры, отличающейся упрощенностью смыслового содержания и художественных форм, и при этом технологически доступной для широкого круга.

Массовая культура, являясь феноменом современного общества, оказывает значительное влияние на формирование индивидуальных предпочтений, ценностных ориентиров и мировоззрения. Ее многочисленные проявления, от кинематографа и радиовещания до телевидения, интернета и социальных сетей, не только предоставляют развлекательный контент, но и выступают важными инструментами распространения информации. Взаимодействие массовой культуры с обществом активно проявляется в формировании общественного мнения, создании стереотипов и регуляции поведения.

В рамках современной культурологии массовая культура определяется как специфический тип производства, ориентированный на потребление широкими массами и позволяющий многократно тиражировать унифицированный продукт. В отличие от творчества свободных художников, стремящихся к осмыслению бытия, продукция массовой культуры носит индустриальный характер и создается под определенные коммерческие задачи.

Массовая культура, в отличие от элитарной, создаваемой для узкого круга ценителей, производится ежедневно в больших объемах и потребляется всеми людьми без исключения. Она является неотъемлемой частью повседневной жизни.

Ученые неоднозначно оценивают влияние массовой культуры на современную цивилизацию, критикуя ее за пренебрежение классическими традициями.

Возникновение массовой культуры уходит корнями в XVII век и связано с повышением уровня образованности населения и широким распространением печатных изданий, включая художественную литературу.

В наше время массовая культура больше не ориентируется на широкие массы, а сосредотачивается на индивидуальных потребностях каждого человека. Чтобы привлечь внимание публики, продукты массовой культуры должны быть все более интересными и впечатляющими.

Массовая культура, основываясь на устойчивых представлениях о человечестве, способствует формированию собственной мифологии, которая часто воспринимается людьми как нечто более реальное, чем настоящая жизнь.

Несмотря на то, что массовая культура может развлечь и отвлечь от повседневных проблем, ее произведения недолговечны и лишь поверхностно отражают настоящее искусство.

Подводя итоги, стоит отметить, что современная культура демонстрирует акцент на самовыражении. Люди стремятся подчеркнуть свою индивидуальность и особенность, что проявляется в различных стилях и направлениях в искусстве, моде, музыке и других аспектах культуры. Индивидуализм способствует развитию творческого потенциала общества, появлению новых идей и концепций, что обогащает культурное наследие.

Помимо этого, культура нашего времени подвержена влиянию других научных сфер. А произведения современных творцов используются для выражения социальной критики и формирования общественного мнения.

И все же, важно достичь гармонии и равновесия между коммерческим интересом и духовными ценностями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев А.Н. Культурология. Личность и культура. Мн.: Дизайн ПРО, 1998. 160 с.
2. Анисов А.М. Проблема познания прошлого // Философия науки. Вып. 1. Проблемы рациональности. М.: ИФ РАН, 1995.
3. Асоян Ю., Малафеев А. Историография концепта «cultura» (Античность – Ренессанс – Новое время) // Открытие идеи культуры. Опыт русской культурологии середины XIX – начала XX веков. М., 2000.
4. Беляев И.А. Культура, субкультура, контркультура // Духовность и государственность. Сборник научных статей. Выпуск 3. Оренбург: Филиал УрАГС в г. Оренбурге, 2002.
5. Будник Г.А., Королева Т.В. Культурология: Учеб.-метод. пособие. Иваново: Ивановский государственный энергетический университет имени В.И. Ленина, 2018. 152 с.
6. Ванслов В.В. Эстетика, искусство, искусствознание: Вопросы теории и истории. М.: Изобразительное искусство, 1983. 440 с.
7. Кравченко А.И. Культурология: Учебное пособие для вузов. М.: Академический Проект, 2000. 736 с.
8. Молчанов Ю.Б. Проблема времени в современной науке. М.: Наука, 1990. 136 с.
9. Разлогов К. Феномен массовой культуры // Культура, традиции, образование. М., 1990. № 1.
10. Сугай Л. А. Термины «культура», «цивилизация» и «просвещение» в России XIX – начала XX века // Труды ГАСК. Выпуск II. Мир культуры. М.: ГАСК, 2000.
11. Флиер А. Я. Вектор культурной эволюции // Обсерватория культуры. 2011. № 5.
12. Шуб М.Л. Образ прошлого как феномен культуры: концептуализация и формы репрезентации в современном социокультурном пространстве // Диссертационная работа. 2018.

УДК 93

ДЕТСКОЕ ПРИЗРЕНИЕ В РОССИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ИСТОРИЯ, ФОРМЫ И ПРОБЛЕМЫ

Соболева Жанна Владимировна
Канд. ист. наук,
Юго-Западный государственный университет
г. Курск, Россия
E-mail: gvsoboleva@mail.ru

В статье рассматривается история детского призрения в России в конце XIX – начале XX века, акцентируя внимание на его формах, проблемах и влиянии социально-экономических изменений. Период характеризуется ростом числа детей-сирот и безнадзорных детей, что требовало создания системы социальной поддержки. Обсуждаются различные формы детского призрения, такие как приюты и детские дома, а также роль государственных и частных благотворительных организаций. Анализируется влияние условий жизни на здоровье детей, а также проблемы, связанные с финансированием и кадровым обеспечением учреждений. Статья подчеркивает важность активного участия общества в решении проблем детского призрения и извлекает уроки для современного подхода к защите прав детей.

Ключевые слова: детское призрение, Россия, социальные изменения, урбанизация, дети-сироты, безнадзорные дети, приюты, детские дома, благотворительные организации, императрица Мария, Человеколюбивое общество, земства, финансирование, квалифицированный персонал, проблемы детского призрения, социальная политика.

CHILD CARE IN RUSSIA IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURY: HISTORY, FORMS, AND ISSUES

Soboleva Zh. V.

The article examines the history of child care in Russia in the late 19th and early 20th centuries, focusing on its forms, problems, and the impact of socio-economic changes. This period is characterized by an increase in the number of orphans and neglected children, necessitating the creation of a social support system. Various forms of child care are discussed, such as orphanages and children's homes, as well as the role of state and private charitable organizations. The article analyzes the influence of living conditions on children's health, as well as issues related to funding and staffing of institutions. It emphasizes the importance of active societal participation in addressing child care problems and draws lessons for contemporary approaches to child rights protection.

Keywords: child care, Russia, social changes, urbanization, orphans, neglected children, orphanages, children's homes, charitable organizations, Empress Maria, Philanthropic Society, zemstvos, funding, qualified personnel, child care issues, social policy.

*****

В конце XIX – начале XX века Россия переживала значительные социальные и экономические изменения, которые оказали глубокое влияние на жизнь общества и, в частности, на положение детей. Период, охватывающий эти десятилетия, стал

временем интенсивной урбанизации, роста промышленности и изменения традиционных семейных структур. Эти трансформации привели к увеличению числа детей-сирот и безнадзорных детей, что, в свою очередь, создало необходимость в детском призрении как системе социальной поддержки.

Детское призрение в этот период стало важным аспектом социальной политики, направленной на защиту прав и благополучия детей. Оно включало в себя разнообразные формы заботы и воспитания, предоставляемые как государственными, так и частными учреждениями. Важно отметить, что детское призрение не ограничивалось лишь обеспечением физического ухода за детьми; оно также охватывало образовательные и воспитательные аспекты, что делало его важным инструментом для социальной интеграции и развития детей.

В условиях быстрого роста городов и изменения общественной структуры, детское призрение стало необходимым ответом на вызовы времени. С увеличением числа мигрантов, пришедших в города в поисках работы, возникла проблема детской безнадзорности. Многие дети оказывались на улице, лишенные родительской заботы и поддержки. Это создало необходимость в создании учреждений, обеспечивающих уход и образование для таких детей.

Различные формы детского призрения, существовавшие в России в этот период, можно условно разделить на несколько категорий: приюты, детские дома, школы и летние колонии. Каждая из этих форм имела свои цели и задачи, а также специфику работы, которая зависела от социальных, политических и экономических условий того времени. Например, приюты часто создавались на основе частной благотворительности и предназначались для временного размещения детей, в то время как детские дома могли предоставлять более длительный уход и образование.

Важным аспектом детского призрения было взаимодействие между государственными и частными учреждениями. Государственные органы начали осознавать свою ответственность за защиту прав детей и начали разрабатывать законодательные инициативы, направленные на улучшение условий жизни детей. Однако, несмотря на усилия государства, многие учреждения все еще сталкивались с нехваткой ресурсов, квалифицированного персонала и бюрократическими преградами. Это подчеркивало необходимость более активного участия общества в решении проблем детского призрения.

Одной из главных проблем, с которыми сталкивались учреждения детского призрения, была стигматизация детей, особенно тех, кто происходил из неблагополучных семей или чьи родители были арестованы. Эти дети часто подвергались предвзятости и дискриминации, что ограничивало их возможности для социальной адаптации и интеграции. Важно было разработать программы, направленные на поддержку таких детей и их семей, чтобы предотвратить дальнейшую стигматизацию и обеспечить им доступ к необходимым ресурсам и услугам[1].

Введение в систему детского призрения в России в конце XIX – начале XX века требует глубокого анализа различных факторов, влияющих на его развитие. Это включает в себя изучение социально-экономических условий, политической ситуации, а также культурных и образовательных аспектов, которые формировали подход к заботе о детях. Необходимо также рассмотреть влияние благотворительных организаций, которые играли значительную роль в создании и поддержании учреждений для детей.

В этой статье мы подробно рассмотрим историю детского призрения в России в указанный период, его формы и проблемы, с которыми сталкивались учреждения. Мы проанализируем, как социальные, политические и экономические условия влияли на развитие системы детского призрения и какие шаги были предприняты для решения существующих проблем. Наша цель – представить полное и всестороннее понимание детского призрения в России конца XIX – начала XX века, а также выявить уроки, которые можно извлечь из этого опыта для современного общества.

Таким образом, детское призрение в России в конце XIX – начале XX века стало важным шагом к созданию более гуманного и заботливого общества. Несмотря на существующие проблемы, такие как недостаток финансирования и стигматизация определенных групп детей, усилия, направленные на решение этих вопросов, могут значительно улучшить условия жизни и благополучие детей в будущем. Общество должно продолжать работать над созданием безопасной и поддерживающей среды для всех детей, обеспечивая им доступ к образованию, медицинской помощи и социальным услугам.

В конце XIX – начале XX века в Российской империи остро встала проблема детского призрения, что стало следствием значительных социально-экономических изменений в стране. С ростом урбанизации и индустриализации увеличивалось количество детей, оставшихся без попечения родителей, что требовало создания системы помощи и заботы о них. В это время в России существовало множество благотворительных организаций, занимающихся детским призрением, среди которых выделялись Ведомство учреждений императрицы Марии, Императорское Человеколюбивое общество и Российский Общественный Красный Крест. Эти организации играли ключевую роль в формировании и развитии системы помощи детям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации[2].

Ведомство учреждений императрицы Марии, основанное в 1775 году, стало одним из первых государственных учреждений, занимающихся детским призрением. Оно было создано с целью улучшения условий жизни и воспитания детей-сирот и безнадзорных детей, а также для организации их обучения и трудовой подготовки. Императорское Человеколюбивое общество, основанное в 1865 году, также активно занималось вопросами благотворительности и помощи детям, организуя различные мероприятия и собирая средства для содержания приютов и училищ. Российский Общественный Красный Крест, который начал свою деятельность в 1867 году, также оказывал помощь детям, особенно в условиях войны и стихийных бедствий.

Кроме этих крупных организаций, каждое сословие в Российской империи содержало на свои средства детские приюты и училища. Это было связано с традицией благотворительности, укоренившейся в российском обществе, где каждый считал своим долгом заботиться о детях, оставшихся без родительской опеки. Общество понимало, что, если оно не примет на себя ответственность за воспитание и обучение детей, оно понесет неизбежный ущерб в своем благоустройстве и материальных интересах. Забота о детях рассматривалась как инвестиция в будущее, поскольку здоровые и образованные дети становились полноправными членами общества, способными внести свой вклад в его развитие.

С 1864 года государственное призрение сирот осуществлялось в двух направлениях: Ведомством императрицы Марии и земством. Ведомство императрицы Марии имело централизованную структуру и осуществляло контроль над детскими учреждениями, что позволяло поддерживать единые стандарты и подходы к призрению детей. В то же время деятельность земских учреждений зависела от местных условий и ресурсов, что приводило к значительным различиям в подходах к призрению детей в разных регионах страны. Например, в некоторых губерниях существовали хорошо организованные приюты с квалифицированным персоналом и достаточным финансированием, тогда как в других регионах дети могли оставаться без надлежащей помощи и поддержки.

Земства, созданные в 1864 году, начали активно участвовать в вопросах детского призрения, выделяя средства на содержание приютов и организацию образовательных программ для детей. Однако, так как финансирование зависело от местных налогов и пожертвований, в разных губерниях ситуация могла сильно различаться. В некоторых местах земства успешно справлялись с задачами по организации помощи детям, в то время как в других регионах существовали серьезные проблемы с финансированием и управлением детскими учреждениями.

Таким образом, в конце XIX – начале XX века в Российской империи формировалась сложная и многоуровневая система детского призрения,

основанная на взаимодействии государственных и частных инициатив. Эта система была направлена на решение актуальных социальных проблем и оказание помощи детям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации. Однако, несмотря на все усилия, система сталкивалась с серьезными вызовами, требующими дальнейшего внимания и реформ, чтобы обеспечить детям достойные условия для жизни и развития.

В конце XIX – начале XX века Курская губерния, как и многие другие регионы Российской империи, столкнулась с острыми проблемами детского призрения. Увеличение числа сирот и безнадзорных детей стало следствием социальных изменений, вызванных как урбанизацией, так и эпидемиями, такими как холера, которая унесла жизни многих родителей. В ответ на эти вызовы в губернии были созданы различные учреждения, целью которых было обеспечение детей необходимыми условиями для жизни, образования и воспитания[3].

Одним из ключевых институтов в Курской губернии стало Курское губернское попечительство детских приютов, которое находилось под руководством губернатора. Это учреждение играло центральную роль в организации помощи детям, оставшимся без попечения родителей. Попечительство управляло двумя основными приютами: женским и мужским.

Женский приют был основан в 1860 году и к 1899 году предоставлял кров 54 девочкам. Приют не только обеспечивал жилье, но и предлагал образовательные программы, направленные на подготовку воспитанниц к будущей жизни. Воспитанницы обучались различным видам рукоделия, что позволяло им не только развивать творческие способности, но и приобретать навыки, необходимые для самостоятельной жизни. Обучение рукоделию включало шитье, вязание, вышивку и другие виды деятельности, которые были традиционно женскими и считались важными для девочек того времени[4].

Мужской приют, созданный в 1892—1893 годах, был предназначен для сирот, оставшихся без родителей в результате эпидемии холеры. Этот приют также обеспечивал детей жильем и образованием. Программы, по которым обучались мальчики, соответствовали стандартам народных училищ, что позволяло им получать базовые знания, необходимые для будущей жизни. Обучение включало чтение, письмо, арифметику и основы естествознания. Таким образом, оба приюта выполняли важную социальную функцию, обеспечивая детей не только кровом, но и образованием, что способствовало их интеграции в общество.

Важным аспектом деятельности приютов было воспитание детей в духе православия и трудолюбия. Воспитатели и служители приютов старались привить детям традиционные моральные и этические ценности, что считалось необходимым для их дальнейшего развития как полноценных членов общества. Регулярные богослужения и духовные занятия были неотъемлемой частью жизни воспитанников, что способствовало формированию у них чувства принадлежности к православной культуре и традициям.

Финансирование детских учреждений в Курской губернии осуществлялось через различные источники, включая пожертвования, членские взносы и средства, выделяемые земствами. Это многообразие источников финансирования позволяло поддерживать функционирование приютов и обеспечивать детей необходимыми условиями для жизни и обучения.

Женский приют в Курске, например, располагал капиталом в 41 000 рублей, что на тот момент было значительной суммой. Эта сумма позволяла учреждению покрывать основные расходы на содержание воспитанниц, включая питание, одежду и обучение. Кроме того, женский приют получал ежегодные членские взносы в размере 1 000 рублей от местных благотворителей и членов попечительства. Эти средства использовались для улучшения условий жизни в приюте, а также для организации различных мероприятий, направленных на развитие и обучение детей[5].

Земства также играли важную роль в финансировании детских учреждений. Они выделяли средства на содержание приютов, что позволяло обеспечивать детей

необходимыми ресурсами. Поддержка со стороны земств была особенно важна в условиях, когда частные пожертвования не всегда были достаточными для покрытия всех расходов. Земства, как местные органы самоуправления, имели возможность собирать средства через налоги и другие источники, что позволяло им эффективно реагировать на нужды населения.

Деятельность детских приютов в Курской губернии имела значительное влияние на общество. Они не только обеспечивали детей жильем и образованием, но и способствовали формированию нового поколения, готового к самостоятельной жизни. Воспитанники приютов, получившие образование и воспитание в духе православия и трудолюбия, становились полезными членами общества, что в свою очередь способствовало улучшению социального климата в регионе.

Некоторые воспитанники приютов, после завершения обучения, находили работу и успешно интегрировались в общество. Женщины, обученные рукоделию, могли открывать свои мастерские или работать на дому, что позволяло им зарабатывать на жизнь и поддерживать свои семьи. Мужчины, получившие образование, могли устраиваться на работу в различные сферы, включая сельское хозяйство, торговлю и ремесла. Таким образом, приюты не только помогали детям в трудной ситуации, но и способствовали развитию местной экономики.

Финансирование детских учреждений в Курской губернии осуществлялось через несколько основных источников:

Пожертвования: частные лица, благотворительные организации и местные предприниматели играли важную роль в сборе средств для поддержки детских приютов. Пожертвования могли быть как денежными, так и материальными. Многие люди, осознавая важность помощи детям, оставшимся без попечения, жертвовали свои средства, чтобы обеспечить приюты всем необходимым.

Членские взносы: члены попечительств и благотворительных обществ вносили регулярные взносы, которые использовались для покрытия текущих расходов приютов. Например, женский приют в Курске имел капитал в 41 000 рублей и получал ежегодные членские взносы в размере 1 000 рублей. Эти средства были важным источником дохода, позволяющим поддерживать уровень жизни воспитанниц[6].

Средства земств: земства, как местные органы самоуправления, также выделяли средства на содержание детских приютов. Они собирали налоги и использовали их для решения социальных проблем, включая помощь детям. Поддержка со стороны земств была особенно важна, поскольку она обеспечивала стабильный поток финансирования, необходимый для функционирования учреждений.

Пожертвования от частных лиц и организаций были одним из наиболее значительных источников финансирования детских приютов. В это время в России наблюдался рост благотворительности, и многие люди стремились внести свой вклад в решение социальных проблем.

Местные предприниматели, землевладельцы и просто неравнодушные граждане часто становились активными участниками благотворительных мероприятий. Они могли организовывать сборы средств, устраивать ярмарки и другие мероприятия, направленные на привлечение внимания к проблемам детского призрения. Например, в Курске проводились благотворительные концерты и спектакли, средства от которых направлялись на содержание приютов.

Пожертвования также способствовали формированию общественного мнения о важности помощи детям. Чем больше людей принимали участие в благотворительных акциях, тем более значимой становилась проблема детского призрения в глазах общества. Это, в свою очередь, побуждало других людей также включаться в благотворительность.

Членские взносы обеспечивали стабильный доход для детских учреждений. Члены попечительств, как правило, были людьми, обладающими определенным уровнем дохода и социальной ответственности. Они понимали важность поддержки детских приютов и регулярно вносили свои взносы.

Попечительства, управлявшие детскими приютами, имели четкую структуру и организацию. Члены попечительств собирались на регулярные заседания, на которых обсуждали вопросы финансирования, организации работы приютов и воспитания детей. Эти заседания были важным инструментом для контроля за расходами и обеспечения прозрачности финансовых потоков.

Для обеспечения устойчивого финансирования попечительства активно работали над привлечением новых членов. Это могло осуществляться через личные встречи, публикации в местной прессе и организацию общественных мероприятий, на которых обсуждались достижения и потребности детских учреждений.

Земства играли важную роль в финансировании детских учреждений, выделяя средства из местных бюджетов. Это было особенно важно в условиях, когда частные пожертвования не всегда могли покрыть все расходы.

Земства проводили бюджетное планирование, в рамках которого определяли, сколько средств будет выделено на социальные нужды, включая поддержку детских приютов. Это позволяло обеспечить более стабильное и предсказуемое финансирование, чем зависимость от пожертвований.

Земства могли выделять средства на строительство новых зданий для приютов, улучшение инфраструктуры, закупку учебных материалов и продуктов питания. Например, средства, выделенные земством, позволяли приютам улучшать условия жизни воспитанников, что способствовало их здоровью и развитию.

Эффективное функционирование детских учреждений в Курской губернии было возможно благодаря взаимодействию различных источников финансирования. Частные пожертвования, членские взносы и средства земств дополняли друг друга, обеспечивая приюты всем необходимым[7].

Например, средства, полученные от пожертвований, могли быть направлены на срочные нужды, такие как ремонт зданий или покупка одежды для воспитанников, в то время как членские взносы обеспечивали стабильный доход для покрытия регулярных расходов. Средства, выделяемые земствами, могли использоваться для реализации долгосрочных проектов, таких как расширение образовательных программ или улучшение условий проживания.

В некоторых случаях, при наличии достаточного финансирования, приюты могли организовывать дополнительные мероприятия, такие как летние лагеря или экскурсии для воспитанников. Это способствовало не только образовательному процессу, но и социальной адаптации детей, которые имели возможность познакомиться с окружающим миром и развивать свои навыки.

Несмотря на наличие различных форм детского призрения в Курской губернии в конце XIX – начале XX века, система сталкивалась с серьезными проблемами и вызовами, которые ставили под угрозу жизнь и благополучие воспитанников. В этом разделе мы более подробно рассмотрим ключевые проблемы, такие как высокий уровень детской смертности, нехватка кормилиц, недостаток материальных ресурсов, а также меры, предпринятые для их решения.

Одной из самых серьезных проблем, с которыми сталкивались детские учреждения, была высокая смертность среди воспитанников. В Курском земском приюте, например, уровень смертности достигал ужасающих 85,65%. Эти цифры свидетельствовали о критическом состоянии условий жизни в приютах и о недостаточной подготовленности к уходу за детьми[8].

Недостаток медицинской помощи: в условиях, когда медицинские услуги были ограничены, многие дети страдали от инфекционных заболеваний, которые могли бы быть предотвращены при наличии квалифицированной медицинской помощи. Врачи не всегда могли оперативно реагировать на вспышки заболеваний, что способствовало их распространению.

Плохие условия проживания: переполненность приютов, недостаток пространства и санитарных условий также способствовали распространению болезней. Воспитанники часто находились в тесных помещениях, что увеличивало риск заражения.

Недостаток питания: нехватка качественного питания была одной из основных причин плохого здоровья детей. Приюты не всегда могли обеспечить воспитанников полноценным рационом, что приводило к истощению и ослаблению иммунной системы.

Психологические факторы: психологическое состояние детей, находящихся в приютах, также играло важную роль. Стресс и депрессия, вызванные разлукой с родителями и отсутствием заботы, могли негативно сказаться на здоровье детей[9].

В ответ на растущие показатели смертности земство приняло ряд мер, направленных на улучшение условий жизни детей и снижение уровня смертности. Одним из наиболее значительных шагов стало решение о передаче детей в крестьянские семьи, что позволило улучшить их условия жизни. Эта мера позволила не только снизить уровень смертности, но и обеспечить детям более благоприятные условия для жизни и развития.

Преимущества устройства в крестьянские семьи:

Лучшие условия жизни: в крестьянских семьях дети часто получали больше внимания и заботы, чем в переполненных приютах. Семейная обстановка способствовала улучшению психологического состояния детей, что положительно сказывалось на их здоровье.

Качественное питание: в отличие от приютов, где питание было ограниченным, в крестьянских семьях дети могли получать более разнообразный и качественный рацион. Это способствовало улучшению их физического состояния и снижению уровня заболеваемости.

Социальная адаптация: устройство в крестьянские семьи позволяло детям быстрее адаптироваться к жизни в обществе. Они учились взаимодействовать с другими членами семьи и общиной, что способствовало их социальной интеграции.

Долгосрочные перспективы: дети, устроенные в крестьянские семьи, имели больше шансов на успешное будущее. Они могли получать образование и навыки, которые были необходимы для самостоятельной жизни.

Несмотря на положительные аспекты устройства детей в крестьянские семьи, этот процесс также сталкивался с рядом проблем:

Неравные условия: не все крестьянские семьи могли обеспечить детям те же условия, что и другие. В некоторых случаях дети попадали в семьи, где не было достаточного уровня материального обеспечения или эмоциональной поддержки.

Отсутствие контроля: земство не всегда могло эффективно контролировать условия жизни детей в крестьянских семьях. Это создавало риск того, что дети могли столкнуться с жестоким обращением или пренебрежением.

Сложности в адаптации: некоторым детям было сложно адаптироваться к новой среде. Они могли испытывать стресс и тревогу, что негативно сказывалось на их психическом здоровье.

Условия для обучения: в некоторых случаях крестьянские семьи не могли обеспечить детям доступ к образованию, что ограничивало их возможности для будущего[10].

Еще одной серьезной проблемой, с которой сталкивались детские учреждения, была нехватка кормилиц и квалифицированного персонала. В условиях, когда количество воспитанников постоянно росло, приюты не могли обеспечить достаточное количество работников, способных заботиться о детях.

Причины нехватки персонала:

Низкая оплата труда: работа в детских учреждениях часто не была высокооплачиваемой, что не привлекало квалифицированных специалистов. Мало кто хотел работать в условиях, где зарплата не соответствовала уровню ответственности.

Недостаток подготовки: многие работники не имели специального образования или подготовки, что ограничивало их возможности в уходе за детьми и организации их воспитания. Это также способствовало росту уровня детской смертности и заболеваемости.

Высокая нагрузка: кормилицы и другие работники детских учреждений часто испытывали высокую нагрузку, что негативно сказывалось на качестве их работы. Они не могли уделять достаточное количество времени каждому ребенку, что приводило к недостаточной заботе и вниманию.

В ответ на нехватку кормилиц и квалифицированного персонала были предприняты определенные шаги для улучшения ситуации:

Повышение зарплат: земства начали рассматривать возможность повышения заработной платы для работников детских учреждений, чтобы привлечь больше квалифицированных специалистов.

Обучение и подготовка: в некоторых случаях организовывались курсы повышения квалификации для кормилиц и воспитателей, что позволяло им улучшить свои навыки и повысить качество ухода за детьми.

Привлечение волонтеров: для решения проблемы нехватки кадров некоторые приюты начали привлекать волонтеров, которые могли оказывать помощь в уходе за детьми. Это позволило улучшить условия жизни воспитанников и снизить нагрузку на постоянный персонал.

Недостаток материальных ресурсов также оставался одной из ключевых проблем, с которыми сталкивались детские учреждения в Курской губернии. Ограниченные финансовые средства не позволяли обеспечить воспитанников всем необходимым[11].

Причины недостатка ресурсов:

Низкие пожертвования: хотя пожертвования от частных лиц и организаций играли важную роль в финансировании детских учреждений, их объем часто был недостаточным для покрытия всех расходов.

Неэффективное управление: в некоторых случаях управление финансами в детских учреждениях было неэффективным, что приводило к неправильному распределению ресурсов и недостаточному обеспечению воспитанников.

Отсутствие государственной поддержки: несмотря на выделение средств со стороны земств, многие учреждения не получали достаточной финансовой помощи для обеспечения своих нужд.

Для решения проблемы недостатка материальных ресурсов были предприняты следующие меры:

Организация благотворительных мероприятий: приюты начали активно организовывать благотворительные мероприятия, такие как ярмарки и концерты, для привлечения средств. Это позволяло не только собрать деньги, но и повысить осведомленность общества о проблемах детского призрения.

Сотрудничество с местными предпринимателями: некоторые приюты начали сотрудничать с теми, кто могли предоставлять материальные ресурсы или финансовую помощь в обмен на рекламу или другие формы сотрудничества.

Обращение за поддержкой к земствам: детские учреждения начали активнее обращаться за поддержкой к местным органам власти, что позволяло получить дополнительные средства из бюджета для решения насущных проблем.

В целом, история детского призрения в Курской губернии подчеркивает важность совместных усилий общества, местных властей и благотворительных организаций в решении социальных проблем и обеспечении благополучия детей. Необходимость постоянного внимания к вопросам детского призрения и готовность к изменениям остаются актуальными и в современном обществе.

Результаты анализа показывают, что взаимодействие между государственными и частными инициативами, а также активное участие общества в благотворительности играли ключевую роль в обеспечении детей необходимыми условиями для жизни и образования. Уроки, извлеченные из этого исторического опыта, остаются актуальными и в современном обществе, где забота о детях и защита их прав требуют постоянного внимания и поддержки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абросимова Е. А. История законодательного регулирования создания и деятельности российских благотворительных организаций // Известия вузов: Правоведение. – 1991. – № 2. – С. 112.

2.Забелин А. Мысли об общественной благотворительности // Журнал землевладельцев. – август, 1858. – № 8. – С. 84-92.

3.Соболева Ж. В. Оказание благотворительной помощи детям в Центральном Черноземье в XIX – начале XX века // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2011. – Т. 10. – С. 108—113.

4.Гатилова Л. С. Благотворительные общества и учреждения в Курске в конце XIX – начале XX вв. // В: Курск. Документы, статьи, воспоминания / отв. ред. и составитель проф. А. Ю. Друговская. – Курск, 1997. – С. 302.

5.Алферова Е. Ю. Призрение сирот в дореволюционный период // Население России и СССР: новые источники и методы исследования. – Екатеринбург, 1993. – С. 70-78.

6.Соболева Ж. В., Козлова, А. О. Бедность сквозь века // В сборнике: Молодежная наука – гарант инновационного развития АПК: материалы X Всероссийской (национальной) научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – 2019. – С. 338-341.

7.Гатилова Л. С. Благотворительные общества и учреждения в Курске в конце XIX – начале XX вв. // В: Курск. Документы, статьи, воспоминания / отв. ред. и составитель проф. А. Ю. Друговская. – Курск, 1997. – С. 302.

8.Лебедева Т. А. Социальная политика России в конце XIX – начале XX века: изменения и вызовы // Вестник социального развития. – 2015. – № 2. – С. 45-58.

9.Кузнецова Н. И. Земства и их роль в организации социальной помощи // Исторические исследования. – 2010. – Т. 5. – С. 123-135.

10. Бадя Д. В. Трудовая помощь как направление российской благотворительности // Социальная работа в России: прошлое и настоящее. – Ставрополь, 1998. – С. 98.

11. Смирнова А. И. Правоприменение в сфере попрошайничества: опыт России и зарубежных стран // Право и общество. – 2020. – Т. 12. – № 4. – С. 33—50.

УДК 93

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОСЛОВНОГО ПРИЗРЕНИЯ В РОССИИ: АНАЛИЗ НА ПРИМЕРЕ КРЕСТЬЯНСТВА И КУПЕЧЕСТВА

Соболева Жанна Владимировна
Канд. ист. наук,
Юго-Западный государственный университет,
г. Курск, Россия
E-mail: gvsoboleva@mail.ru

Статья посвящена исследованию сословного призрения в России начала XX века, с акцентом на крестьянство и купечество. Анализируется неэффективность традиционной системы социальной помощи, основанной на сословной ответственности, и ее неспособность удовлетворить потребности уязвимых слоев населения. Рассматриваются механизмы, через которые крестьяне искали поддержку в условиях бедности, а также проблемы, с которыми сталкивались купцы в организации благотворительности. Подчеркивается необходимость создания более структурированных и эффективных систем социальной помощи, способных реагировать на современные вызовы. Статья также акцентирует внимание на актуальности вопросов социальной справедливости и инклюзивности в контексте глобализации и адаптации международных практик к российским реалиям. Таким образом, в работе поднимаются важные вопросы о роли государства, общества и частного сектора в обеспечении социальной поддержки, а также о том, как исторический опыт может помочь в формировании более справедливых и устойчивых механизмов помощи для всех слоев населения.

Ключевые слова: сословное призрение, социальная помощь, крестьянство, купечество, благотворительность, исторический анализ, социальная справедливость, инклюзивность, Россия, XX век.

PROBLEMS AND PROSPECTS OF ESTATE-BASED WELFARE IN RUSSIA: AN ANALYSIS BASED ON PEASANTRY AND MERCHANT CLASS

Soboleva Zh. V.

The article is dedicated to the study of the estate-based welfare system in early 20th century Russia, with a focus on peasantry and merchant class. It analyzes the inefficiency of the traditional social assistance system, which was based on estate responsibility, and its inability to meet the needs of vulnerable populations. The mechanisms through which peasants sought support in conditions of poverty are examined, as well as the challenges faced by merchants in organizing charitable initiatives. The necessity of creating more structured and effective social assistance systems capable of responding to contemporary challenges is emphasized. The article also highlights the relevance of issues related to social justice and inclusivity in the context of globalization and the adaptation of international practices to Russian realities. Thus, the work raises important questions about the role of the state, society, and the private sector in providing social support, as well as how historical experience can contribute to the formation of more equitable and sustainable assistance mechanisms for all segments of the population.

Keywords: estate-based welfare, social assistance, peasantry, merchant class, charity, historical analysis, social justice, inclusivity, Russia, 20th century.

*****

В начале XX века в России остро встали вопросы социального призрения и благотворительности, особенно среди наиболее уязвимых слоев населения, таких как крестьяне и рабочие. Социальные изменения, вызванные отменой крепостного права в 1861 году, а также экономические и политические потрясения, произошедшие в стране, создали новые вызовы для общества. Принцип сословности, заложенный в законодательстве и социальном устройстве, определял подход к организации помощи нуждающимся, и, несмотря на наличие официальных норм, реальная практика часто расходилась с установленными правилами.

Сословное устройство общества в России подразумевало, что каждая социальная группа, будь то дворяне, купцы или крестьяне, несет ответственность за своих членов. Однако на практике это означало, что помощь часто оказывалась нерегулярно и недостаточно эффективно. Социальные институты, призванные заботиться о нуждающихся, сталкивались с множеством проблем, включая нехватку финансовых ресурсов, отсутствие четкой координации и контроля, а также стигматизацию бедных, что мешало им обращаться за помощью[1].

В данной статье мы проанализируем состояние сословного призрения на примере крестьянства и купечества, выявив ключевые проблемы и перспективы в этой области. Мы рассмотрим, как различные сословия справлялись с задачами благотворительности, какие механизмы были задействованы для оказания помощи, и какие факторы влияли на эффективность этих систем. Кроме того, мы обсудим, как социальные и экономические условия того времени формировали подходы к призрению и благотворительности, а также как они могут быть применены для понимания современных вызовов в области социальной помощи. Таким образом, анализ сословного призрения в России в начале XX века позволит глубже осознать исторические корни современных социальных проблем и наметить пути их решения.

Сословное призрение в России в начале XX века представляло собой важный аспект социального устройства, основанный на принципе, согласно которому каждое сословие несет ответственность за своих нуждающихся членов. Этот принцип имел глубокие исторические корни и был частью многовековой традиции русской социальной структуры. Сословия, такие как дворяне, купцы, крестьяне и мещане, имели свои специфические обязанности и права, что формировало уникальную систему социальной поддержки, призванную обеспечивать благосостояние и стабильность общества.

Важную роль в организации сословного призрения играли различные благотворительные общества и организации, которые возникали в ответ на потребности населения. В своем выступлении на съезде Всероссийского союза учреждений, обществ и деятелей по общественному и частному призрению в 1910 году господин Тобинзен Г.А. подчеркнул, что закон обязывает сословные общества призревать своих членов. Однако на практике это требование часто не выполнялось, что создавало серьезные проблемы для тех, кто нуждался в помощи[2].

Система сословного призрения была построена на основе патерналистских отношений, где более обеспеченные слои общества должны были заботиться о бедных. Однако в условиях массовой бедности, вызванной экономическими кризисами, войнами и социальными изменениями, эта система оказалась неэффективной. Беднота, не получая необходимой поддержки от своих сословий, часто искала призрения в городах, где существовали более организованные формы помощи, или же жила на милостыню, что усугубляло их положение и приводило к социальной стигматизации[3].

Важным аспектом сословного призрения было то, что оно не всегда охватывало всех нуждающихся. Например, крестьяне, составлявшие основную массу населения, часто оставались без поддержки своих общин. После отмены крепостного права в 1861 году крестьяне получили свободу, но не были обеспечены достаточными средствами для существования. Земля, которую они получили, часто была недостаточной для ведения полноценного хозяйства, что привело к бедности и

голоду. В результате, многие крестьяне обращались за помощью не только в свои общины, но и в городские благотворительные организации, что создавало дополнительную нагрузку на уже перегруженные городские системы призрения.

Система благотворительности, существовавшая в России, была разнообразной и включала как государственные, так и частные инициативы. Однако, несмотря на наличие различных благотворительных обществ, многие из них не имели четкой структуры и финансирования, что ограничивало их возможности. Например, в крупных городах, таких как Санкт-Петербург и Москва, существовали различные учреждения, предлагающие помощь, но они часто работали на основе добровольных пожертвований и не имели стабильной финансовой базы.

Купечество, как более обеспеченное сословие, также принимало участие в благотворительности, но его подходы были разнообразными. В отличие от крестьянских общин, купеческие общества имели больше ресурсов, но их помощь часто была неравномерной и зависела от личных убеждений и интересов членов общества. Купцы организовывали различные мероприятия, направленные на сбор средств для нуждающихся, однако эти мероприятия часто носили эпизодический характер и не обеспечивали системной помощи[4].

Среди крестьянства существовали свои формы самопомощи, такие как общинные фонды, которые собирали средства для помощи наиболее нуждающимся. Однако эти фонды часто были недостаточны для решения серьезных проблем, таких как болезни, голод или стихийные бедствия. В результате многие крестьяне, оставшиеся без поддержки, вынуждены были обращаться за милостыней на улицах городов, что создавало дополнительные социальные проблемы и усугубляло стигматизацию бедных.

Таким образом, сословное призрение в России в начале XX века было сложной и многоуровневой системой, которая, несмотря на свои исторические корни и нормы, сталкивалась с серьезными вызовами. Нехватка средств, отсутствие четкой координации и контроля, а также стигматизация нуждающихся приводили к тому, что многие люди оставались без необходимой помощи. Этот исторический контекст подчеркивает важность понимания социальных структур и механизмов, которые влияют на благотворительность и призрение, а также их эволюцию в ответ на изменяющиеся социальные условия.

Крестьяне, составлявшие основную массу населения России в начале XX века, сталкивались с многочисленными проблемами в области социального призрения. После отмены крепостного права в 1861 году, когда крестьяне получили формальную свободу, их жизнь не изменилась к лучшему. Система призрения, основанная на уравнительных принципах и традициях общинного самоуправления, оказалась недостаточно эффективной для решения реальных потребностей населения. В данной работе мы рассмотрим основные проблемы и недостатки системы призрения, с которыми сталкивались крестьяне, а также проанализируем причины их неэффективности[5].

Отмена крепостного права в России стала важным этапом в истории страны. Крестьяне получили свободу, однако это не означало, что их жизнь стала легкой и обеспеченной. На практике, многие крестьяне оказались в сложной ситуации: они получили землю, но часто недостаточную для ведения полноценного хозяйства. Кроме того, новые экономические условия требовали от крестьян не только трудиться на земле, но и самостоятельно обеспечивать себя в условиях рыночной экономики.

Система призрения, существовавшая в крестьянской среде, была основана на принципах общинного самоуправления. Обязанности по призрению лежали на родственниках, соседях и крестьянских обществах. Однако в условиях массовой бедности, когда сами крестьянские общества нуждались в помощи, организация призрения оказывалась неэффективной.

Одной из основных проблем, с которыми сталкивались крестьяне, был недостаток ресурсов для оказания помощи. Крестьяне, как правило, жили на грани выживания, и их возможности помогать другим были ограничены. Обязанности по призрению, возложенные на родственников и соседей, часто приводили к тому, что

помощь оказывалась лишь в самых крайних случаях. В условиях, когда каждый член общины сам нуждался в поддержке, организация призрения становилась проблематичной[6].

Даже если в крестьянских обществах существовали средства для оказания помощи, их распределение часто было неравномерным. В некоторых случаях помощь могла направляться не тем, кто в ней больше всего нуждался, а тем, кто имел более высокие социальные связи или влияние в обществе. Это создавало дополнительные социальные напряжения и недовольство среди крестьян.

Основные источники финансирования системы призрения включали общественные денежные суммы, специальные сборы и натуральные повинности. Однако, как показали исследования, расходы на благотворительность в большинстве губерний были минимальными. В ряде регионов не существовало даже элементарного вида общественного призрения. Крестьяне, живущие в условиях постоянной бедности, не могли рассчитывать на достаточные средства для оказания помощи другим.

Система призрения в крестьянской среде страдала от нехватки организованности. В отличие от городских благотворительных обществ, которые имели четкую структуру и механизмы сбора средств, крестьянские общества часто действовали на основе неформальных договоренностей. Это ограничивало возможности для эффективного призрения и затрудняло процесс оказания помощи.

Крестьяне, обращающиеся за помощью, часто сталкивались с социальной стигматизацией. Общество воспринимало нужду как признак слабости, и многие крестьяне предпочитали скрывать свои проблемы, чем просить о помощи. Это негативно сказывалось на уровне призрения, так как многие нуждающиеся не могли получить необходимую поддержку[7].

Причины неэффективности системы призрения:

-Экономические условия в России в начале XX века были крайне сложными. Индустриализация, происходившая в стране, привела к росту городского населения и увеличению числа рабочих. Однако многие крестьяне не могли адаптироваться к новым условиям, что усугубляло их бедственное положение. Кроме того, экономические кризисы и нестабильность также негативно сказывались на возможностях крестьянских обществ оказывать помощь.

-Государственная поддержка системы призрения была минимальной. В отличие от городских благотворительных организаций, которые могли рассчитывать на помощь со стороны государства, крестьянские общества оставались без должного внимания. Это ограничивало их возможности для организации эффективной помощи и призрения.

-Патриархальные традиции, существовавшие в крестьянской среде, также играли свою роль в неэффективности системы призрения. Обязанности по призрению часто возлагались на мужчин, что ограничивало возможности женщин и детей получать помощь. В условиях, когда мужчины были заняты работой на полях, женщины и дети оставались без поддержки.

-Нехватка образования и информации также способствовала неэффективности системы призрения. Многие крестьяне не знали о своих правах и возможностях получения помощи. Это ограничивало их возможности обращаться за поддержкой и затрудняло процесс организации благотворительности.

Примеры неэффективности системы призрения:

-Кризис 1905 года стал ярким примером неэффективности системы призрения. В условиях массовых протестов и социальной нестабильности многие крестьяне оказались в тяжелом положении. Крестьяне, лишенные средств к существованию, обращались за помощью к своим обществам, однако часто сталкивались с отсутствием ресурсов и организованности. Это привело к тому, что многие нуждающиеся остались без поддержки[8].

-Стихийные бедствия, такие как наводнения и засухи, также выявили недостатки системы призрения. В случаях, когда община сталкивалась с серьезными проблемами, такими как потеря урожая, возможности для оказания помощи

оказывались крайне ограниченными. Крестьяне, нуждающиеся в поддержке, часто оставались без помощи, так как община сама нуждалась в ресурсах для выживания.

-Эпидемии, такие как холера и тиф, также подчеркивали недостатки системы призрения. В условиях массовых заболеваний крестьяне, заболевшие или потерявшие близких, не могли рассчитывать на помощь от своих обществ. Обязанности по призрению нередко ложились на плечи тех, кто сам нуждался в поддержке, что создавало дополнительное давление на систему[9].

Крестьяне, несмотря на свои усилия, часто оставались без необходимой помощи, что подчеркивало необходимость реформирования системы призрения и создания более эффективных механизмов социальной поддержки.

Купечество в России, особенно в XIX и начале XX века, представляло собой важный социальный класс, который играл значительную роль в экономике страны. Обладая значительными финансовыми ресурсами, купцы часто принимали участие в благотворительности, однако их подход к организации помощи нуждающимся был не столь эффективным, как могло бы показаться на первый взгляд. Этот социальный класс играл ключевую роль в развитии торговли и промышленности, и его представители часто занимали высокие должности в местных органах власти. Купцы не только накапливали богатства, но и стремились к признанию и уважению в обществе, что в свою очередь способствовало развитию благотворительности. Однако, система благотворительности среди купечества имела свои недостатки.

Одной из главных проблем, с которыми сталкивалось купечество в организации благотворительности, был эпизодический характер помощи. Большинство благотворительных акций проводилось в ответ на конкретные события или праздники, такие как Рождество или Пасха. Это создавало иллюзию активного участия купечества в благотворительности, однако на практике многие нуждающиеся оставались без поддержки в течение остального времени. Система помощи не была системной и регулярной, что ограничивало ее эффективность.

Благотворительность среди купечества часто зависела от политических обстоятельств. В периоды общественных волнений или кризисов, таких как революции или войны, купцы могли более активно участвовать в благотворительности, чтобы поддержать свой имидж и сохранить влияние. Однако в спокойные времена интерес к благотворительности мог снижаться. Это подчеркивало нестабильность системы и ее зависимость от внешних факторов.

Купеческие общества, которые могли бы стать основой для системной благотворительности, не всегда имели четкую структуру и механизмы для эффективного распределения помощи. В результате, средства, выделенные на благотворительность, использовались недостаточно эффективно. Например, в Москве существовали богадельни, однако их содержание часто перекладывалось на государственные органы, что снижало ответственность купечества за помощь нуждающимся.

Купеческая благотворительность часто ограничивалась узким кругом нуждающихся. Например, многие купцы предпочитали помогать только своим родственникам или знакомым, что создавало социальную изоляцию для более широких слоев населения. Это ограничивало возможности для оказания помощи тем, кто действительно в ней нуждался, и создавало неравенство в доступе к благотворительной помощи.

Купечество, как и другие слои общества, также сталкивалось с проблемой социальной стигматизации. Нуждающиеся, обращающиеся за помощью, часто воспринимались как слабые и неполноценные. Это создавало препятствия для обращения за поддержкой, и многие нуждающиеся предпочитали оставаться в тени, даже когда помощь была необходима. Социальные стереотипы о бедности и нужде сказывались на уровне призрения и ограничивали возможности для оказания помощи.

Несмотря на указанные проблемы, купечество предпринимало ряд инициатив в области благотворительности, которые стоит рассмотреть более подробно.

В крупных городах, таких как Москва и Санкт-Петербург, купцы создавали благотворительные общества, которые занимались организацией помощи нуждающимся. Эти общества часто организовывали сбор средств и распределение помощи. Например, Московское купеческое общество активно участвовало в организации помощи бедным и бездомным, однако, как уже упоминалось, их деятельность была ограничена и не всегда эффективна.

Купцы организовывали благотворительные акции, такие как ярмарки и концерты, средства от которых направлялись на помощь нуждающимся. Например, в Москве проводились благотворительные ярмарки, на которых продавались товары, изготовленные купцами. Однако, как правило, такие акции проводились только в праздничные дни или в ответ на общественные события, что ограничивало их регулярность и системность[10].

Некоторые купцы принимали участие в финансировании образовательных учреждений, таких как школы и гимназии. Это было важным вкладом в развитие образования в стране, однако такие инициативы часто зависели от личных интересов и предпочтений конкретных купцов, что также ограничивало их масштаб.

Купцы часто жертвовали средства на строительство храмов и благотворительных учреждений, таких как приюты и богадельни. Это было частью их стремления к социальному признанию и уважению в обществе. Однако, как показала практика, многие из этих учреждений не всегда функционировали эффективно и зависели от государственного финансирования.

Причины недостатков в системе благотворительности:

-Индустриализация привела к изменению структуры общества и увеличению числа людей, нуждающихся в помощи. Купцы, хотя и обладали средствами, часто сталкивались с конкуренцией и экономической нестабильностью, что влияло на их возможности для оказания помощи.

-Государственная поддержка благотворительности среди купечества была минимальной. В отличие от городских благотворительных организаций, которые могли рассчитывать на помощь со стороны государства, купеческие общества часто оставались без должного внимания. Это ограничивало их возможности для организации эффективной помощи и призрения.

-Патриархальные традиции, существовавшие в купеческой среде, также играли свою роль в недостатках системы благотворительности. Обязанности по призрению часто возлагались на мужчин, что ограничивало возможности.

-Нехватка образования и информации также способствовала недостаткам в системе благотворительности. Многие купцы не знали о возможностях и механизмах организации помощи, что ограничивало их возможности для участия в благотворительности[11].

Анализ сословного призрения в России в начале XX века на примере крестьянства и купечества демонстрирует сложность и многогранность социальной помощи в условиях социально-экономических изменений и исторических потрясений. Несмотря на наличие традиций и принципов сословной ответственности, система призрения оказалась неэффективной и не смогла адекватно ответить на потребности наиболее уязвимых слоев населения.

Крестьяне, столкнувшись с бедностью и нехваткой ресурсов, часто оставались без необходимой поддержки, полагаясь на общинные механизмы, которые в условиях массовой нужды не функционировали должным образом. Система самопомощи, основанная на патерналистских принципах, не могла справиться с растущими вызовами, что приводило к социальной стигматизации и изоляции нуждающихся. Крестьяне, оказавшиеся в затруднительном положении, часто не имели возможности обратиться за помощью, так как обращение за призрением воспринималось как признак слабости и недостатка. Это создавало порочный круг, в который попадали наиболее уязвимые слои населения, лишая их шансов на восстановление и улучшение своего положения.

Купечество, обладая значительными финансовыми ресурсами, также сталкивалось с проблемами в организации благотворительности. Эпизодический

характер помощи и зависимость от политических обстоятельств ограничивали возможности для системной и регулярной поддержки. Временами, когда общество сталкивалось с кризисами или катастрофами, купцы могли активизироваться в своих усилиях по благотворительности, однако в спокойные времена их участие часто ограничивалось формальными акциями и краткосрочными инициативами. Это подчеркивало недостаток устойчивости и системности в подходах к социальной помощи, что в конечном итоге не обеспечивало необходимую поддержку для широких слоев населения[12].

Таким образом, исторический опыт сословного призрения в России подчеркивает важность создания более структурированных и эффективных систем социальной поддержки, способных реагировать на потребности общества. Проблемы, с которыми сталкивались крестьяне и купцы, остаются актуальными и в современном контексте, где вопросы социальной справедливости и равного доступа к помощи продолжают вызывать дискуссии и требуют внимания со стороны государства и общества.

Это исследование не только освещает проблемы прошлого, но и ставит актуальные вопросы о путях решения современных социальных вызовов. Понимание исторических корней современных проблем в области социальной помощи может стать основой для разработки более справедливых и эффективных механизмов поддержки нуждающихся в современном обществе. Важно учитывать, что успешные системы социальной поддержки должны быть основаны на принципах инклюзивности, доступности и взаимопомощи, что позволит создать устойчивое общество, способное противостоять вызовам времени.

Также следует отметить, что в условиях глобализации и быстро меняющегося мира необходимо перенимать лучшие практики международного опыта в области социальной помощи и благотворительности. Эти практики должны адаптироваться к российским реалиям, учитывая культурные и исторические особенности, что позволит создать более эффективные механизмы поддержки для всех слоев населения. В конечном итоге, создание системы, которая бы обеспечивала надежную и доступную помощь нуждающимся, станет залогом социальной стабильности и гармонии в обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абросимова Е. А. История законодательного регулирования создания и деятельности российских благотворительных организаций // Известия вузов: Правоведение. – 1991. – № 2. – С. 112.
2. Забелин А. Мысли об общественной благотворительности // Журнал землевладельцев. – август, 1858. – № 8. – С. 84-92.
3. Ионин Л. Г. Культура и социальная структура // Социс. – 1996. – № 2. – С. 3-13.
4. Гатилова Л. С. Благотворительные общества и учреждения в Курске в конце XIX – начале XX вв. // В: Курск. Документы, статьи, воспоминания / отв. ред. и составитель проф. А. Ю. Друговская. – Курск, 1997. – С. 302.
5. Соболева Ж. В., Козлова, А. О. Бедность сквозь века // В сборнике: Молодежная наука – гарант инновационного развития АПК: материалы X Всероссийской (национальной) научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – 2019. – С. 338-341.
6. Дементьев А. И. Социальные группы и бедность в России: статистический анализ // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2018. – Т. 21. – № 2. – С. 45 – 62.
7. Смирнова А. И. Правоприменение в сфере попрошайничества: опыт России и зарубежных стран // Право и общество. – 2020. – Т. 12. – № 4. – С. 33—50.
8. Соболева Ж. В., Непобедная, И. О. Характеристика видов профессиональных нищих // В сборнике: Молодежная наука – гарант инновационного развития АПК: материалы X Всероссийской (национальной) научно-

практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – 2019. – С. 341-343.

9. Алферова Е. Ю. Призрение сирот в дореволюционный период // Население России и СССР: новые источники и методы исследования. – Екатеринбург, 1993. – С. 70-78.

10. Гордон Г. К вопросу о постановке у нас общественного призрения // Современный мир. – 1907. – № 9. – С. 18-26.

11. Бобровников В. Г. Библиографические и источниковые основы истории благотворительности в России в дореволюционный период // Волгоградский государственный технический университет. – Волгоград, 1994. – С. 33-41.

12. Ариян П. Женщина в истории благотворительности в России // Вестник благотворительности. – 1901. – № 9. – С. 40-53.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 811.161.1

ПЕРИПЕТИИ СУДЬБЫ ПОВЕСТИ В.П. НЕКРАСОВА «В ОКОПАХ СТАЛИНГРАДА»

Шальнова Дарья Андреевна
Старший преподаватель,
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,
г. Москва, Россия
E-mail: shalnova.darya@yandex.ru

Сложеникина Юлия Владимировна
Заведующий кафедрой филологии, доктор филологических наук, профессор,
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,
г. Москва, Россия
E-mail: goldword@mail.ru
SPIN-код: 5293-4241
AuthorID: 251723

Судьба книги В.П. Некрасова «В окопах Сталинграда» драматична. Произведение было издано в журнале «Знамя» в 1946 г. под заглавием «Сталинград». В 1947 г. автору присуждена Сталинская премия второй степени. В 1976 г. сталинградская повесть писателя была запрещена и изъята из всех библиотек Советского Союза. В статье исследуются перипетии судьбы главной книги Некрасова, рассматривается полемика вокруг повести, проблемы, связанные с редактурой текста. Объясняются причины дискуссии о запрете кинофильма «В окопах Сталинграда», снятого по мотивам повести. Возвращение произведений Некрасова на родину стало возможным только в перестроечные годы начиная с 1989 года. Делается вывод о роли и месте сталинградской повести Некрасова в литературе о Великой Отечественной войне.

Ключевые слова: Виктор Некрасов, «В окопах Сталинграда», окопная правда, лейтенантская проза.

THE FATE OF VIKTOR NEKRASOV'S STORY “IN THE TRENCHES OF STALINGRAD”

Shalnova D. A., Slozhenikina Yu. V.

The fate of Viktor Nekrasov's book “In the Trenches of Stalingrad” is dramatic. The story was published in the magazine “Znamya” in 1946 under the title “Stalingrad”. In 1947 the author was awarded the Stalin Award of the second degree. In 1976 the writer's Stalingrad story was banned and withdrawn from all libraries of the Soviet Union. The article

studies the fate of Nekrasov's main book, considers the polemics around the story, problems related to the editing of the text. The reasons for the discussion on the banning of the movie "In the Trenches of Stalingrad", based on the story are explained. The return of Nekrasov's story to his homeland became possible only in the perestroika years since 1989. The conclusion is made about the role and place of Nekrasov's Stalingrad story in the literature about the Great Patriotic War.

Keywords: Viktor Nekrasov, "In the Trenches of Stalingrad", trench truth, lieutenant's prose.

*****

В 1990 г., после многолетнего периода запрета, в издательстве «Художественная литература» вновь вышла книга В.П. Некрасова «В окопах Сталинграда». Предисловие было написано известным писателем – одним из представителей «лейтенантской прозы» – Г.Я. Баклановым, которое он назвал «Возвращение». В нем дается высокая оценка повести В.П. Некрасова, однако радость ее возвращения на родину омрачена тем, что произошло это уже после смерти автора: «Настало время собирать камни, книга его вернулась к нам. Как жаль, что ему этого уже не узнать» [3, С. 6].

Виктор Платонович Некрасов (04.06.1911, Киев – 03.09.1987, Париж) прошел путь от лауреата Сталинской премии второй степени (1947) до исключения из Союза писателей, лишения советского гражданства за деятельность, несовместимую с высоким званием гражданина СССР (1979), диссидентства и эмиграции (Франция, 1974).

Родился в семье бухгалтера Платона Федосеевича Некрасова и врача Зинаиды Николаевны Некрасовой (в девичестве Мотовиловой). В 1926 г. окончил киевскую 43-ю трудовую школу. До поступления в Киевский строительный институт, архитектурный факультет которого окончил в 1936 г., учился в железнодорожно-строительной профшколе. Однако потребность в реализации творческих способностей привела молодого человека в театральную студию при Киевском Театре русской драмы, которую будущий писатель окончил в 1937 году. Несколько лет до начала Великой Отечественной войны работал архитектором в архитектурных мастерских, актером и театральным художником в театрах Киева, Владивостока, Кирова, Ростова-на-Дону [7].

Начало Великой Отечественной войны для В.П. Некрасова пришлось на время работы в Ростовском Театре Красной армии Северо-Кавказского военного округа. Хотя на актеров и сотрудников театров распространялась броня, его одного из всей труппы взяли на фронт: военная специальность сапера была остро востребована в действующей армии. Несмотря на то что бойцом Красной Армии прошел почти всю войну, в автобиографии и резюме о военных годах писал очень скупо: «С августа 1941 года – в армии. Воевал в Сталинграде, на Украине, в Польше. После второго ранения в 1944 г. демобилизовался в звании капитана. Награды – медаль "За отвагу" и орден Красной Звезды» [9].

В 1946 г. в 8–10 номерах журнала «Знамя» была опубликована его повесть «В окопах Сталинграда» (под заглавием «Сталинград» с подзаголовком «роман»). Повесть была удостоена Сталинской премии за выдающиеся работы в области искусства и литературы за 1946 г. и впоследствии переведена на 36 языков, выдержав около 30 прижизненных изданий. В начале 1947 г. в издательстве «Советский писатель» повесть вышла отдельной книгой. Однако В.П. Некрасов был категорически недоволен работой редактора, результатом чего стало письмо в секретариат Союза писателей СССР от 02.08.1947 г. о недопустимых вмешательствах в авторский текст. Писатель сообщает, что в конце 1946 г. им была сделана итоговая вычитка, однако в опубликованном тексте появились изменения, которые были произведены без ведома и разрешения автора и «самым грубым образом искажают содержание книги» [8].

В частности, речь шла, по характеристике автора, о честном, добросовестном, энергичном и смелом человеке Георгии Акимовиче, инженере-электрике Тракторного завода, крайне болезненно переживающем фронтовые неудачи в начале войны. В душе он верит в победу Красной армии, но считает немецкую армию мощной и хорошо организованной. В оригинале персонаж говорит: «Мы будем воевать до последнего солдата. Русские всегда так воюют. Но шансов у нас все-таки мало. Нас может спасти только чудо. Иначе нас задавят. Задавят организованностью и танками» [10, С. 83]. В корректуре издательства оценка немецкой армии была убрана, а герою приписаны слова: «Русские всегда так воюют… Мы все-таки победим» [8]. Некрасов упрекает редактора издательства за отсутствие логики в предложенном варианте речи Георгия Акимовича, поскольку его вывод никак не соответствует началу рассуждения.

Керженцев, главный герой повести, от лица которого ведется повествование, тоже не знает, что за чудо может помочь победить немцев, и обращается к опыту Л.Н. Толстого: «Толстой называл это скрытой теплотой патриотизма. Возможно, это самое правильное определение. Возможно, это и есть то чудо, которого так ждет Георгий Акимович, чудо более сильное, чем немецкая организованность и танки с черными крестами» [10, С. 84]. Редактор «Советского писателя» формулирует последнюю фразу по-своему: «А у советского народа есть то, что сильнее немецкой организованности и танков с черными крестами» [8]. Некрасов возмущен: «Что "то"? Ничего не понятно. Что-то, по-видимому, противопоставляемое этой скрытой теплоте патриотизма. Но что? Чепуха какая-то» [8]. Некрасов называет действие редактора нелепым, возмутительным, самовольным жонглированием текстом, поскольку фразы переделываются без оглядки на предшествующий текст, в результате грубо и безграмотно искажается замысел автора. Так, пишет Некрасов, в обработке редактора Георгий Акимович говорит: «Надеюсь, все, что я пытался вам доказать, никогда не сбудется». Однако двумя страницами ранее персонаж утверждал, что «мы все-таки победим» [8]. Некрасов возмущен тем, что по милости редактора его персонаж превратился в рассеянного идиота или в подозрительного двуличного болтуна. А ведь «ответственность перед читателем несет в первую очередь автор», – заключает писатель [8].

Критики отметили ответственность писателя перед читателем как особое достоинство: «Сила книги – в сознании ответственности, в понимании задачи, в любви к тем людям, вместе с которыми В. Некрасов участвовал в великом сражении» [1, С. 4]. В. Александров, автор статьи в «Литературной газете» № 23 от 07.06.1947 г., полностью посвященной лауреатам Сталинской премии, обратил внимание и на язык произведения, подчеркнув сдержанный тон повествования, «скупость на слова», ясность оценок: «Сдержанный тон повествования не ослабляет выражаемых чувств, а концентрирует их <…> Хотя автор и кажется "скупым на слова", его оценка изображаемого, его отношение к действующим лицам и их действиям всегда остаются ясными <…> И в самой манере повествования – в этой смене деталей, впечатлений, коротких фраз – нет ни механичности, ни импрессионистической разорванности; все охвачено живым и единым движением» [1, С. 4].

Говоря об импрессионистической разорванности, В. Александров, как кажется, защищал молодого писателя от упреков в высвечивании детали, частных моментов, точности воспроизведения лишь отдельных подробностей военного быта. Да и сам Некрасов писал: «Есть детали, которые запоминаются на всю жизнь… Маленькие, как будто незначительные, они въедаются, впитываются как-то в тебя, начинают прорастать, вырастают во что-то большое, значительное, вбирают в себя всю сущность происходящего, становятся как бы символом» [10, С. 84]. Сторонникам ленинского плана монументальной пропаганды, видевшим искусство важнейшим агитационным средством революции, коммунистической идеологии и возбуждающим гражданское чувство, казалось, что «правда окопа» не высвечивала всемирно-исторического значения сталинградской победы. Импрессионистическая эстетическая система 20-30-х гг. XX в., сложившаяся в постреволюционной России, в разрозненных картинах действительности пыталась отразить сломанное,

хаотическое, бессмысленное бытие нового мира, чуждое внутренней логике. Оправдывая писателя, В. Александров пишет: «Да, картина битвы – заведомо неполная; участок, на котором действует лейтенант Керженцев, – ограниченный, малый участок; но и на нем раскрывается великий смысл великой войны, героического подвига советских людей, морально-политического единства нашего народа» [1, С. 4].

В критике 40-50-х гг. XX в. сформировалось первоначально негативное понятие «окопной правды». Недолго издававшаяся в 1917–1918 гг. фронтовая газета «Окопная правда» печатала сообщения солдат с фронтов Первой мировой войны. Во Вторую мировую войну и после ее окончания «окопная правда» вызывала жесткое неприятие со стороны военной и государственной власти: «Какую правду можно разглядеть из окопа – негодовала, возмущалась, обличала, требовала кар <…> вся эта довольно многочисленная братия <…> Что увидишь из окопа, из траншеи? Разве это настоящая война? Всего-навсего мелкие, случайные, ничего не значащие подробности… разве такой была эта великая война, разве так погибали настоящие воины-герои? Правду о развернувшихся сражениях, конечно, надо искать не на таком убогом, мелкотравчатом, а на высоком уровне» [6]. Писателей-фронтовиков обвиняли в дегероизации подвига. Первая часть повести «В окопах Сталинграда» посвящена отступлению Красной армии. «Ни черта не разберешь. Тут и наша армия, и соседние. Штадив куда-то на север пошел, а там немцы. Ни карт, ни компаса…», – сетует начальник оружейных мастерских Копырко [10, С. 39]. Более того, несколько раз обсуждается ситуация дезертирства. Так, во время отступления лейтенант Саврасов сообщает, что недосчитался двух человек: «…Сидоренко из первой роты и Кваст из второй. Вечером еще были» [10, С. 26]. Всем ясно, что «этих двух уже не найти. Дома, защитнички… Отвоевались…» [10, С. 27]. Некрасов на свой страх и риск первым начал рассказывать правдивую «историю окопного человека» [10, С. 281].

Заслуга первой публикации повести «В окопах Сталинграда» принадлежит В. Вишневскому – в 1934–1948 гг. редактору журнала «Знамя». В письме к В. Некрасову от 08.01.1947 г. он замечает, что у неких «критических “недорослей”» есть сильные намерения «выстирать, пропустить через синьку, подкрахмалить и отутюжить» [5, С. 578] текст произведения, «а я решил оставить вещь такой, какой она вышла из-под пера окопника» [5, С. 578]. По поводу публикации велись официальные обсуждения: «В стенограммах много ерунды. Иногда делается просто больно, что люди, удравшие от боев на 600–700 километров, ни черта не понимающие в военном деле, трясут своим жиром и чему-то обучают Вас и редакцию» [5, С. 578].

Книга Некрасова два раза подвергалась процедуре обсуждения в Союзе писателей СССР – на специальном заседании президиума и на совещании военной комиссии. Автора обвиняли в безыдейности и «реализме на подножном корму». В. Вишневский отмечает негативную роль А. Фадеева, в 1946-1954 гг. генерального секретаря и председателя правления Союза писателей СССР, который готовил «камуфлет (в литературном и саперном смысле)» [5, С. 579] и разгромную статью, но, по утверждению В. Вишневского, «это дело нашими усилиями было ликвидировано» [5, С. 579]. Именно В. Вишневский включил кандидатуру писателя в списки претендентов на Сталинскую премию.

Через 10 лет схожая ситуация возникла и с экранизацией повести. 04.10.1956 г. появилась «Записка Главного политического управления МО СССР в ЦК КПСС о невозможности выхода на экраны страны кинофильма «В окопах Сталинграда». Группа генералов, офицеров Военно-научного управления и профессорско-преподавательского состава кафедр истории военного искусства академий назвала фильм неполноценным, наделенным серьезными недостатками. Автору сценария (В. Некрасову) и режиссеру (А. Иванову) ставилось в вину, что фильм не «показывает исторического значения Сталинградской битвы <…> вместо этого в фильме даны лишь отдельные разрозненные эпизоды» [2, С. 548]. После просмотра фильма у рецензентов сложилось «впечатление о развале армии, об отсутствии в ней какой бы то ни было дисциплины и руководства со стороны вышестоящих командиров и штабов <…> В фильме совершенно не освещена большая работа,

проводившаяся партией и правительством по подготовке Сталинграда к обороне. Шаржированно и извращенно выведены в фильме кадровые офицеры Советской Армии» [2, С. 548–549]. В их художественных образах участники просмотра увидели безвольность, безынициативность, трусость, карьеризм. И далее: «В образах солдат, младших командиров, особенно разведчиков, излишне подчеркивается расхлябанность, панибратство, увлечение спиртными напитками» [2, С. 549]. Заключение генералитета, политического и научного сообщества было ожидаемым: «Участники просмотра, выступавшие на обсуждении, пришли к единому мнению, что фильм, имеющий такие серьезные недостатки, является порочным и его нельзя рекомендовать к выпуску на экран» [2, С. 549].

Как сценарий, так и уже отснятый фильм подвергались множественной правке, однако в 1956 г. картина все-таки вышла на экраны сначала под одноименным названием «В окопах Сталинграда», затем как «Солдаты». В 1958 г. на Всесоюзном кинофестивале в Москве фильм получил премию третьей степени за режиссуру, однако, несмотря на зрительское признание, из-за политической позиции автора сценария фильм вскоре был надолго «положен на полку».

Через 9 лет после премьеры фильма, в 1965 г., поэт-фронтовик Б. Слуцкий в статье «Достоверность», опубликованной в журнале «Искусство кино», писал, что, пролежав «в кладовых кинопроката», кино «стало не хуже, а лучше» [12, С. 53]. Поэт противопоставил скромный малобюджетный фильм «Солдаты» двухсерийной дорогостоящей «Сталинградской битве», отказав последней в достоверности. Причин он видит несколько: во-первых, «в основе “Солдат” лежит историческая правда», причем «в фильме есть правда истории, но в нем есть и правда факта», ведь Некрасов сам фронтовик. Во-вторых, выигрывает вся армия, весь вооруженный народ (а «у авторов «Сталинградской битвы» война – это стратагема, решаемая в теплом кабинете одним человеком»). В-третьих, ярко развита тема военной дружбы: народ побеждает «не благодаря сложной системе подозрений и наказаний, а благодаря доверию и братству, рожденному единством цели и общностью переживаний» [12, С. 53]. В-четвертых, «фильм переполнен содержанием. Судьба <…> людей, связанная с судьбой всего народа в ответственный момент его истории, – это и есть содержание. Но фабулы в “Солдатах” действительно нет. Современные большие войны бесфабульны» [12, С. 53]. Для фильма совершенно правильно выбран жанр художественной хроники. В-пятых, велика заслуга Некрасова как автора сценария: «Фильм немногословен». Слуцкий рад, что Некрасову удалось избежать «инфляции слова»: «Немногословность фильма соответствует немногословности войны, ее передовой линии <…> Окопы – неподходящее место для длинных речей. Хорошо, что этих речей нет в фильме» [12, С. 53]. В заключение Слуцкий пишет, что «повесть В. Некрасова обогнала свою литературную эпоху, во многом предваряя наше время» [Там же].

После эмиграции имя Некрасова и вовсе вычеркнут из истории отечественной кинематографии. Фильм был возвращен в прокат только 09 мая 1991 года. Не менее драматичная судьба ждала и литературные произведения писателя. Приказом Главлита № 31 ДСП от 13.08.1976 г. книги Некрасова были официально запрещены, а повесть «В окопах Сталинграда» с пометкой «Все издания на всех языках» [13, С. 21–22], как и другие его произведения, была изъята из всех библиотек Советского Союза. Возвращение книг Некрасова произошло только в постперестроечные годы начиная с 1989 года.

В 1968 г. критик и литературовед И. Виноградов объяснил множественные обличения Некрасова в «окопном кругозоре» и отсутствии идейных обобщений общим уровнем тогдашней критики, ее органической закоснелостью «в предрассудках и догмах нормативной эстетики» [4, С. 233].

На сегодняшний день В. Некрасов по праву считается основоположником литературы «окопной правды» в русской советской художественной литературе. Позже это направление получило название лейтенантской прозы. Этим термином обозначаются произведения, созданные писателями советского периода – участниками Великой Отечественной войны в звании младших офицеров.

Произведения такого типа тяготеют к автобиографическому описанию войны, так сказать, взгляду из окопа. Андрей Платонов, откликнувшийся рецензией на только что вышедшую книгу Некрасова, отмечал, что повесть имеет «необыкновенно ощутительную, живую, непосредственную конкретность; читатель все время живет в том потоке событий, в который вовлек его автор» [11, С. 24]. В оценке автора «Чевенгура» и «Котлована», «книга В. Некрасова приближается к истине действительности» [11, С. 24].

«В окопах Сталинграда» оказалась главной книгой в творческой судьбе писателя, хотя была написана первой, и на десятилетие стала прецедентной для целого направления военной прозы. Только после смерти Сталина и с началом «оттепели» появились произведения «окопной» правды писателей-фронтовиков: Ю.В. Бондарев «Батальоны просят огня» (1957), «Последние залпы» (1959); Г.Я. Бакланов «Южнее главного удара» (1957), «Пядь земли» (1959), «Мертвые сраму не имут» (1961), В. Быков «Журавлиный крик» (1961), «Третья ракета» (1962), К.Д. Воробьев «Крик» (1962), «Убиты под Москвой» (1963), В.А. Курочкин «На войне как на войне» (1965). В.Г. Ялышко замечает, что не стоит преувеличивать степень влияния В. Некрасова на писателей более позднего времени, однако отмечает его первенство: «Заслуга В. Некрасова состоит в том, что он первый в послевоенной литературе определил черты художественного стиля, наиболее отвечающего ракурсу отображения и материалу действительности, ставшей предметом художественной типизации» [15, С. 12].

В 2016 г., спустя 70 лет после первой публикации повести, редакция журнала «Знамя» обратилась к писателям и критикам, пишущим о военной прозе, с просьбой ответить на два вопроса: «1. Что в романе / повести Виктора Некрасова представляется Вам сегодня актуальным? 2. Какие тенденции в современной прозе о Великой Отечественной войне представляются Вам наиболее заслуживающими внимания?» [14]. В. Березин, отсылая к В. Шкловскому, отметил, что повесть Некрасова говорила «с читателями по-армейски и по-арамейски». Эта метафора значит следующее: «арамейский был разговорным языком библейской земли при римлянах. А власть говорит только на языке империи, человеческого языка не знает <…> Виктор Некрасов говорил с читателем на человеческом языке» [14]. В продолжение размышлений о языке повести В. Березин отметил, что «воюющая армия создала народный разговорный язык и перемешала речевые пласты» [14].

Л. Быков возразил против причисления Некрасова к направлению «социалистический реализм», поскольку «реализм некрасовского мировосприятия был чужд любой регламентации» [14]. Писатель считает, что проза Некрасова имеет лирическую природу и оппонирует литературности: Некрасов видел свою миссию в том, чтобы писать «не по профессиональной обязанности или привычке, а по человеческому долгу и пристрастию» [14].

Е. Ермолин убежден, что Некрасов прежде всего человечен: «Важен и значим у Некрасова всякий человек, в его живой внеидеологической сути, с его радостью и болью, обреченный на страдание и смерть, приговоренный к пораженью, но пытающийся победить» [14].

А. Киров отметил несколько моментов: Некрасов первым изобразил неприглядные, ранее запрещавшиеся стороны войны; он предвосхитил время с точки зрения метода натуралистического повествования, «правды кровавых деталей», он использовал механизмы демифологизации исторических деятелей; попытался изобразить психологию потенциального предателя и через элемент антиутопии предположить: «а что было бы, если бы мы, скажем, проиграли…»; ему свойствен критический взгляд на героические события Великой Отечественной войны, отсутствие романтизации войны; наиболее удачной оказалась «“мужская тема” с ее гастрономическими атрибутами, иронической интонацией, крепкими словечками и настоящей дружбой, проходящая через все повествование»; оригинальный стилевой прием Некрасов – переход документа в повествование и наоборот [14].

П. Полян также восхищен языком повести: «При этом каждый из десятков персонажей говорит – под стать характеру – индивидуально и ярко: не спутаешь!»

[14]. П. Полян категорически не согласен с основным упреком в адрес произведения – узком взгляде из окопа. С его точки зрения, особенность прозы Некрасова – ее полимасштабность: писатель прочерчивает «в сюжете не только собственные окопы, блиндаж и несколько сот метров передовой... но и масштаб своего полка или дивизии, и масштаб фронта, и – … стратегический и даже геополитический уровни» [14].

В. Ставецкий назвал повесть «В окопах Сталинграда» безупречным свидетельством очевидца: «Некрасов, может быть, единственный из участников той битвы, кто обладал литературным талантом и мог по-настоящему правдиво рассказать о тех событиях» [14].

Таким образом, повесть «В окопах Сталинграда» – книга с драматичной судьбой. Успех первой публикации, запрет и изъятие из библиотек на долгие годы и триумфальное возвращение – вот этапы большого пути «истории окопного человека», рассказанной В. Некрасовым в 1946 году. В предисловии к одному из первых переизданий реабилитированной на родине книги Г.Я. Бакланов подвел итог спорам о ее месте среди литературы о Великой Отечественной войне: «…от книги Виктора Некрасова было отторгнуто не одно поколение, хотя место ее – в школьных программах. Ее как бы не было все эти годы, а она была и остается гордостью нашей литературы» [3, С. 5–6]. Возвращение повести Некрасова на родину амбивалентно: не книгу возвратили читателям, а наоборот, читатели вернулись к книге, к ее «окопной правде».

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров В. Керженцев и его товарищи // Литературная газета. 1947. – 7 июня. № 23. – С. 4.
2. Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957: Документы. – М.: РОССПЭН, 2001. – 808 с.
3. Бакланов Г. Возвращение // Некрасов В.П. В окопах Сталинграда: Повесть, рассказы. – М.: Худож. лит., 1990. – С. 3–6.
4. Виноградов И. На краю земли // Новый мир. 1968. – № 3. – С. 227–247.
5. Вишневский В. Собрание сочинений: в 5 т. – М.: Художественная литература, 1961. – Т. 6. – С. 578–579.
6. Лазарев Л. Окопная правда // Дружба народов. 2005. – №. 6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// magazines.russ.ru/druzhba/2005/6/ll14.html (дата обращения 22.10.2024).
7. Некрасов В. Автобиография. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://nekrassov-viktor.com/Biography.aspx (дата обращения 22.10.2024).
8. Некрасов В. Письмо в секретариат Союза писателей СССР о недопустимых вмешательствах редактора «В окопах Сталинграда» в авторский текст романа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nekrassov-viktor.com/Letters/Letter-VPN-v-SSP-2-08-1947.aspx (дата обращения 22.10.2024).
9. Некрасов В. Резюме. Curriculum vitae [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://nekrassov-viktor.com/Biography.aspx (дата обращения 22.10.2024).
10. Некрасов В.П. В окопах Сталинграда: Повесть, рассказы. – М.: Худож. лит., 1990. – 317 с.
11. Платонов А. Виктор Некрасов. В окопах Сталинграда // Огонек. 1947. – № 21. – С. 24.
12. Слуцкий Б. Достоверность // Искусство кино. 1965. – № 2. – С. 52–53.
13. Список книг, подлежащих изъятию из библиотек общего пользования в соответствии с Приказами Главного управления по охране гос. тайн в печати при Совете Министров СССР [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://nekrassov-viktor.com/Documents/Spisok-izjatiya/ (дата обращения 22.10.2024).
14. Уроки Виктора Некрасова и современная российская проза // Знамя. 2016. – № 10. – С. 174–188. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nekrassov-

viktor.com/papers/uroki-viktora-nyekrasova-i-sovryemyennaya-rossiyskaya-voyennaya-proza/ (дата обращения 23.10.2024).

15. Ялышко В.Г. Творчество Виктора Некрасова и пути развития «военной» прозы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1995. – 28 с.

РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ

УДК 81

ДИАХРОНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРЕДЛОЖНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРЕДИКАТИВА *ВСЁ РАВНО*, ИЛИ *НЕ ВСЕ РАВНО НА СЕМАНТИКУ*

Добрушина Екатерина Роландовна
Заведующий кафедрой славянской филологии, доктор филологических наук, доцент,
Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия
E-mail: edobrush@gmail.com
SPIN-код 2414-2617

В XXI веке предикатив *все равно* приобрел управление через предлог «на». Эта конструкция остается просторечной, но очень частотной. Вероятно, через десятилетие или два «*все равно на*» станет повсеместным. На первый взгляд, причины в аналогии с управлением единиц типа *плевать* и в легкости вхождении в современную речь ненормативных элементов. Корпусный анализ диахронии *все равно* приводит к другой гипотезе. Сочетание родилось как устойчивое, предположительно, в XVII веке. Первоначально оно было фразеологизованной грамматической основой и означало: «экспериенцер оценивает два или более стимула как одинаковые». Стимулы-альтернативы часто выражались однородными или содержащими альтернативу придаточными. За XIX-XX века сформировался целостный предикатив. Его значение – эмоциональная оценка: «экспериенцер не испытывает никаких чувств в отношении стимула». Когда начальное значение было вытеснено, а предикатив стал частотным, он начал нуждаться в другой модели управления. Теперь он должен управлять существительным, а не придаточным, так как стимул перестал быть связанным с альтернативами. Таким образом, появление новой схемы управления определяется новой семантикой.

Ключевые слова: современный русский язык, корпусная лингвистика, диахронический анализ, семантика, синтаксис, лексема *все равно*, предикатив *все равно*, наречие *все равно*, частица *все равно*, предикатив эмоционального восприятия, модель управления, предложное управление, концепт «равнодушие»

THE DIACHRONY OF THE FORMATION OF PREPOSITIONAL CONTROL OF THE PREDICATIVE DOES NOT MATTER, OR DOES NOT CARE ABOUT SEMANTICS

Dobrushina E. R.

In the 21st century predicative *vsyo ravno* acquired government with the preposition *na*. This construction remains vernacular but very frequent. It is likely that in a decade or two *vsyo ravno na* will become universal. At the first glance, the reasons seem to be in analogy with the government of such units as *plevat`* and with the ease of entry of sub-standard elements into the modern speech. A corpus-based analysis of *vsyo ravno*

diachrony leads to another hypothesis. The phrase appeared as idiomatic, presumably, in the 17th century. Originally, it was idiomatic grammatical basis which meant: 'an experiencer assesses two or more stimuli as the same'. Alternative stimuli were often expressed in the subordinate clause. During the 19th -20th centuries, a consistent predicative emerged. It meant an emotional evaluation: 'an experiencer does not have any feelings about the stimulus'. When the initial meaning was displaced, and the predicative became frequent, it started to require a different model of government. Now it has to govern the noun, not the clause, because the stimulus ceased to be associated with alternatives. Thus, the emergence of a new scheme of government is determined by new semantics.

Keywords: contemporary Russian language, corpus linguistics, diachronic analysis, semantics, syntax, lexeme *vsyo ravno*, predicative *vsyo ravno*, adverb *vsyo ravno*, particle *vsyo ravno*, predicative of emotional perception, a model of government, prepositional government, concept "indifference".

*****

1. Недавно возникшие частотные модели предложного предикативного управления

Одна из значимых задач русистики – фиксация происходящего в современном языке и изучение ближайшей истории изменений, идущих на глазах исследователя. На данный момент нет достоверных описаний рождения и развития новых моделей синтаксического управления. Ясно, что они меняются с течением времени, но за счет чего появляется изменение, с какой скоростью идет? Развитие корпусной лингвистики позволяет начать исследовать подобные проблемы (см. о корпусной диахронии в русистике [1] и [2]).

В русской речи сейчас на глазах растет популярность четырех недавно сформировавшихся конструкций: просторечные *все равно на*, *пояснить за*, *сказать за* и игровое *уметь в*. Это конструкции разного происхождения и разной стилистической окрашенности. *Все равно на*, по бросающемуся в глаза предположению, сформировалась, видимо, в языке школьников по аналогии с *плевать на* и подобными и является очень распространенной неосознаваемой ошибкой. Конструкция *пояснить за* стала частотной в речи Рунета, придя в нее, возможно, из блатного жаргона, остается просторечной, но, как кажется до проведения исследования, заполняет некоторую семантическую нишу, формирует новое значение глагола. Схема управления *сказать за* издавна была принадлежностью южных диалектов и русского идиолекта русскоговорящих жителей Украины. Например, «*Что вы скажете за кур, дорогой профессор?*» – реплика журналиста из «Роковых яиц» М. А. Булгакова (1924) и «*Я вам не скажу за всю Одессу*» – строчка из песни 1943 года поэта Владимира Агатова имитируют одесский идиолект, причем *за всю Одессу* носители литературного языка нередко ошибочно воспринимаю как *от имени всей Одессы*. В литературном языке эта конструкция была и остается выраженно просторечной, но сейчас экспансирует в разговорную речь, в первую очередь в устно-письменную речь социальных сетей, возможно, не столько из-за влияния юга, сколько из-за потребности в новой семантике, для которой предлог *за* подходит больше, чем *о*. Наконец, *уметь в* возникло недавно и превратилось в популярную языковую игру в рамках литературного языка: было *не умеет программировать* стало *не умеет в программирование*. *Уметь в* в отличие от *все равно на* частотно в текстах старшего поколения и малознакомо носителям молодежной речи. По всей видимости, на данном этапе это почти всегда осознанно игровая шуточная конструкция, ассоциирующаяся с *играть в*, то есть вводящая тему игры («жизнь как игра»); благодаря популярности этой шутки даже глагол *уметь* стал использоваться в соцсетях чаще. Возможно, через какое-то время конструкция превратится в естественную схему управления, существующую у *уметь* наряду с другими. Или не превратится? Очень хочется, чтобы через 10, а затем через 20 лет

положение описанных конструкций было исследовано. Итак, каждая из перечисленных схем управления заслуживает диахронического анализа и синхронической фиксации. Здесь будет рассмотрена *все равно на* – единственная, в формировании которой на первый взгляд нелегко заподозрить семантику.

Итак, скрепление предикатива *все равно* с предлогом *на* – один из наиболее активно идущих сейчас процессов в области изменения схемы управления конкретных лексем. Предикатив *все равно* меняет выражение объекта через придаточное на выражение его через конструкцию с *на* – было *все равно, что она скажет* стало *все равно на ее слова*. Конструкция *все равно на* остается просторечием, ошибкой, но ошибкой, не осознаваемой и – более того – безальтернативной для использующих ее. Для изучения конструкции следует описать предикатив *все равно*, который, как и другие частеречные варианты этого сочетания, в научной литературе практически не обсуждается.

2. Сочетание *все равно* – частеречная характеристика и значения

Лексема *всё равно* отсутствует в исторических словарях, а также в толковых, созданных до нашего века.

В МАСе сочетание разделено на три значения («безразлично, одинаковуо»; «в любом случае»; сравнение) без указания частеречной характеристики внутри идиоматического раздела статьи «ВЕСЬ» [3, с. 157].

В БАСе также три значения без указания частей речи внутри «ВЕСЬ»: «в значении сказуемого («*безразлично, одинаково, неизбежно*»); в составе союза; а третье значение разделено на два: для выражения причины, соответствует *потому что*, *так как* и соответствует «*тем не менее, все-таки*» [4, с. 239].

Как отдельная лемма приведена в Современном толковом словаре (далее СТС) в трех значениях: «нареч. качеств.-обстоят.»; «предик.»; «част.» [5].

В Активном словаре (далее АС) [6, с. 316] выделены объединенные в одно значение наречие (видимо, сказуемостное) и предикатив, второе значение – частица; как отдельная лемма описано сочетание *все равно что*, трактованное как наречие.

Две отдельные статьи по двум частям речи (предикатив, наречие) созданы авторами Большого Универсального словаря (далее БУС) [7, с. 145]; отсутствуют частица и сравнительный союз.

Проанализировав все источники и базу примеров, предлагаю краткое описание единицы *все равно*, по выделению частей речи более полное, чем в любом источнике. Вместо толкований описание содержит смысловые ярлыки, достаточные для данного исследования:

ВСЁ РАВНО

1. *Предикатив* (в иной терминологии *категория состояния*) (а) «равные варианты», «не имеет значения» \ (б) «не вызывает никаких чувств»

Примеры: *Вам чай с сахаром или без? – Всё равно* (БУС) \ *Все равно, что произойдет; Мне все равно, что обо мне говорят*.

2. *Наречие в роли сказуемого при подлежащем* (а) «равные варианты», «не имеет значения» \ (б) «не вызывает никаких чувств»

Пример: *Это все равно*.

3. *Наречие обстоятельственное* «вопреки» (ожиданиям /обстоятельствам)

Примеры: *Все равно много* (БУС); он *все равно откажется* (БУС).

4. *Частица* «все-таки» («усиление противопоставления» (СТС))

Примеры: *Я все равно приеду* (АС); *Все равно звонят не ей* (АС)

5. *Часть сравнительного союза* – в составе *все равно что* и подобных.

Предлагаемые семантические ярлыки в совокупности с частеречной характеристикой позволяют различать пять разных *все равно*. Но оговорю сразу, что граница между наречием (значение 3) и частицей (значение 4) не совсем ясна и требует отдельного исследования. По всей видимости одно и то же значение в АС отнесено к частице, в БУС – к наречию, а в СТС распределено между обеими частями речи; при разделении выше значений 3 и 4 опора была именно на СТС; что касается корпусных данных, встречаются примеры, которые естественно отнести

именно к наречию или именно к частице, встречаются промежуточные, а сформулировать критерии различения на данной стадии исследования не удалось.

Для предикатива будет очень значимо деление на (а) и (б). Эти варианты выделены через точку с запятой в СТС и через «а ткж» в БУС; в АС есть только вариант (б) с развернутым толкованием.

Значение 2 нигде не описано, а его следует отличать от предикативного, так они оба сказуемостные. «*Все равно* 2» всегда представляет собой сказуемое двусоставного предложения, наречием называем его потому, что термин «предикатив» («категория состояния») обозначает сказуемые исключительно безличных предложений [8, с. 136]. Видимо, именно «*все равно* 2» названо наречием в первом значении в [6, с. 316]. Сказуемостное наречие *все равно* необычно тем, что, по всей видимости, относясь по смыслу к группе внешней оценки типа *хорошо*, *нечестно* из семантического класса наречий способа и образа действия [9, с. 125-126], оно не может выступать в обстоятельственной функции, которая для таких наречий первична, а всегда является сказуемым при подлежащем, что возможно лишь для немногих наречий. По значению оно близко к предикативу и совсем другое, нежели обстоятельственное наречие (значение 3) – даже по выбранным здесь семантическим ярлыкам ясно, что «не имеет значения» и «вопреки» (ожиданиям/обстоятельствам) далеки друг от друга, невзаимозаменимы. Этот тип употребления является синтаксически связанным, он очень редок при иных подлежащих, нежели местоимения *это и что*, был популярен во второй половине XIX века (из 18 употреблений в «Отцах и детях» И. С. Тургенева (1862) 7 сказуемостных с подлежащем *это*), а сейчас устаревает.

3. Сочетание *все равно* – буква «Ё» и произношение

Тема ударения в сочетании *все равно* интересна потому, что произношение его в одно фонетическое слово свидетельствовало бы о высокой степени его фразеологизации, о стирании внутренней формы, что могло бы повлиять на появление новой модели управления. Поэтому обсудим здесь это кратко.

В орфографической традиции, которой следуют современные корректируемые издания, слово записывается с буквой «Е», что соответствует рекомендации русской орфографии прописывать «Ё», только когда от этого зависит верность прочтения. В узусе это не так, беглый просмотр современных чатов заставляет предположить, что носители выписывают «Ё» не реже, чем в 50% случаев (опираться при таких подсчетах на НКРЯ не стоит, так как не ясна тактика выбора между буквами при наборе текста). Авторы словарей в заголовках словарных статей используют «Ё». Предполагаю, что именно довольно частотная буква «Ё» поддерживает мотивированность этого сочетания для носителей языка и произношение его в два слова.

Возможны два варианта произношения: в два фонетических слова с двумя ударениями и в одно слово с ударением на конце. По данным Акцентологического корпуса, в некоторых случаях ударение падает на *равно*, а *всё* присоединяется к нему как проклитика:

(1) [Елена, жен] [нрзбр] все равно́ ка́к-то приде́тся реша́ть. [НКРЯ-А[1]. Претензия застройщику (2014)]

(2) — Ну, ва̀м все равно̀, мѝлая̀, у Ва̀с своѐ болѝт. [НКРЯ-А. А. Н. Миронов. Монолог матери : «Жизнь кончилась и началась…» [Кинематограф] (2000)] [Круглый (Сергей Мурзин, муж, 32, 1965)]

(3) Де́ньги-то все равно́ Тата́рину плати́ть/ башка́ твоя́ бара́нья! [НКРЯ-А. Алексей Балабанов. Брат, к/ф (1997)]

Если верить Акцентологическому корпусу, то таких случаев примерно 50%, но все безударные примеры из первых 50, кроме трех приведенных, из поэзии, и, по всей видимости, ударение именно для этого сочетания проставлялось неточно.

[1] Здесь и далее в примерах из НКРЯ использованы сокращения НКРЯ-О – Основной корпус, НКРЯ-П – Поэтический корпус, НКРЯ-СС – Корпус социальных сетей, НКРЯ-ЦСМИ – Газетный корпус центральных СМИ, НКРЯ-Пнхр – Панхронический корпус, НКРЯ-МК – Мультимедийный корпус, НКРЯ-А – Акцентологический корпус.

Поэтому были прослушаны примеры НКРЯ-МК, позволяющего довериться собственному слуху. На основе 200 проанализированных примеров делаю вывод, что профессиональные носители языка – журналисты, политики, ученые – проговаривают сочетание с двумя ударениями. Не более, чем в 10% случаев текстов МК, сочетание произносится в одно слово с редуцированным первым гласным – как правило, это деревенская разговорная речь (прим. 4) и лишь изредка городская (прим. 5).

(4) [Ольга Безгина, жен, фермер] Мама моя и сказала/ что/ «Я из деревни попыталась вывести тебя в город чтобы ты как-то могла там развивать себя/ да/ а ты ***всё равно*** вернулась в село». [НКРЯ-МК. Алёховщина. Д/ф из цикла «Письма из провинции» (ТК «Культура») (2021)]

(5) [Белков Сергей Николаевич, муж, химик-технолог] Но когда мы говорим "лучшее"/ любой человек по восприятию "лучший"/ у нас нет такого "априори лучше"/ есть "лучше по сравнению с чем-то". И ***всё равно*** будет сравнение – подсознательно/ психологически – с этой клубникой/ и мы… фактически мы ***всё равно*** не сможем сделать лучше/ [С.Н. Белков, А.М. Семихатов. Химия еды пищевые добавки и ГМО. Передача «Вопрос науки», т/к Россия-24 (2014)]

Итак, из частотности буквы «Ё» и двух ударений в узусе можно сделать вывод: *все равно* на данный момент не до конца слилось в одну лексему и сохраняет для носителей языка мотивированность. (Например, потерявший мотивированность союз *то есть* никогда не произносится с двумя ударениями). Но наличие в разговорной речи произношения с одним ударением и редуцированным первым гласным, а также регулярность ошибочного написания через дефис как у школьников, так и в чатах Рунета говорит о том, что процесс превращения сочетания в одну целостную единицу активно идет.

4. Сочетание *все равно* – вхождение в язык

Самый ранний пример на *всё равно* НКРЯ дает от 1673 года (прим. 6) – это предикатив в значении 1(а), присоединяющий два однородных объектных (изъяснительных) придаточных, в совокупности создающих альтернативу, характеризуемую предикатом.

(6)…нам де ***все равно***, что до Серпухова, что до Масквы [НКРЯ-ПНХР. Грамотка приказчика Р. Беляева… из д. Тельчья (1673.09.03)]

Второй пример от 1675 (прим. 7) – это устаревшее употребление –свободное, а не фразеологизованное сочетание со значением «все кажется равным», где *всё* – подлежащее, а *равно* – качественное наречие при последующем полусвязочном глаголе, в совокупности с ним образующее сказуемое.

(7) Великому Баазету ***все равно*** кажется; егда в песьих руках умрет, в том его счастье. [НКРЯ-ПНХР. Темир-Аксаково действо (1675)]

Далее следуют два примера на предикатив 1715 и 1716-1718 годов в значении 1(а), первый со связкой и изъяснительным придаточным, задающим альтернативы через относительные наречия *как и чем* (прим. 8), а второй – как бы цитирующий реплику персонажа – неполное предложение, в котором альтернатива *подушка* или *стул* обозначена в контексте (прим. 9).

(8) Ибо есть ***все равно***, как и чем смертный страх угрожен будет. [НКРЯ-О. [Петр I]. Артикул воинский (1715)]

(9) Потом посланник спросил у хана, где изволит сесть на подушке или на стуле… Хан сказал, что ***все равно*** и сел на стуле... [НКРЯ-О. Переписка и дела во время посольства Артемия Волынского (1716-1718)].

Два из трех предикативных примеров (прим. 6 и прим. 9) связаны с пересказом разговорной речи. Последующие примеры начинаются с 1749 года, и их становится больше. В целом за XVIII век находится около 40 примеров предикативов, а непредикативных употреблений устойчивого сочетания – ни одного.

Фразеологизованное *все равно* в XVIII веке сосуществует со свободными сочетаниями, где *все* (прим. 10) или *всё* (прим 7 и 11) – это подлежащие, а *равно* с ударением на первом слоге – наречие при сказуемом, синонимичное с *одинаково*.

(10) По счастью мало в нас между собой

Все равно бедны мы, и равно всяк блажен. [НКРЯ-П. Н. Н. Поповский. Опыт о человеке господина Попе… (1753-03.1754)].

(11) Скупой с усмешкою надежно говорит:

«Желудку что ни дай он ***все равно*** варит». [НКРЯ-П. А. П. Сумароков. Кривой толк…» (1759)]

Можно сделать вывод, что сочетание *всё равно* вошло в русский язык как устойчивое не позже середины XVII века в устных текстах в качестве предикатива в значении 1(а) «равные варианты», «не имеет значения». Это произошло раньше, чем в значении 1(б) и чем в качестве обстоятельственного наречия и частицы. В течение XVIII века предикатив 1(а) (но не 1(б)) стал более частотным и нормативным, стал появляться в поэтических, эпистолярных и художественных текстах, отчасти в юридических (есть пример из «Воинского артикула» Петра I), но заведомо не в значительно более консервативных религиозных. Наряду с устойчивым сочетанием существовали свободные, где *равно* было наречием при сказуемом, их было много и их частотность, по всей видимости, тоже была фактором, влияющим на формирование новой лексемы.

5. О диахронии непредикативного *все равно*

Возникнув первым не позже XVII века, предикатив *все равно* начиная со второй половины XIX века сосуществует с постепенно учащающимися омонимичными частями речи.

Сравнительный союз *все равно что* начинает формироваться в XVIII веке, но примеры единичные и скорее переходные и лишь в начале XIX века превращаются в частотные и остаются таковыми до сих пор.

Обстоятельственное наречие и частица, видимо, в XVIII веке еще почти отсутствуют и становятся неединичными позже на основе популяризировавшегося предикатива. Редкие примеры обстоятельственного наречия находятся с рубежа 30-х годов XIX, а уверенно наречие входит в язык лишь в последней четверти XIX века.

(12) Зови, как хочешь, смерть – уничтожением, гибелью, покоем, тлением, сном – она ***все равно*** поглотит свои жертвы. [М. Ю. Лермонтов. Азраил [прозаические фрагменты] (1831)]

(13) «Он, говорит, вор; хоть он теперь и не украл, да ***все равно***, говорит, он украдет, его и без того на следующий год возьмут в рекруты». [Н. В. Гоголь. Ревизор (1836)]

Частица, возможно, сформировалась из ныне не существующего (по крайней мере не признаваемого словарями и правилами пунктуации) вводного слова, возникшего на основе изолированного употребления предикатива, в XIX веке частотного, в том числе в сочетаниях *Но все равно*, *Ну все равно*, *Да все равно, Так все равно*. Сейчас оно устаревает, вместо него скорее говорят *Неважно* – резкий рост частотности лексемы *неважно* в XX веке хорошо виден на графиках НКРЯ-О.

(14) Я чаю, ты бы за это рассердился. И я бы рассердился, да стал глуп очень, так ***все равно***, прости. [Н. А. Львов. Письмо В. В. Капнисту (1789-1797)]

(15) – Ну, да ведь это тоже путешествие. – Какое, батюшка, путешествие. Путешествуют там, за границей, в неметчине; а мы что за путешественники? Просто – дворяне, едем себе в деревню. – Ну, да ***все равно***. Так как мы отправляемся теперь в дорогу... – А, вот это, пожалуй. [В. А. Соллогуб. Тарантас (1845)]

Предположительно, из таких употреблений формируется вводное слово:

(16) Вы его там не найдете: он переменил квартиру. – Право? – сказал Зарецкой. – ***Все равно***, я его как-нибудь отыщу. – [М. Н. Загоскин. Рославлев, или Русские в 1812 году (1830)]

(17) Этот год, ***всё равно***, вам нужно будет покупать овес.» [Н. В. Гоголь. Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем (1835-1841)]

Далее вводное слово теряет паузы вокруг и превращается в частицу, вот одни из первых примеров:

(18) Коли не это, ***все равно*** другой случай может выйти: заснет она… [Д. В. Григорович. Кошка и мышка (1857)].

(19) Письма к Дюма-сыну у меня не было; но ***все равно*** я отправился к нему прежде, чем подумал о других; этого требовала учтивость; я жил в доме его отца. [Д. В. Григорович. Корабль «Ретвизан» (1863)]

Итак, сравнительный союз *все равно что* появляется раньше других непредикативных частей речи и нередок уже в начале XIX века, а наречие и частица более частыми становятся с 60-х годов XIX века. Различение наречия и частицы все равно затруднено, требует вырабатывания критериев в отдельном исследовании.

6. Двусоставное *все равно* как источник возникновения предикативного *все равно*

В XVIII веке предикатив *все равно* только формируется, рождаясь из сочетания местоимения с кратким прилагательным. В каком контексте это сочетания стало настолько частотным, что возникло новое целостное слово? Обнаруживаются примеры, благодаря которым видно, как родился предикатив.

(20) Для прочих, хоть живой, хоть мертвый, ***всё равно***,

Евгений с Цесарем — мечтание одно:

Хотя не знатен он, хотя в высоком чине,

Хоть здесь, хоть там живет, хоть мертв, хоть жив и ныне. [Н. Н. Поповский. Опыт о человеке господина Попе… : «О счастье, наших цель желаний и конец!..» (1753-03.1754)]

С точки зрения синтаксической структуры и смысла этот пример можно трактовать трояко:

1. *Всё* – подлежащее, объединяющее две альтернативы (*хоть живой, хоть мертвый*) и обозначающее стимул (объект восприятия), а *равно* – краткое прилагательное среднего рода, обозначающее интеллектуальное восприятие (оценку) **«равны»** («одинаковы») и имеющее экспериенцера (субъекта восприятия) *прочие*, выраженного родительным падежом с предлогом *для*. Предложение можно пересказать так: «варианты живой или мертвый для прочих людей равны».

2. *Всё равно* – предикатив интеллектуального восприятия со значением **«одинаково»** и экспериенцером *прочие*, для которого стимул задан двумя однородными придаточными *хоть живой, хоть мертвый*, создающими альтернативу. Предложение можно пересказать так: «варианты *живой или мертвый* для прочих людей одинаковы».

3. *Всё равно* – предикатив эмоционального восприятия со значением **«безразлично»** и экспериенцером *прочие*, для которого стимул задан двумя однородными придаточными *хоть живой, хоть мертвый*. Предложение можно пересказать так: «оба варианта *живой или мертвый* у прочих людей не вызывают эмоций».

Синтаксическая разность между этими трактовками в роли местоимения *всё*: в первом случае оно самостоятельно и за ним стоит денотат – две альтернативы, по всей видимости, после него перед сказуемым пауза. Во втором и третьем случае местоимение входит в целостный предикатив и тем самым является частью фразеологизованного двусловного безличного сказуемого. Семантически первый и второй варианты синонимичны, так как речь идет о равенстве двух вариантов с интеллектуальной точки зрения, подходит ярлык «одинаково». В третьем случае – это скорее эмоциональная оценка, подходят ярлыки «безразлично», «не вызывает эмоций».

Какой же их вариантов имел в виду поэт Поповский? По всей видимости первый, всё – подлежащее, между ним и сказуемым нужна пауза.

Вот еще пример, в котором *все* – подлежащее. Речь идет о равенстве ситуаций «дышат розы» и «дышит полынь» («об умершем помнят» / «не помнят»):

(21) Розы ль дышат, над могилой

Иль полынь на ней растет, —

Всё равно, о друг мой милый!

[И. И. Дмитриев. Наслаждение : «Всяк в своих желаньях волен...» (1792)]

Если *все* – это подлежащее, называющее варианты, тем самым оно становится близко по смыслу местоимению *это*. В самом деле, в начале формирования предикатива *все равно* находим ныне устаревшие сочетания *это равно*, *все это равно* и фразеологизованную конструкцию *не все ли это равно*, активную в течение XIX века, а сейчас умершую (45 примеров с 1822 года до 1944 и 2 с 1976 по 2000, современных примеров нет).

(22) Я просил бургомистра уговорить корабельщиков, что ***это равно***, здесь ли оставить за руками деньги или там заплатить… [В. М. Головнин. Описание примечательных кораблекрушений… (1822)]

(23) Богу ***все это равно***, пришел ли кто на молитву или приехал. [А. П. Сумароков. Опекун (1765)]

(24) Что ему за радость узнать от нее, что она любит не Молчалина, а Скалозуба или что она любит не Скалозуба, а Молчалина? Не ***все*** же ли ***это равно*** для него? [В. Г. Белинский. «Горе от ума». Комедия в 4-х действиях, в стихах. Сочинение А. С. Грибоедова (1839)]

Из следующего диалогичного примера виден переход от двусоставного к безличному:

(25) … я должна сказать, что трудно, почти невозможно забыть все это! Но вѣдь не въ томъ дѣло... не ***все ли это равно***... – Нѣтъ, мнѣ не ***все равно***. Я хочу, чтобы въ васъ была, осталась ко мнѣ хоть капля чувства... дружбы и уваженія, наконецъ, сожалѣнія. [Е. А. Салиас. Мадонна (1877)]

Употреблений типа 2 (1(а)) в XVIII веке тоже немало, ср., например, у Тредиаковского, где *все равно* – целостное сочетание и речь идет о равенстве двух способов размерения пентаметра (а не об отсутствии чувств), а стимул выражен в постконтексте в рамках сложно предложения через альтернативное обстоятельство второй части:

(26) ***Все равно*** хотя первым, хотя сим вторым образом размерять сей пентаметр. [В. К. Тредиаковский. Способ к сложению российских стихов, против выданного в 1735 годе исправленный и дополненный (1751-1752)]

Безусловных примеров типа 3 (1(б)) – о чувствах – в XVIII веке почти нет, есть переходные. Вот надежный, но среди ранних таких очень мало:

(27) Он был из тех холоднокровных людей, которые отроду никому не делают ни худа, ни добра, – следственно, не чувствуют ни любви, ни ненависти. Ему ***все равно*** бывало видеть человека в печали или в радости. [Д. И. Фонвизин. Повествование мнимого глухого и немого (1783)]

Итак, в XVIII веке сосуществуют три типа употребления сочетания *все равно*, видимо, более ранние порождают более поздние, а те, популяризируясь, вытесняют более ранние:

1. *Все равно* – двусоставная конструкция с *всё* подлежащим, объединяющем варианты, выраженные в контексте, часто предварительном (прим. 20 и 21). Сказуемое здесь краткое прилагательном *равно*, означающее «одинаково».

2. Односоставное *все равно* регулярно появляется в значении 1(а): обозначает, что синтаксически присоединенное к нему описание вариантов (стимулов), чаще в постконтексте, – это «равные варианты» (прим. 26).

3. Изредка можно найти предикатив со значением 1(б) «безразлично» («не вызывает чувств») (прим. 27).

7. Предикатив *все равно* – синтаксические конструкции

Из-за огромного объема материала предложу очень сжатое описание синтаксических конструкций, обозначающих стимул, предикатива *все равно* в XIX и XX веках.

В ранних примерах «равные варианты» стимул обозначается в первую очередь через однородные придаточные (прим. 28), конструкции с разделительными союзами типа *или* (прим. 29), *ли…ли, хоть… хоть*, альтернативные бессоюзные части (прим. 30). Главное, чтобы были обозначены варианты:

(28) Я стараюсь себя уверить, что ***все равно***, что жить там или жить в деревне; чувствование сильнее мысли, и я тревожусь. [А. Н. Радищев. Письмо А. Р. Воронцову (1791)]

(29) У вас на щеках румяна, на сердце румяна, на совести, румяна, на искренности... сажа. ***Все равно***, румяна или сажа. Я побегу от вас во всю конскую рысь… [А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву (1779-1790)]

(30) Жить без Софьи – умереть: ему ***все равно***. [Г. П. Каменев. Софья (1796)]

Возможно, переходными к следующему типу управления можно считать употребления, в которых варианты – это «реализация / нереализация» чего-либо, задаваемая через одно придаточное:

(31) – Вам небось ***все равно***, если он мне такую услугу окажет? [П. Д. Боборыкин. Долго ли? (1875)]

С учащением значения «не испытывать чувств» с альтернативные конструкциями начинают конкурировать одиночные изъяснительные придаточные, описывающие «безразличную» ситуацию, как бы вводящие тему, а не конкретные варианты:

(32) А раз вера подорвана – ***все равно*** куда идти… с кем… вся жизнь начинает казаться какой-то сумасбродной сказкой! [И. Л. Леонтьев-Щеглов. Корделия (Страничка жизни) (1889)]

(33) Все его мечты были разбиты, и теперь для него было ***все равно*** где оставаться. [М. М. Филиппов. Осажденный Севастополь (1889)]

(34) И мне совершенно ***все равно***, зачем это и чем все это кончится. [И. Н. Кнорринг. Дневник (1920)]

(35) – А вам, значит, ***все равно***, ***почему*** сюда зачастила эта майорская дочь?..» [Булат Окуджава. Путешествие дилетантов … (1971-1977)]

(36) И нам не ***все равно***, насколько эффективны методы наказания и воспитания преступников... [Анатолий Безуглов. Бороться за человека // «Советский экран», 1976]

Именно конструкция с «косвенными вопросами» [Апресян 2014: 316] – единственный из синтаксических способов обозначения стимула, который упомянут в АС, характеризующем лишь современный этап языка и поэтому не рассматривающий «интеллектуальное» значение предикатива.

Важно, что на рубеже прошлого века мелькает управление существительным с предлогом **до.** Оно почти окказиональное, не прижившееся, ныне устаревшее, возможно, звучавшее также «неправильно», как ныне *все равно на*. Из четыре примеров три в дневниковых записях:

(37) …готов продать всех и всё, и гражданский долг, которого не ощущает, и работу, ***до*** которой ему ***все равно***, и идеал, которого у него не бывает... [Ф. М. Достоевский. Из записных тетрадей (1876)]

(38) Казалось, что ему было ***все равно до*** всех людей на свете, и он скорбел только об одном, что его потревожили. [И. Н. Потапенко. Шестеро (1890-1895)]

(39) Ведь еще недавно мне было ***все равно до*** него! [Л. К. Даянова. Дневник (1907)]

(40) Никто и не говорит о них. Всем ***все равно до*** этого. [М. Л. Казем-Бек. Дневник (1914)]

Упомяну здесь, что примерно в этот же период в НКРЯ-О находятся три примера с *безразлично до*, точно так же, как век спустя, на фоне развития *все равно на*, в НКРЯ-СС находятся пять примеров на *безразлично на*.

Итак, с развитием значения «не испытывать чувства» конструкции, разными способами выражающие варианты для равенства, сменяются придаточными, задающими тему для «равнодушия». Тему, в отличие от «вариантов» можно задавать существительным, и язык предпринимает попытку ввести предложное управление через «до», видимо, по аналогии с предикативными оборотами типа *не до того* (в НКРЯ-Пнхр с 1553 г.) и *нет дела до* (в НКРЯ-Пнхр 445 примеров с 1576 г.), но для закрепления модели чего-то недостает.

Последний синтаксический этап – это конструкция с предлогом *на*, сумевшим сделать то, что не сумел предлог *до*; о ней речь пойдет ниже.

8. Два взлета значимости понятия «равнодушие» в русской культуре

Идея чувств – основное современное значение сказуемостного сочетания, тогда как в XVIII веке оно лишь зарождалось. Сейчас употребления «двусоставное» и «равные варианты» вытеснены значением «безразлично». Современный читатель плохо понимает строки Поповского и Дмитриева (прим. 20 и 21), потому что для него *все равно* – это предикатив, говорящий об отсутствии чувств в связи со стимулом. В [6, с. 316] для предикатива и сказуемостного наречия дано одно толкование: ЗНАЧЕНИЕ. *А1 все равно А2* 'Человек А1 не испытывает никаких чувств по поводу А2'. Почему же произошло такое вытеснение? По всей видимости, потому, что понятие «равнодушие» стало значимо для русской культуры.

Это понятие выражается разными лексемами, в том числе: *равнодуший, индифферентный, безразличный, плевать, все равно*, см. более подробный перечень в [10]. Традиционно родовым названием понятия выбирают «*равнодушие*» (ср. [11]). Церковнославянизм *равнодушный*, по НКРЯ, с середины XVIII века приобретает значение «не испытывающий чувств»; увеличение его частотности, по графикам НКРЯ, приходится на столетний период с 20-х годов XIX в.

Период, когда для русского языкового сознания становится значимо представление о равнодушном отношении к чему-либо, наступил довольно поздно, быть может, под влиянием культуры эпохи романтизма (ср. строку из «Думы» М.Ю. Лермонтова 1838 года: «*К добру и злу постыдно равнодушны…*»). В. В. Виноградов говорит о позднем формировании у славянизма *безразличный* современного значения: «До начала XIX в. безразличный употребляется как отрицательная параллель к слову различный». Начав со значения «неодинаковый», пройдя через ступень значения «трудноразличимый», лишь к середине XIX века, когда в русских текстах появилось издавна существующее, но незначимое ранее для культуры слово французского происхождения *индифферентный* (в НКРЯ с 1841 г.), *безразличный* стало восприниматься как его калька и приобрело значение «не испытывающий чувств» [12]. До этого в сходном значение использовалось *равнодушный*.

А.Д. Шмелев выделяет «наплевательство» как часть русской языковой картины мира, одновременно и противопоставленную, и вытекающую из еще более важной идеи «смирения» и переводящую установку «примирение с действительностью» в «презрительное безразличие» [13, с. 100]. А.Д. Шмелев не касается временных рамок становления выделяемых им понятий – удивительно, но интерес к микродиахронии в рамках современного языка, то есть к истории языковых единиц на промежутках в 25, 50, 100 лет только начинает формироваться в русистике [14]. П**о**зднее приобретение значимости понятием «равнодушие» подтверждается корпусными данными для предикатива *безразлично* и для форм глаголов *плевать / наплевать* – уже на автоматических графиках НКРЯ отчетливо видно, что и то, и то заметно более частотно становится с 60-х годов XIX века.

Опыт диахронического исследования культурных идей выработан в концепции социокультурной теории лексических комплексов В. В. Глебкина, для которой значимо «представление о языке как способе концептуализации потока социокультурной реальности, в который погружен человек» [15, с. 39]. В этой теории выделены два базовых уровня развития лексического комплекса: **уровень повседневного употребления**, то есть неотрефлексированного использования / восприятия слов, входящих в соответствующее лексическое гнездо; **уровень интерпретации** слова, когда оно становится объектом сознательного размышления, превращается в элемент конструкции, которую можно назвать теоретической [15, с. 40-41]. Для понятия «равнодушие», по корпусным данным, об уровне повседневного употребления можно говорить лишь с середины XIX века: и с этого момента значение 1(б) предикатива *все равно* начинает становиться существенно более частотным и к концу XX века вытесняет значение 1(а). А к концу XX века понятие «равнодушие»

достигает уровня интерпретации, в частности, в психологии и маркетинге начинает активно обсуждаться явление «пофигизм» как «противоядие» «от чрезмерно эмоционального отношения или трудоголизма», как способ «сохранения спокойствия и здоровья в целом» [16, с. 69-70]. Сейчас «равнодушие» в моде, особенно у младших поколений. Так, Т. М. Шкапенко высказывает предположение, что, используя «речевые рефлексы» равнодушия, говорящий зачастую неравнодушен, но стремиться выразить вынужденное или показное равнодушие или, при отсутствии слушателя, задействовать «компенсаторную функцию» ради «саморегулирования эмоционального состояния» [10, с. 29].

Именно с 90-х годов прошлого века наблюдается второй этап взлета значимости «равнодушия» в русской культуре. Первое употребление слова *пофигизм* в НКРЯ – 1992 г., затем рождается оксюморонное словосочетание *здоровый пофигизм* – первый пример в НКРЯ 2000 г., появляется слитное написание наречия *пофиг* – первый пример 1998; с конца 60-х существенно учащается использование *все равно* и *безразлично*, при чем *безразлично* с конца века теряет частотность, по всей видимости, вытесненное более разговорными *все равно*, *пофиг* и ненормативным аналогом, последнего тоже пишущемся слитно.

Итак, понятие «равнодушие» стало значимо для русской культуры – а воплощающие его лексемы для языка – с середины XIX века. Полтора века *равнодушие* набирало силу, а примерно с 90-х годов XX века стало значимо на уровне теоретического осмысления. К этому моменту набор выражающей его лексики несколько поменялся, стал более разговорным, а лексема *все равно* окончательно сформировалась в значении «не испытывает чувств».

9. Предикатив *все равно* – присоединение предлога *на*

Конструкция *все равно на* в социальных сетях впервые появляется в начале 10-х годов века. Конечно же, она заменяет грубые выражения, что иногда продемонстрировано графически:

(41) вы [блин] серьезно? …У меня нет теле-радиоротаций, мне не нужно пристально следить за своим образом, чтобы меня и дальше звали в разные передачи. Иначе говоря, мне [**все равно**] **на** шоубиз в данном, извращенном понятии. И Юре тоже [все равно], поэтому он … не боится, что начальство может его уволить из-за неправильно заданных вопросов. Это и есть панк. Мне [все равно], ему [все равно], и получается [отлично]. [НКРЯ-О. Как Юрий Дудь изменил российский YouTube? Отвечают Баста, Ильич, Соболев и Масленников (2018.03) // Афиша Daily, 2018]

Это поздний пример. Те, кто скорректировал текст, видимо, уже считают *все равно на* нормативным, иначе могли бы использовать замену *плевать*. Формируется конструкция на десятилетие раньше. В НКРЯ-СС зафиксировано около 60 примеров с 2011 года, в НКРЯ-ЦСМИ – не менее 10 с 2010, в НКРЯ-У – четыре с 2007 года. Вот ранние примеры:

(42) [Вера, 19, 1988, студент] Да нам ***все равно на*** эту Англию / главное / что мы их победили. [Домашний разговор московских студентов (2007)]

(43) Но стоит отдавать отчет в том, что решение это политические и не так то уж просто взять, да и продемонстрировать, что законодателям абсолютно ***все равно на*** мнение 350 тысяч человек. [Дарья ЗИМБЕЛЬСКАЯ. Владимир Воронин на Прямой линии в «КП»: … // Комсомольская правда, 12.03.2010]

(44) Это может означать, что ваш собеседник не уважает вас и ему ***все равно на*** происходящее вокруг. [hdiscovery. blogspot.com hdiscovery (20.09.2011)]

(45) P. S: Я не от какой-либо партии, я вообще никакого отношения не имею к политике, просто мне не ***всё равно на*** то, что творится в стране. [vk (09.12.2011)]

Интересен прим. 45, в котором вместо *не все равно, что творится* использовано *не все равно на то, что творится*, то есть более простая нормативная конструкция пишущему чужда, он уверенно хочет использовать все равно по аналогии с пофиг и плевать. К началу 10-х годов нормативное управление предикатива через придаточное для этого пишущего уже устарело.

Нормативное описание стимула через придаточное не подходит современным носителям языка из-за того, что стимул часто удобно выражать существительным, не переводящимся в придаточное. Все равно на *эту Англию / на политику / на него / на мнение других / на эти меньшинства / проверки / правила / внешний вид* – по этому неполному списку стимулов из НКРЯ-СС видно, что замена существительных на придаточные очень усложнила бы предложение. Придаточное в этой позиции – рудимент от XVII века, когда основным значением *все равно* было не «отсутствие чувств», а «равные варианты». Чувства распространяются (точнее, не распространяются) на один конкретный денотат, его удобно обозначить существительным, а вот для «равных вариантов» нужны варианты, их удобно обозначать, например, через однородные придаточные. По этой же причине на рубеже XX века в язык пытались войти *все равно до* и *безразлично до*, но не сумели, думаю, потому что их аналог *нет дела до* оказался не столь частотным, как *плевать на* и *пофиг на,* и потому, что не было социальных сетей, чтобы распространить новшество.

10. Основные результаты

Фразеологизованное *все равно* сформировалось не позже XVII века из двусоставной конструкции со значением «равные варианты». Поэтому предикатив умственного восприятия *все равно* управлял элементами, обозначавшими стимул восприятия в виде вариантных событий, – чаще всего однородными придаточными или конструкциями с разделительными союзами.

Чуть позже предикатива в XVIII веке развился сравнительный союз *все равно что* и близкие, а не ранее чем ко второй четверти XIX века сформировались обстоятельственное наречие и частица, соотношение которых требует отдельного исследования. Середина XIX века – период, когда, возможно, на основе идей эпох романтизма, а затем нигилизма, понятие «равнодушие» стало значимым для русской лексики и предикативы *безразлично* и *все равно* со значением «не испытывать эмоций» стали частотны.

Итак, значение предикатива *все равно* «не испытывать эмоций» было редким и переходным в XVIII, а регулярным стало после середины XIX века. Тогда и далее вплоть до конца XX века *все равно* эмоционального восприятия использовалось либо как изолированная реплика, где и стимул и экспериенцер считывались в контексте, либо со схемой управления, унаследованной от *все равно* интеллектуального восприятия – стимулом, выраженным изъяснительным придаточным, у которого уже не было необходимости обозначать варианты, достаточно было назвать ситуацию. Такой же была модель управления *безразлично*, потому что оно тоже родилось из интеллектуальной оценки. На рубеже XIX-XX века у *все равно* и *безразлично* мелькнуло, но не закрепилось управление предложно-падежной группой с *до*.

В конце XX века происходит новый скачок значимости понятия «равнодушие», в том числе из-за развития практической психологии, настаивающей на «здоровом пофигизме». Одновременно формируется устно-письменная спонтанная речь Рунета и разговорных элементов в речи разных стилей становится больше, появляется предикатив *пофиг,* и слишком литературное и нейтральное *безразлично* вытесняется, а эмоциональное *все равно* начинает работать как «приличный» вариант грубых *(на)плевать* и *пофиг* (и его скалькированного еще более грубого аналога). Такое *все равно* не нуждается в выражении стимула придаточным, достаточно просто существительного, обозначающего ситуацию, и предикатив по аналогии с грубыми выбирает предлог *на*. С начала 10-х годов *все равно на* появляется в текстах Рунета (первые редкие примеры в 2007), в том числе как замена запрещенных на определенных платформах корней. К 20-м годам XXI века конструкция входит в устную речь носителей языка школьного, студенческого и постстуденческого возраста, которые не знают, что она не нормативна. Предположительно, процесс необратим и через одно-два десятилетия конструкция станет повсеместной, именно тогда исполнится примерно 200 лет с момента формирования у *все равно* значения «не испытывать чувств». Возможно, к этому

времени *все равно* фонетически оформится как целостное слово, сейчас оно чаще произносится с двумя ударениями и тем самым сохраняет мотивированность.

Итак, у появившейся 20 лет назад модели *все равно на* двувековая еще не завершившаяся история. Причины появления новой конструкций в первую очередь семантико-синтаксические – смена значения требует смены унаследованной от другого значения модели управления. Но для этого нужны 200 лет и сопутствующие обстоятельства. Для формирования новой конструкции важен скачок частотности набора выражающих «равнодушие» лексем, возникший на основе «моды» на это состояние. Наконец, значимо общее снижение стилистических требований в языке интернета в сочетании с определенными запретами и потребностью в незапрещенном аналоге.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борзенко Е.О. Методы корпусного анализа частотности и динамики языковых единиц в 2024 году. Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2024. В печати.

2. Добрушина Е. Р. Корпусные методы как инструмент исследования микродиахронии русского языка XVIII-XXI веков. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 2022.

3. Словарь русского языка: В 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1999. Т. 1.

4. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. / [Глав. ред.: В. И. Чернышев (глав. ред.) и др.]; Москва; Ленинград. 1951. Т. 2.

5. Современный толковый словарь русского языка. Т. Ф. Ефремова – АСТ, Астрель, Харвест, Lingua, 2005. – Т. 1.

6. Активный словарь русского языка / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, И. В. Галактионова, М. Я. Гловинская, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. А. Лопухина, А. В. Птенцова, А. В. Санников, Е. В. Урысон; Отв. ред. Ю. Д. Апресян. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – Т. 1.

7. Большой универсальный словарь. В. В. Морковкин, Г. Ф. Богачева, Н. М. Луцкаяю. АСТ-Пресс, 2020. – Т. 1.

8. Летучий А.Б. Предикативы // Плунгян В.А., Стойнова Н.М. (Отв. ред.). Материалы к корпусной грамматике русского языка. Выпуск III. Части речи и лексико-грамматические классы. – СПб.: Нестор-История. 2018. С. 136-192.

9. Сичинава Д. А. Наречия // Плунгян В.А., Стойнова Н.М. (Отв. ред.). Материалы к корпусной грамматике русского языка. Выпуск III. Части речи и лексико-грамматические классы. – СПб.: Нестор-История. 2018. С. 108-137.

10. Шкапенко Т. М. Речевые рефлексы со значением равнодушия в современном русском языке. Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2009. Вып. 8. Стр. 25—30.

11. Демичева Ю. В. Семантическое единство «любовь-равнодушие-ненависть»: значимостная составляющая // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. № 4. – С. 201–207.

12. Виноградов В.В. История слов: около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных / Отв. Ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Толк, 1994.

13. Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. – М.: Языки славянской культуры, 2002.

14. Добрушина Е. Р. Ихний, толика и рыбова, или Что дают микро- и наодиахронические методы. Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. М., 2025. В печати.

15. Глебкин В.В. Категории русской культуры XVIII–XX веков. Книга 1. Скука. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018.

16. Димитриева О. А. Пофигизм в современной русской лингвокультуре (по данным Национального корпуса русского языка и интернет-сайтов) // Языковые образы: лингвокреативные символы этнокультурной духовности : сборник научных трудов по итогам 5-й Международной научной конференции, посвященной 75-летию

Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора филологических наук, профессора Н. Ф. Алефиренко (г. Белгород, 17–19 сентября 2021 года). Белгород: ООО «Эпицентр», 2021. – С. 64–70.

УДК 81.23

КОНЦЕПТ «МАТЬ» В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ: НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ[1]

Го Лихун
Доцент, Институт иностранных языков, Цицикарский университет, Китай
Аспирант, Кемеровский государственный университет, Россия
E-mail: 1120475263@qq.com

Жун Синь
Магистрант,
Институт иностранных языков, Цицикарский университет, Китай

Го Синь
Магистрант,
Институт иностранных языков, Цицикарский университет, Китай

Статья посвящена интерпретации и анализу стереотипных представлений о матери в русской лингвокультуре. Результаты исследования показывают, что концепт «мать» в русском языке охватывает широкий спектр значений и ассоциаций. Лингвистические стереотипы включают разнообразные лексемы и фразеологизмы, репрезентирующие эмоциональное и уважительное отношение к матери. Ментальные стереотипы отражают устойчивые представления о роли матери в обществе, ассоциирующиеся с защитой, воспитанием, идеалом. Культурные стереотипы включают мифологические и фольклорные элементы, а также символизацию государства и Родины через образ матери. Исследование демонстрирует, что концепт «мать» в русском языке является многомерным ментальным образованием, отражающим как биологические, так и социальные аспекты. Национально-культурные стереотипы играют значимую роль в поддержании культурной идентичности и процессах социализации, демонстрируя важность материнства в русской культуре.

Ключевые слова: *концепт, мать, лингвокультурология, стереотип, русский язык*

THE CONCEPT “MOTHER” IN RUSSIAN LINGUOCULTURE: NATIONAL-CULTURAL STEREOTYPES

Guo Li Hong, Rong Xin,
Guo Xin

The article is devoted to the interpretation and analysis of stereotypical ideas about mothers in Russian linguistic culture. The results of the study show that the concept “mother” in Russian covers a wide range of meanings and associations. Linguistic stereotypes include a variety of lexemes and phraseological units that represent an emotional and respectful attitude towards the mother. Mental stereotypes reflect stable ideas about the role of the mother in society, associated with protection, education, and ideals. Cultural stereotypes include mythological and folklore elements, as well as the symbolization of the state and the Motherland through the image of the mother. The study demonstrates that the concept “mother” in Russian is a multidimensional mental

[1] Информация о спонсорстве. Исследование выполнено при финансовой поддержке: научного фонда Департамента образования провинции Хэйлунцзян Китая, проект № 145209166; научного фонда искусств провинции Хэйлунцзян Китая, проект №2024B049 ; научного фонда Цицикарского университета Китая, проект № GJQTZX202311.

formation, reflecting both biological and social aspects. National and cultural stereotypes play a significant role in maintaining cultural identity and socialization processes, demonstrating the importance of motherhood in Russian culture.

Key words: concept, mother, linguoculturology, stereotype, Russian language.

*****

Концепт – это многомерное ментальное образование, которое отражает знания, опыт, ассоциации и ценности, связанные с определенным объектом или явлением. В лингвистике существуют различные подходы к пониманию концепта: 1) лингвокогнитивный подход, в рамках которого концепт рассматривается как единица ментального лексикона, отражающая индивидуальный опыт и знания человека; 2) лингвокультурный подход: концепт воспринимается как концентрат культуры, отражающий коллективный опыт и ценности лингвокультурного сообщества; 3) интегративный подход, объединяющий лингвокогнитивный и лингвокультурный подходы [10].

Для изучения концептов используются различные методы и приемы: анализ словарных дефиниций (позволяет выявить ключевые значения и ассоциации, связанные с именем концепта и его синонимами); этимологический анализ (раскрывает историческое развитие значений и ассоциаций, связанных с концептом); анализ фразеологизмов и паремий (позволяет выявить культурные стереотипы, ассоциирующиеся с концептом); анализ текстов различных типов дискурса (помогает понять, как концепт отражается в разных сферах коммуникации); психолингвистические экспериментальные методы: ассоциативный эксперимент, анкетирование (позволяют выявить скрытые ассоциации и личностные оценки, связанные с концептом).

Концепт «мать» является одним из базовых понятий в любой культуре, играющим важную роль в формировании ментальных и культурных стереотипов.

Данное исследование направлено на интерпретацию и анализ концепта «мать» в русском языке с точки зрения отражения в нем национально-культурных стереотипов. Применяемым в исследовании методологическим инструментарием являются логические методы дедукции и индукции, методы семантического, дефиниционного, компонентного и лексикографического анализа.

Стереотипы играют значимую роль в формировании и восприятии лингвокультурного пространства, представляя собой упрощенные и обобщенные знания о группах людей или культурных явлениях [7].

Стереотипы выполняют ряд когнитивных функций, таких как схематизация и упрощение, формирование и хранение групповой идеологии, которые помогают индивидам и сообществам структурировать сложные социальные взаимодействия и поддерживать культурные нормы и ценности [7]. Например, этнокультурные стереотипы, такие как немецкая аккуратность или русская гостеприимность, формируют обобщенные представления о народах и влияют на межкультурное восприятие.

Лингвокультурное пространство определяется через стереотипы, которые функционируют как стабилизирующие факторы, поддерживающие культурную идентичность и способствующие процессам социализации [7]. Изучение стереотипов позволяет глубже понять механизмы формирования и функционирования культурных представлений и их влияние на общество.

Концепт «мать» представляет собой одну из ключевых лексем в языковой системе, неизменно привлекающую внимание исследователей различных научных дисциплин, таких как антропология, семантика, культурология, когнитивная лингвистика, мифология и др.

Изучение терминологии родства в разных культурах заложили основы для понимания концепта «мать» как универсальной семантической и концептуальной универсалии [17]; [19]. Ученые-лингвисты анализировали концепт «мать» в контексте

разных языков и культур, сравнивая его с другими связанными концептами (семья, дом, родина, женщина) [4], [6], [12]; [15] и др. Концепт «мать» изучался в фольклорных текстах с точки зрения его роли в народной культуре и традициях [1]. У.Б. Марчуком проведен когнитивный и ассоциативный анализ концепта «мать» на материале паремий, выделены фреймы «мать-источник», «мать-дочка», «мать-отец», «мать-дети», «мать-свекровь», «мать-любовь», «мать-мачеха» [8]. Дж. Лакофф предложил кластерную модель концепта «мать», включающую в себя разные когнитивные модели (рождение, генетическая связь, воспитание, брачная модель, генеалогическая модель) [18]. А. Вежбицкая критиковала некоторые аспекты модели Дж. Лакоффа, утверждая, что не все типы матерей (приемные, суррогатные, биологические) находятся в едином семантическом регистре [19]. Исследование концепта «мать» – это динамичный процесс, отражающий эволюцию научного знания и социальных реалий.

Русская культура традиционно отдает материнству важное место. Стереотип о самоотверженности, безусловной любви и заботе матерей пронизывает народные пословицы и поговорки, литературу, искусство. Материнство рассматривается как главная миссия женщины, ее призвание и источник силы.

Русская мифология преподносит образ «Матери-Земли», воплощенный в богине Мокошь – богине судьбы, урожая и земледелия, олицетворяющей жизненную силу женщины. Ее имя связано с корнем «мок-», имеющим значение «влажный», «сырой», что отражает связь с землей и ее плодородием [16].

Образ матери в русском языке и культуре тесно связан с мифологическими и фольклорными элементами. Е.А. Мошина исследует мифологему «Мать-сыра-земля», которая представлена в русском языке через множество метафор, включающие жизненные, соматические, антропоморфные и теоморфные элементы. Например, «Мать-сыра-земля» описывается как «жена Бога», отражая верования древнего культа Мокоши. После принятия христианства название «Мать-сыра-земля» стало заменяться на имя Девы Марии, однако функция рождения как акта творчества сохраняется в языковом сознании русского народа [9].

В христианской религии образ матери воплощен в Богородице, Матери Иисуса Христа. Богородица – это символ чистоты, невинности и любви, ее образ стали почитать как «Великую Мать», защитницу и заступницу всех христиан.

В современной русской культуре образ матери проявляется также в символизации государства и Родины. «Родина-Мать» – это символ защиты, любви, заботы о своем народе. Этот образ широко используется в патриотических дискурсах. Например, «Родина-Мать зовет» – знаменитый образ Великой Отечественной войны, взывающий к чувствам патриотизма и самопожертвования.

В лингвистическом аспекте концепт «мать» выражается лексемой «мать», принадлежащей к полю материнства, и его толкование в русском языке варьируется в зависимости от контекста, о чем свидетельствуют данные толковых словарей.

Приведем основные значения лексемы «мать»:

1. Женщина по отношению к своим детям [2]; [14].

Это значение совмещает три семантических признака: принадлежность исключительно женщинам, биологический феномен и социальная роль.

2. Самка животного по отношению к своим детенышам [2]; [14].

3. Монахиня, настоятельница или жена священника [2]; [13].

4. Термин некровного родства: например, «крестная мать» или «посаженая мать», обозначает женщину, принимающую участие в определенных ритуалах, таких как крещение или свадьба [2]; [14].

5. Земля, родина: в переносном значении выражение «Мать-Россия» подчеркивает особую эмоциональную и культурную связь с родиной [2]; [13].

6. Богородица: в сакральном контексте «мать» обозначает Богородицу, святую мать Иисуса Христа [2]; [13].

7. Источник, исходная форма, нечто/некто, дающее начало, жизнь [2]; [14].

Центральные значения лексемы «мать» включают компоненты «женщина» и «нечто/некто, дающее начало чему-либо». Ближайшая периферия включает

биологический феномен и социальную роль, а дальняя периферия охватывает сакральные и аксиологические значения, а также метафорическое употребление.

Эволюция концепта «мать» отражает изменения в социальном и культурном контексте русского общества. Первоначально значение «мать» было сосредоточено на биологической и социальной ролях женщины как матери. Со временем это значение расширилось и стало включать метафорические и сакральные компоненты, что связано с развитием религиозных и культурных традиций.

Современные толковые словари фиксируют все перечисленные значения, отражая их актуальность в языке и культуре. Например, в «Большом академическом словаре русского языка» лексема «мать» определяется в широком спектре значений, включая биологические, социальные, сакральные и метафорические аспекты [2].

У лексемы «мать» существует ряд синонимов, отличающихся эмоциональной окраской и сферой употребления: «мама», «матушка», «маменька» и др. От основы «мат-» образуются дериваты: «матушка», «материнский», «материнство», «матерь» и др., отражающие разные аспекты концепта «мать».

На основе данных ранее проведенного авторами статьи исследования [5], во фразеологической картине мира русского языка концепт «мать» представлен следующими стереотипными образами матери:

1. Мать как центр семьи: «материнское право», «мать семейства», «без матки рой не держится» и др.

2. Мать как источник жизни: «в чём мать родила», «ещё во чреве матери», «уродила мать, что и земля не примат» и др.

3. Мать как символ защиты: «днём денна моя мать – печальница, в ночь ночная богомольница», «мать-квочка», «под крылом матери», «материнская молитва» и др.

4. Мать как источник мудрости: «материнское слово», «материнская школа», «впитать с материнским молоком» и др.

5. Мать как непреходящая любовь: «мать любит без памяти», «за детей и на край света», «материнская ласка конца не знает» и др.

6. Недооцененная детьми мать: «привык на мать дуться», «сердце матери к детям из воска, сердце детей к матери из камня» и др.

7. Мать как олицетворение бесконечной доброты и прощения: «родная мать и высоко замахивается, да не больно бьёт», «мать гладит по шерсти, мачеха – насупротив» и др.

8. Мать как первоисточник: «Родина-мать», «Волга-матушка», «земля-матушка», «мать-природа» и др.

9. Мать как зеркало наследственности и семейных черт: «выйти в мать», «уродиться в мать», «пойти в мать» и др.

10. Мать как символ священного покровительства: «матерь Божия», «Пресвятая мать» и др.

Таким образом, в лингвистическом плане концепт «мать» в русском языке представлен широким спектром лексем и фразеологизмов, отражающих различные стороны материнства. Важную роль играют синонимы и метафоры, такие как «мамочка», «матушка», «мать-земля», подчеркивающие эмоциональные и уважительные отношения к матери. Фразеологизмы усиливают образ матери как источника безусловной любви и заботы, выражая не только лексическое значение, но и культурный подтекст, отражающий социальные ожидания и нормы, связанные с материнством.

Ментальный аспект концепта «мать» в русском языке охватывает множество устойчивых представлений и стереотипов, отражающих роль матери в обществе и ее восприятие, формирующихся под влиянием культурных, социальных и исторических факторов.

Исследование А.Д. Палкина посвящено анализу образа матери в мировоззрении русских и японцев на основе ассоциативных экспериментов. Результаты показывают, что для русских образ матери тесно связан с теплом, заботой и кормлением грудью. Мать рассматривается как женщина и родитель, где

социальные функции преобладают над физическими. В 1990-х годах многодетная семья была более актуальной, хотя экономические проблемы снизили уровень рождаемости. В начале XXI века этот архетип потерял свою актуальность [11].

В монографии Н.Н. Васягиной и Ю.С. Газизовой исследуется идея репрезентации образов как системно-структурной основы для конструирования менталитета. «Мать» занимает особое положение в иерархической системе образной сферы человека: он рассматривается как сложный ментальный феномен, представленный в сознании через проекцию ценностно-семантических и качественных характеристик материнского поведения. Исследование выявило социально ориентированную и семейно ориентированную модель репрезентации образа матери в российском менталитете [3].

Стереотипы, связанные с матерью в русской культуре, можно классифицировать следующим образом:

1. Идеализированный образ матери. Мать в русской культуре часто представляется как святая, жертвенная фигура, которая готова на любые лишения ради своих детей. В художественной литературе образ матери нередко ассоциируется с терпением, самопожертвованием и бесконечной любовью.

2. Мать как источник нравственности и воспитания. В русской лингвокультуре мать часто воспринимается как главный воспитатель и наставник.

3. Мать как защитница и хранительница домашнего очага. В литературе и повседневной речи мать часто ассоциируется с домом, теплом и безопасностью.

Таким образом, ментальный аспект концепта «мать» в русском языке включает устойчивые представления и стереотипы, отражающие культурные и социальные ожидания. Исследования показывают, что образ матери ассоциируется с заботой, теплом и безусловной любовью, занимая важное место в менталитете русского народа.

Концепт «мать» в русском языке представлен как сложное ментальное образование, включающее в себя биологические, социальные и культурные аспекты, что подтверждается разнообразием лексем, фразеологизмов и ассоциаций, связанных с этим понятием. Концепт «мать» выходит за рамки простого биологического понятия и приобретает культурное и социальное значение. Нами были выделены три группы стереотипов, связанных с концептом «мать»: лингвистические, ментальные и культурные. Лингвистические стереотипы связаны с языковыми средствами выражения и показывают, как концепт «мать» проявляется в языке через лексемы, фразеологизмы и другие языковые единицы. Ментальные стереотипы отражают устойчивые представления о матери как защитнице, воспитательнице и идеализированной фигуре. Культурные стереотипы формируются под влиянием народных традиций, мифологических образов и религиозных символов, поддерживая важность и ценность материнства в русской культуре.

Стереотипы, связанные с концептом «мать», выполняют важные когнитивные и социальные функции. Они помогают структурировать сложные социальные взаимодействия, поддерживать культурные нормы и ценности, а также способствуют процессам социализации. Лингвистические, ментальные и культурные стереотипы формируют коллективное сознание и укрепляют культурную идентичность русского народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алещенко Е.И. Концепт «Мать» в русской народной сказке / Е.И. Алещенко // Русское слово: сб. науч. тр. – Волгоград: Изд-во ВГИПК РО, 2007. – Вып. 1. – С. 13-26.

2. Большой академический словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; [ред.: Л. И. Балахонова]. – Москва: Наука; Санкт-Петербург: Наука, 2004. – Т. 9 – 650 с.

3. Васягина Н. Н. Репрезентация образа матери в российской ментальности / Н. Н. Васягина, Ю. С. Газизова. – М.: ИНФРА-М, 2019. – 181 с.

4. Железнова Ю.В. Лингвокогнитивное и лингвокультурное исследование концепта «семья»: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю.В. Железнова; Удмурт, гос. ун-т. – Ижевск, 2009. – 26 с.

5. Жун Синь, Го Лихун Концепт «мать» в языковой картине мира русского языка (на материале фразеологии)/ Жун Синь, Го Лихун // Власть истории – История власти. – Том 10. – Часть 3. № 53. – 2024 – С.161-168.

6. Лю Бо. Концепт «женщина» в русской языковой картине мира (на фоне китайской): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Бо Лю; Рус. язык. Дальневост, федер. ун-т. – Владивосток, 2010. – 26 с.

7. Маслова В.А. Культурный стереотип и его роль в поведении сквозь призму языка / В.А. Маслова // Вестник Северо-Осетинского гос. ун-та им. К.Л. Хетагурова. – 2008. – Т. 4. – С. 30-37.

8. Марчук У.Б. Особенности функционирования лингвокультурного концепта «Мать» в индоевропейском лингвокультурном пространстве [Электронный ресурс] / У.Б. Марчук. – 2008. – http://www.eprints.zu.edu.ua/2436/lZ213-217.pdf

9. Мошина Е.А. Гендерные и теоморфные признаки мифологемы Земля-мать в русской лингвокультуре / Е.А. Мошина // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2020. – С. 251-257.

10. Нагой Ф. Н. Теоретическое представление о культуре: прошлое и настоящее / Ф. Н. Нагой // Начала Русского мира. – 2023. – № 3. – С. 37-40.

11. Палкин А. Д. Образ матери в языковой картине мира русских и японцев / А.Д. Палкин // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2020. – Т. 18, № 1. – С. 71-83.

12. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб, пособие / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово/Slovo, 2000. – 624 с.

13. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. – М., 1938. – Т. 2. – С. 163.

14. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Москва: Азбуковник, 1997. – 944 с.

15. Чичина М.А. Концепт «Дом» в картине мира русских и латиноамериканцев / М.А. Чичина // Актуальные проблемы современного языкознания / РУДН. – М., 2009. – С. 392-401.

16. Bilyalova A. Phraseological units as a mirror of national mentality / A. Bilyalova, E. Gilyazeva, A. Nurullina // Journal of Research in Applied Linguistics. – 2019. – Vol. 10, No. S. – P. 1-9.

17. Greenberg J. Universals of kinship terminology: their nature and the problem of their explanation / J. Greenberg // On Language: selected writings of J. Greenberg / K. Denning, & S. Kemmer (eds.). – Stanford: Stanford Univ. Press, 1990. – P. 9-32.

18. Lakoff G. Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind / G. Lakoff. – Chicago and London: University of Chicago Press, 1987. – 614 p.

19. Wierzbicka A. Semantics, culture and cognition: universal human concepts in culture-specific configurations / A. Wierzbicka. – New York: Oxford Univ. Press, 1992. – 487 p.

УДК 5.9.5

ТВОРЧЕСТВО А.А. ФЕТА: ТЕМЫ, МОТИВЫ, ОСОБЕННОСТИ СТИЛЯ

Захаров Вячеслав Владиславович
Аспирант,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород, Россия
E-mail: Photostudia@inbox.ru

В статье даётся обзорная характеристика творчества Афанасия Афанасьевича Фета, его творческой манеры, мотивов и тем лирики. Проведен анализ произведений поэта. Описываются основные мотивы стихотворений и сущность поэтического феномена лирики А. А. Фета. Отражены особенности художественного мировидения поэта. Каждый отдельный анализ интерпретируется в свете биографии Афанасия Фета, его поэтического диалога с предшественниками и несчастного романа с Марией Лазич. При анализе стихотворений учитывается, что поэтический язык Афанасия Фета часто использует аспектуальные формы русского глагола в качестве значимого организующего принципа. Аспект как таковой в этой лирике взаимодействует с пересказываемым смыслом, при этом он часто выступает в математически или графически точной форме. Исследование основано на обширном материале, включая документальные источники.

Ключевые слова: поэзия, русский глагол, язык, эмоции, переживания, стихотворение, персонаж.

A.A. FET'S CREATIVE WORK: THEMES, MOTIFS, STYLE PECULIARITIES

Zakharov V. V.

The article gives an overview characteristic of Afanasy Afanasyevich Fet's creativity, his creative manner, motives and themes of lyrics. The poet's works are analysed. The main motives of poems and the essence of the poetic phenomenon of A. A. Fet's lyrics are described. The peculiarities of the poet's artistic worldview are reflected. Each individual analysis is interpreted in the light of Afanasy Fet's biography, his poetic dialogue with his predecessors and his unfortunate affair with Maria Lazich. The analysis of the poems takes into account that Afanasy Fet's poetic language often uses the aspectual forms of the Russian verb as a meaningful organising principle. As such, aspect in this lyric interacts with the meaning being retold, while it often appears in a mathematically or graphically precise form. The study is based on extensive material, including documentary sources.

Keywords: poetry, Russian verb, language, emotions, experiences, poem, character.

*****

Начало XIX века стало золотым веком русской поэзии. В это время в стране появилось множество глубоко талантливых поэтов, творчество которых опиралось на светский литературный язык и ускоряло его развитие. Золотой век был настолько богат, что поэты создавали произведения необычайной силы и красоты и тем самым внесли огромный вклад в русскую литературную традицию. Они также способствовали развитию русского языка как литературного языка с не меньшим

потенциалом, чем французский, немецкий или английский, за плечами которых уже было несколько веков светского литературного развития.

Афанасий Фет стал связующим звеном между Золотым и Серебряным веком русской поэзии, расцвет которого пришелся на последнее десятилетие XIX века и первые десятилетия XX. Преданный собственному поэтическому видению, временами несколько немодно консервативному, временами поразительно новаторскому, Фет не удовлетворял запросы читателей на протяжении значительной части своей карьеры – большей части 1860-х и 1870-х годов. Однако в сборниках, вышедших к концу его жизни, собраны лучшие его работы, стихи, не уступающие тем, которые он создавал в ранней юности.

В первые годы XX века символистское и акмеистическое направления в русской поэзии через своего последнего великого представителя вернулись к Золотому веку. Через таких гигантов этих движений, как Ахматова и Блок, влияние Фета дошло до самых популярных и вдохновенных русских стихов.

Лучшие стихи Фета выражают эмоции, которые универсальны, но слишком специфичны и индивидуальны, чтобы их можно было даже назвать. Однако его случай примечателен тем, что его сопротивление пересказу делает особенно трудным даже классификацию его работ. Это качество на протяжении 170 лет оставляло Фета в числе самых загадочных из великих русских поэтов, и это же качество не давало покоя некоторым читателям даже в самых ранних рецензиях, появившихся еще при его жизни. Если говорить в целом, то правильнее будет сказать, что поэзия Фета часто более эмоционально конкретна, чем это удобно для читателя. Несмотря на конкретность эмоций и переживаний, язык, в котором они воплощаются, может казаться нечетким.

Поэзия Фета часто держит напряжение в глубине произведения, так что читатель чувствует его, но недостаточно хорошо, чтобы понять, контролировать или даже ясно увидеть. Сознание читателя находит удовлетворение и интерес в поверхности произведения, в его видимой форме и смысле, и с радостью вникает в него, увлекаясь очевидным талантом и мастерством Фета. Однако бессознательное сознание читателя с удивлением ощущает внутри произведения некий безошибочный, но в то же время непостижимый аналог самого себя. В то время как сознание просвещается, развивается, работает, бессознательный разум испытывает тревогу, обнаруживая свое зеркальное отражение. Это мутное беспокойство «бессознательного разума» стихотворений находит отклик в подсознании самого читателя и оставляет у него неясное ощущение, присутствие которого часто не поддается осознанию.

То же самое можно сказать в той или иной степени о любой великой поэзии или искусстве, но опыт чтения Фета как-то особенно тревожен, а тревога не поддается анализу или даже уверенности в том, что здесь происходит необычная стимуляция внутреннего «я» читателя. Это заметно не только современному читателю, для которого практически любое прочтение поэзии несет в себе порой анахроничную лексику и мысли о бессознательном. Даже у современников Фета было ощущение, что «внутри» Фета или его творчества есть что-то иное. В одном из стихотворений Тютчева к Фету в качестве источника поэтического дара Фета предлагается сходная структура – надежный или регулярный доступ Фета к чему-то явному, что его современники и читатели ощущали лишь смутно.

Иным достался от природы
Инстинкт пророчески-слепой,
Они им чуют-слышат воды
И в темной глубине земной…

Великой Матерью любимый,
Стократ завидней твой удел –
Не раз под оболочкой зримой
Ты самое ее узрел [9, с. 199].

Увлекшись поэзией в юности, Фет на несколько десятилетий отошел от публичной литературной деятельности, занимаясь землевладением и издаваясь по большей части как переводчик. Позже, вернувшись к поэтическому призванию, он подготовил многотомное собрание своих произведений «Вечерние огни». Фет, чьи произведения как в свое время, так и сейчас высоко ценятся за способность вызывать самые неопределенные, мимолетные, краем глаза уловимые человеческие эмоции, в конце жизни не пожалел сил, чтобы придать определенную форму собственному творчеству.

Отношение Фета к поэзии на протяжении всей жизни, сама его поэзия в разные периоды и в разных формах – все это имеет в своей основе необычайно ощутимую странность, эти противоположные силы, которые определяют друг друга в той же мере, в какой и противостоят. Два принципа, которые обнаружены в этом ядре странности, могут иметь любое количество выражений. Можно воспользоваться выражением «неясный свет». Этот неясный свет имеет в поэзии Фета бесчисленное множество выражений, не ограничиваясь теми, которые назвал Лотман: эфемерный и вечный, ограниченный в пространстве и вездесущий, и др.

Перечисленные выше парные понятия, выражающие сильное напряжение в творчестве Фета, можно назвать полярностями.

Полярность – это две противоположные силы, являющиеся двумя аспектами одной и той же силы. Ни один из аспектов не может существовать без другого, поэтому, хотя они и являются противоположностями, их существование зависит друг от друга.

Мы имеем два полюса русского глагольного аспекта, и имеет смысл начать со стихотворения, которое довольно четко их разделяет, со стихотворения, структура которого довольно проста, и в котором два аспекта русского глагола расположены наглядно на фоне чистого разрыва. Обратимся к стихотворению «Сны и тени», датированному 1859 годом, впервые опубликованному в первом издании «Вечерних огней».

Сны и тени,
Сновиденья,
В сумрак трепетно манящие,
Все ступени
Усыпленья
Легким роем преходящие,
Не мешайте
Мне спускаться
К переходу сокровенному,
Дайте, дайте
Мне умчаться
С вами к свету отдаленному.
Только минем
Сумрак свода,–
Тени станем мы прозрачные
И покинем
Там у входа
Покрывала наши мрачные [11, с. 192].

Для наглядности рассмотрим стихотворение вкратце. Оно четко делится на трети. Первые шесть строк, первая треть стихотворения, – это обращение к снам и теням. Просьба о том, чтобы эти сны и тени позволили говорящему перейти в далекий мир, заполняет строки 7-12, следующую треть. В последней трети описывается последовательность действий, которые необходимо предпринять для завершения перехода в другой мир. В целом стихотворение представляет собой просьбу о том, чтобы эти сны и тени, манящие говорящего в сумерки, в место относительной

темноты, позволили ему продолжить с ними путь через это состояние в далекий мир. Тени зовут говорящего во тьму, но он просит продолжить с ними путь «к свету отдаленному» (в мир далекий), что также можно прочесть как далекий свет. Темнота зовет говорящего во тьму, и он просит продолжить путь сквозь тьму к свету. Тогда они станут тенями прозрачными и снимут свои темные покровы.

Призыв, просьба о путешествии и предполагаемое путешествие составляют три очевидных раздела стихотворения. Путники (говорящий и вызываемые им тени и сны) сливаются со средой, в которой они находятся. Когда они находятся в сумерках, они темны; когда они попадают в мир света, они снимают свои темные покровы и становятся прозрачными, пропуская сквозь себя свет. По сути, говорящий желает одновременного превращения себя и своего окружения в беспрепятственный свет. Теперь, когда мы смотрим на это с другой стороны, стихотворение становится немного интереснее. В этой простой трехчастной структуре мы обнаруживаем общую озабоченность превращением из существ тьмы в существа света, или, если быть более точным, из существ тени (заслоняющих свет) в существ прозрачности (пропускающих свет).

Помимо трех частей, на которые делится стихотворение, есть еще один разрыв – между строками «Мне спускаться» и «К переходу сокровенному». Все глаголы и причастия до этих строк – несовершенного вида (манящие, преходящие, мешайте, спускаться), а все последующие – совершенного (дайте, умчаться, минем, станем, покинем).

Как это наблюдение обогащает наше понимание стихотворения? Текст разрывается примерно пополам, и этот разрыв соответствует упоминанию о переходе. Имперфективная половина стихотворения соответствует темному, теневому существованию, а перфективная – миру света. Тень – это не просто темнота, а несовершенное прохождение света – свет беспрепятственно проходит вокруг объекта, но в определенной области блокируется. В результате получается несовершенный приход света, который мы называем тенью. Устранение того, что блокирует свет, – покрытия или просто качества непрозрачности – уничтожает тень, обеспечивая более совершенное прохождение света.

Расположение аспектуальных форм не только соответствует оппозиции, видимой в прозаическом пересказе текста, но и описывает эту оппозицию. Тень – это несовершенный, прерывистый свет, а прозрачность – это совершенство, уже не просто участие в центральном свете, а почти тождество с ним. Простое расположение аспектуальных форм в двух разделах – имперфективы здесь, перфективы там – не просто абстрактное деление, придающее стихотворению некоторую опору. Это побуждает читателя вдуматься в привычные поэтические понятия тьмы и света – вместо того чтобы способствовать дальнейшему абстрагированию, оно делает эти понятия более конкретными, более физическими. В таком конкретном прочтении темная гладь ночного неба сама становится «мрачным покрывалом», пропускающим свет лишь в очень малой степени. Когда тени проходят сквозь этот покров, они могут сбросить свой собственный покров и стать «прозрачными тенями».

Даже без учета аспектуальной организации очевидно, что стихотворение посвящено смерти. Тени и сны-видения, вызывающие у говорящего определенный уровень сна, уводят его из мира бодрствования в мир света. Сон становится сумерками, которые предшествуют темному состоянию между привычным дневным миром и далеким светом. Таким образом, казалось бы, абстрактная, литературная характеристика глагольного аспекта делает осязаемым и такое редкое явление, как поэтические размышления о смерти. Покрывала, которые надеты сейчас – пропускают лишь немного света, как небосвод пропускает лишь точечный свет, который мы знаем как звезды. Прохождение сквозь эти покровы или их снятие способствует совершенному познанию света. Несколько более глубокая организация аспектуальной формы стихотворения делает все это более конкретным. Тьма и свет перестают быть метафорами и теперь действительно

представляют собой земную жизнь и ожидаемое после нее более совершенное существование.

Рассмотренный выше текст не является особо новым материалом по своему перефразируемому содержанию. Но аспектные формы упорядочивают и структурируют этот материал так, что делают его вновь конкретным, а не бесконечно обобщенным и абстрактным, почти лишенным смысла в известном нам мире. Эта конкретизация позволяет читателю по-новому ощутить привычные категории поэтического света и тьмы.

На первый взгляд, стихотворение посвящено избитой теме метафизического, религиозного или посмертного возрождения. Однако благодаря своей необычной структуре оно вызывает такое изменение отношения читателя к этим темам. Застывшая, непрозрачная оболочка тени становится прозрачной, и истинное содержание вновь становится видимым. Уходит дегенеративное, несовершенное познание через поэзию переходов в иной мир. На смену ему приходит более совершенное, обновленное знание о реальном опыте размышления о другом мире. Стихотворение обновляет причастность читателя к поэзии так же, как причастность говорящего к свету становится более совершенной.

Стихотворение объединяет эти обновления – легкость духа в мире ином и свежесть восприятия поэзии здесь. Между этими двумя трансформациями опыта есть сходство. В проектируемом путешествии говорящего с тенями его обновление достигается тем, что он проходит весь путь через тьму и оказывается в царстве прозрачности и света. Аналогичным образом происходит и обновление читателя в метафорах тьмы и света, этого и другого мира. Очевидная трехчастная структура стихотворения кажется искусственной и уместной для переплетения тем тьмы и света. Чистый переход от имперфективных глагольных форм к перфективным, по-видимому, еще более возвышает стихотворение. В итоге, однако, аспектные формы предлагают пересмотреть вопрос о свете и тени с точки зрения совершенного и несовершенного прохождения света. Мир непосредственного отношения к искусству аналогичен миру света за небесным сводом.

В заключение скажу, что поэма также посвящена чувству вины выжившего, которое Фет начинает испытывать спустя десять лет после смерти Лазич. Она – сон и тень, и для него она одновременно и препятствие, и спутница. Чувство вины держит его взаперти в одной из форм существования, но он желает отправиться с ее видениями в другой мир.

Спустя десятилетия после создания стихотворения «Сны и тени» можно увидеть потрясающее развитие и поворот основного текста на тему неба в стихотворении «Одна звезда меж всеми дышит» (1882 г.):

Одна звезда меж всеми дышит
И так дрожит,
Она лучом алмазным пышет
И говорит:

Не суждено с тобой нам дружно
Носить оков,
Не ищем мы и нам не нужно
Ни клятв, ни слов.

Не нам восторги и печали,
Любовь моя!
Но мы во взорах разгадали,
Кто ты, кто я.

Чем мы горим, светить готово
Во тьме ночей;
И счастья ищем мы земного
Не у людей [10, с. 42].

Особенность этого стихотворения в том, что, хотя в нем и представлены два явно самостоятельных персонажа, характер одного из них неясен. В первой строфе появляется закадровый голос, который вводит речь звезды, заполняющую всю остальную часть стихотворения. Кажется, что звезда обращается к говорящему за кадром, но даже если это так, неясно, является ли он другой звездой, человеком, или даже к какому полу принадлежит говорящий. Взаимоотношения настолько абстрактны, насколько это вообще можно себе представить. Однако даже в абстрактном виде в этих отношениях присутствует эмоционально значимое синтаксическое напряжение.

Рассмотрим строфы со второй по четвертую, в которых якобы говорит звезда. В них семь раз встречается местоимение «мы». На протяжении двух полных строф синтаксис и окружающие слова однозначно указывают на то, что «мы» – это «мы с тобой» – звезда и адресат. Сначала открыто говорится «с тобой», затем «нам», потом следует обращение «любовь моя». Предложение «Но мы во взорах разгадали / Кто ты, кто я» подтверждает, что «мы» – это ты и я.

Последняя строфа разрушает эту уверенность: «Чем мы горим, светить готово / Во тьме ночей» – двусмысленно, относясь либо к любви между звездой и ее адресатом, либо к буквальному горению звезд в ночи [6, с. 180]. Заключительная пара строк «И счастья ищем мы земного / Не у людей» поначалу кажется относящейся только к местоимению «мы», но она напоминает о более ранних строках «Не ищем мы и нам не нужно / Ни клятв, ни слов», которые были вполне на стороне – «Ты и я». Напоминая о прежнем союзе, эта строка утверждает необходимость их разлуки.

Две пары строк, рассмотренные выше, различаются еще одним образом:

Не ищем мы и нам не нужно
Ни клятв, ни слов.
И счастья ищем мы земного
Не у людей

В первом предложении отрицается сам глагол «Не ищем...», во втором звезда отрицает предложное словосочетание, обозначающее место для поиска счастья «Не у людей». Если звезды ищут земного счастья, но не с людьми, то где же они его ищут? Эта странность последних строк позволяет предположить, что персонаж, названный звездой, на самом деле человек, и именно восприятие расстояния до него говорящим за кадром выдает его речь за речь небесного тела.

В связи с этим можно понимать строку «Не у людей» как «Не у слуг». При таком прочтении в стихотворении нет буквальных звезд – только женщина, с которой оратор чувствует связь, но которая принадлежит к гораздо более высокому социальному кругу. В заключительной строфе возникает ощущение, что высшая социальная группа наиболее активна в своей хорошо освещенной деятельности в ночное время.

Вначале речь женщины-звезды сосредоточена на том, почему их любовь не обязательно должна быть реализована в союзе. В рамках этих объяснений оба человека оказываются синтаксически связанными друг с другом, хотя звезда объясняет, что быть связанными друг с другом – не для них. Когда же в последних двух строках они окончательно синтаксически разделены, местоимение «мы» исключает говорящего за кадром и включает целый класс существ, на общество которых говорящий за кадром не может претендовать.

Говоря о разделении, можно отметить, что отглагольные формы имеют на удивление бесприставочный вид: дышит, дрожит, пышет, говорит, суждено, носить, ищем, горим, светить, ищем.

Из всех этих глагольных форм все, кроме одной, являются максимально простыми – без каких-либо приставок или окончаний. Выделяется глагол «разгадали», который обычно не несет в себе ощущения конкретного пространственного разделения. Ожегов дает глаголу «разгадали» следующие дефиниции:

1. что. Найти правильный ответ на загадку, загаданное.

2. кого-что. Понять смысл, уяснить характер кого-чего-н [7, с. 165].

Оба эти смысла, не являясь конкретно пространственными, вполне применимы здесь. Кроме того, префикс раз- здесь репространственен; по контексту понятно, что звезда наталкивает на мысль, что «ты» и «я» – это не «мы», а отдельные люди.

Один речевой аспект на фоне другого может иметь удивительное структурное значение. Здесь две перфектные формы – «суждено» единственное причастие и «разгадали» единственное слово с приставкой – связаны как по смыслу, так и по аспекту: разлука, для определения которой необходимо единство зрительного контакта, – это то, что суждено. Как употребление местоимения «мы» сближает звезду и ее покинутого возлюбленного, чтобы в то же время разлучить их, так и перфектные формы, взятые сами по себе, достаточно ясно показывают, что достигается в этой речи [4, с. 7].

Если же сосредоточить внимание на социальной ситуации между говорящим за кадром человеком и его призрачной любовью, то строка «Кто ты, кто я» становится ее последним словом о невозможности их союза. Слова «ты» и «я» обладают сильным речевым ударением, и поэтому строка, состоящая только из местоимений, вполне ясно показывает их близкое знакомство друг с другом. Подтверждая этот беспространственный союз, звезда одновременно и отрицает его, говоря своей любви: «Кто ты, и кто я», что в данном контексте можно перефразировать так: «Конечно, я люблю тебя... но ты должен знать свое место».

Мастерски сочиненное стихотворение «Одна звезда среди всех дышит» содержит множество синтаксических и речевых указателей на ситуацию разлученных влюбленных. Социальные роли узнаваемы лишь по «оговорке» звезды, но структура их разделения присутствует на протяжении всего стихотворения. Стихотворение абстрагирует суть множества физически разлученных пар и распространяет по всему тексту эту структуру совместности и разделенности. В результате получилось необычайно плотное, но легкое стихотворение – плотное по структуре и эмоциональному содержанию, легкое по ритму и тону – ощущение легкости обусловлено прежде всего удивительной сдержанностью говорящего и его умением убрать любую личную информацию, оставив при этом прекрасно видимой суть их любви.

Здесь единственная приставка в одной из двух связанных перфектных форм напоминает нам о разделении двух лиц, определяющих друг друга, что имеет место в случае имперфективных и перфективных форм. В стихотворении есть двое влюбленных, два аспекта, и каждая пара состоит не из противоположностей, а из противопоставлений, определяющих и поддерживающих друг друга. Эту замечательную миниатюру мы можем воспринимать двояко. Сама по себе она представляет собой сознание покинутого возлюбленного и его представление о женщине, которая его отвергла. Однако небольшое знакомство с биографией Фета превращает это стихотворение в лирику Лазич. Строки «Чем мы горим, светить готово / Во тьме ночей» напоминают об огненной смерти Лазич. В таком случае стихотворение представляет собой переосмысление их отношений, где Фет – брошенный, а Лазич – пылкая, но холодная и невозможно далекая возлюбленная. Биографическая вина маскируется инверсией всей ситуации – женщина-звезда становится такой холодной и отстраненной по собственному выбору, продиктованному социальной ситуацией, а покинутый кадр-говорящий вообще не несет никакой ответственности. Стихотворение – хорошо подобранная маска для чувства ответственности и вины Фета за свои поступки – теперь уже более чем тридцатилетней давности – которые привели к смертельному пожару и к отстраненности и холодности Лазич в смерти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдейчик, Л. Л. Рецепция лирики А. Фета в творчестве Вл. Соловьева / Л. Л. Авдейчик // Синтез традиций и новаторства в литературе, языке и культуре

(«Фетовские чтения») : Материалы Международной научной конференции, Курск, 28–29 июня 2019 года / Под редакцией Е.М. Криволаповой. – Курск: Курский государственный университет, 2020. – С. 6-14.

2. Гончарова, В. К. Пространственные характеристики мира в языке поэзии А. Фета : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Гончарова Виктория Константиновна. – Курск, 2012. – 22 с.

3. Давыдова, Т. А. Фет и музыка / Т. Давыдова // Высшее образование в России. – 2003. – № 3. – С. 152-158.

4. Князева Н.А. Специфика интегрирования поэзии А.А. Фета в камерно-вокальном жанре русских композиторов / Н.А. Князева // Научное знание современности. – 2021. – № 12 (60). – С. 5-12

5. Лукинова, А. Р. Мотивно-тематический аспект эволюции лирики А. А. Фета (образ звезды) : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Лукинова Алла Рейнольдовна. – Санкт-Петербург, 2013. – 234 с.

6. Лукинова, А. Р. Природа как литературный герой (К. Г. Паустовский и А. А. Фет) / А. Р. Лукинова // Пушкинские чтения-2016. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст : материалы XXI международной научной конференции, Санкт-Петербург, 06–07 июня 2016 года. – Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2016. – С. 175-183.

7. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – Москва: Азъ, 1992. – 463 с.

8. Соловьев, В. С. О лирической поэзии. По поводу последних стихотворений Фета и Полонского / В. С. Соловьев // А.А. Фет: pro et contra, антология / Сост., вступ. статья, коммент. Т.А. Кошемчук. – 2-е издание, исправленное и дополненное. – Санкт-Петербург : Русская христианская гуманитарная академия, 2022. – С. 407-426.

9. Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений / Ф.И. Тютчев. – Санкт-Петербург: Маркс, 1911. – 468 с.

10. Фет А. А. Шепот, робкое дыханье… / А. А. Фет. – Москва : «Э», 2016. – 69 с.

11. Фет А.А. Полное собрание стихотворений / А.А. Фет. – Ленинград: Советский писатель, 1959. – 897 с.

12. Фет А.А. Поэт и мыслитель : К 175-летию со дня рождения А. А. Фета : Сб. науч. тр. / РАН. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького, Акад. Финляндии. –Москва : Наследие, 1999. – 308 с.

УДК 811.161.1'282.2

К ВОПРОСУ ОБ ЭТИМОЛОГИИ СЛОВА «*ОБЛЫЙ*» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И НЕКОТОРЫХ РУССКИХ ГОВОРАХ

Серегина Елена Евгеньевна
Доцент кафедры славянской филологии,
кандидат филологических наук, доцент,
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
г. Москва, Россия
E-mail:anel1974@bk.ru
SPIN-код: 5892-1652

Статья посвящена этимологии древнерусского прилагательного «*облый*» в исходном его значении – «круглый». Автор анализирует различные версии происхождения и значения архаичного корня указанного слова. Согласно сведениям, содержащимся в этимологических словарях русского языка, ключ к пониманию семантики слов с корнем «*обьл-*» дают исследования памятников древнерусской письменности. При этом особый научный интерес вызывают значения слова «*облый* (*воблый*)» в отдельных русских говорах. Ареал распространения данного прилагательного в русских диалектах достаточно широк. Что касается содержательного аспекта, то весьма показательными являются нетривиальные значения этого слова, контрастирующие с исходной семантикой корня: «*воблый*» в смысле «худой, тощий» в орловских говорах; а также «слабый здоровьем, хилый» – в псковских говорах. В статье обосновывается авторская точка зрения на эволюцию семантического наполнения данной языковой единицы.

Ключевые слова: лексическое значение; этимология; русская диалектная лексика; история русского языка; славянские языки.

THE ETYMOLOGY OF THE WORD "*ОБЛЫЙ*" ("OBLY") IN THE RUSSIAN LANGUAGE AND IN THE MODERN DIALECTS

Seregina E. E.

The author of the article focuses on the etymology of the adjective *obly* with its original meaning 'round'. This article considers different versions of the origin and meaning of the ancient word root. The semantic shades of meaning of the word root *obl-* are being examined through the artifacts of the Old Russian manuscripts and according to the materials of the historical dictionaries of the Russian language. The emphasis is in the shades of meaning of the word *obly (vobly)* in the Russian subdialects. The geographic footprint of the adjective *obly* in the subdialects are rather extended. The attention is placed on the uncommon meanings of the word, those stand in contrast to the initial meaning of the word root *vobly* 'thin, skinny' in Orlov region subdialect, 'sickly, weakly' in Pskov region subdialect. There is the author's point of view on the development of the word meaning.

Keywords: lexical meaning; etymology; Russian dialect lexis; the history of the Russian language; Slavic languages.

*****

Прилагательное «*облый*» (исходное значение слова – «круглый») в настоящее время находится на периферии русского литературного языка. В толковых словарях Д. Н. Ушакова, С. И. Ожегова, А. П. Евгеньевой, Т. Ф. Ефремовой оно не отражено. Исключениями являются толково-исторические словари русского языка – например,

Словарь современного русского литературного языка 1950–1965 гг. (гл. ред. В. И. Чернышев и др.), Большой академический словарь русского языка 2004–2021 гг. (ред. К. С. Горбачевич, А. С. Герд). Данные лексикографические издания, как известно, во многом ориентированы на тексты русской классической литературы, поэтому в состав словарей включена также часть лексем пассивного словарного запаса, в том числе устаревшая и территориально ограниченная лексика. Приведем пример словарной статьи: «**О́блый**, ая, ое. *Устар*. и *обл*. Круглый, толстый. *Облое бревно*. || Полный, тучный. *Это был человек весьма обширный, или, говоря старинным словом, уцелевшим в наших краях, облый, с большим лицом, с большими глазами и губами*. Тург. Два прият.» [1, с. 228].

Несмотря на ограниченный характер использования прилагательного «*облый*» как самостоятельной единицы, современному читателю данное слово известно – в частности, по эпиграфу к известному произведению А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву»: «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй». В настоящее время это выражение приобрело черты прецедентной фразы, востребованной в различных видах дискурса и ряде областей знаний. Приведем лишь некоторые наиболее яркие примеры ее использования в научных, научно-популярных и художественных произведениях:

– Суздальцева В. Н. «"Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй" (образ представителя власти в современных СМИ)» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. – 2008. – № 6;

– Яблоков А. В. «"Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй…": Рассказ эколога об атомной индустрии». – Иркутск: «Байкальская Экологическая Волна», 2009. – 132 с.: ил. (*Вероятно, это «чудовище обло и озорно» немало производило сначала сенсации у скромных приднепровских обывателей* (Огарков В. В. Воронцовы. Их жизнь и общественная деятельность).

Не обошли вниманием исследуемое слово и современные поэты: …*и чей-то поезд поперек реки сквозь облый мрак летит по просеке* (Юрьев, О. А. Ода ночи); *Где холм был обл, там шпиль стал длинн* (Юрьев, О. А. Три раза о грозе) [2]; *Обло облако; тучно, улетучно* (Коваль, В. С. Наставки и умудрения) [3, с. 117].

Из представленных выше фрагментов очевидно, что авторы стихотворений целенаправленно предпочитают экспериментировать с архаичной и современной лексикой. При этом прилагательное «*облый*» используется как в полной, так и в краткой формах, сохраняя свое исходное значение «круглый».

Примечательно, что история данного слова привлекла внимание авторов-составителей заданий заключительного этапа Всероссийской олимпиады школьников по русскому языку в 2022–2023 гг. В частности, слово с корнем «*обл-*» в составе древнерусского текста послужило базой для задания по этимологии [4].

Этимологии указанной языковой единицы в русском языке, а также вариантам его значений в русских говорах посвящена настоящая статья.

Этимология слова «*облый*»: современные реконструкции и история вопроса

По своему происхождению прилагательное «*облый*» в праславянском языке является префиксальным образованием *obьlъ(jь) < *ob-vьlъ(jь). Древнее значение корня восходит к мыслеобразу, описывающему нечто округлое по форме, шарообразное. Чередованием гласных корень «*vьl-» связан со словами «*valiti», «*valъ» (ср. в лит. apvalùs – «круглый»). В ряду фонетических процессов следует отметить упрощение в сочетании согласных *bv > *b и развитие в ряде славянских языков протетического согласного (ст.-чеш. *ženě Vobléhо* (имя собственное), в.-луж. *wobli* – «округлый, возвышенный, неровный» [5, с. 124]).

В современном русском языке ихтионим «*вобла*» восходит к субстантивированному древнерусскому прилагательному «*обьла*», т. е. название дано по округлой форме рыбы [6, с. 20–21].

Происхождение древнерусских слов «*обель*» (нареч.) – «полностью, целиком (о полном закрепощении)» и «*обель*» (также «*обиль*») (сущ.) – «тот, кто состоит в бессрочном холопстве» О. Н. Трубачев связывает с исследуемым древним

образованием «*ob-vьlъ(jь)». Данные слова встречаются в тексте «Русской правды» [5, С. 124]. Таким образом, уже в древности значение понятий «*круглый*» – «имеющий форму круга» и «*целый*» – «полностью сомкнутый» сближаются.

В этимологических исследованиях XIX века высказывалось предположение, что «настоящей староцерковной и праславянской формой» прилагательного «*облый*» является словоформа «*обьлъ*», в которой, соответственно, не восстанавливается согласный «*v» [7, с. 113]. Н. В. Горяев, реконструируя древнее слово, пытался вывести значение «*обелъ*», «*обельный*» – «круглый» – из значения предлога «*об-*» по аналогии с *подлый* < *под-* («низ»), правда, оставив вопрос об эволюции данной лексемы открытым [8, с. 233]. А. Г. Преображенский считал, что такое предположение не лишено основания, так как «*объ*, *обь* первонач. значить *около*, *кругомъ*, *съ двухъ сторонъ*; т. обр., *обьльный* собств. *круглый* (ср. «круглый сирота»)» [9, с. 626]. В дальнейшем эта гипотеза не получила развития и поэтому не отражена в современных этимологических словарях. Еще раз обратим внимание на тот факт, что в трактовке О. Н. Трубачева древнерусское «*обель*» – «закрепощенный» – сближается с прилагательным «*obvьlъ(jь)» – «круглый», но не с предлогом «*ob».

Слово «*обьлъ*» и его производные в исторических словарях русского языка

В древнерусских литературных памятниках слова с корнем «*обьл-*» встречаются в работах различных жанров. Как было сказано выше, в «Русской правде» наречие «*обьль* (*обель*)» и прилагательное «*обьльныи*» используются в специальном значении, когда речь идет о полном закрепощении человека: [о]же закоупъ бѣжить ѿ г(с)ды. то ѡбѣль [10, С. 563]: *Если закуп* (*тот, кто отрабатывает ссуду*) *бежит от господина, то становится полностью закрепощенным*. В Словаре русского языка XI–XVII вв. для прилагательного «*облыи* (*обьлыи*, *воблыи*)», помимо значений «круглый», «толстый», «круглый, нерасколотый (о дереве)», также отмечается значение «непластаный (о рыбе)» (вероятно, имеется в виду цельная тушка рыбы [11, с. 90]). Этот пример еще раз демонстрирует сближение понятий «*круглый*» и «*целый*», о чем было упомянуто выше.

Лексические единицы «*обло*» – «шар» (сущ.), «*обло*» и «*облѫ*» (нареч.) – «шарообразно», «*обловидный*» (прил.) – «шарообразный» отмечаются в памятниках церковной литературы, таких как «Житие Андрея Юродивого» (Великие Минеи Четии), «Богословие святого Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна экзарха Болгарского» и др. Слова «*облякъ*» (сущ.), «*облячий*» и «*облячный*» (прилаг.) авторы-составители Словаря русского языка XI–XVII вв. не раскрыли исчерпывающим образом. В качестве возможных значений были предложены следующие: «шкурка округлой формы» (сущ.) и «сделанный из шкурок округлой формы» (прилаг. «*облячный*») [11, с. 69, 82, 83, 90].

Итак, слово «*облый*», по данным исторических словарей, являлось востребованным в основном в памятниках литературы церковнославянского языка, но также использовалось и в живой речи восточных славян, о чем свидетельствуют письменные документы делового характера той поры, а также свод юридических норм Древней Руси. Связь слова с церковнославянской традицией и одновременно использование данной лексемы в разговорном языке восточных славян обусловили его трансфер в современный русский литературный язык в качестве языковой единицы архаичного типа, а также элемента некоторых говоров.

В русских говорах слово «*облый*» значительно расширило свое значение, при этом смысловые сдвиги обусловили развитие внутри данной лексической единицы противоположной семантики. Диалектные слова с корнем «*обл-*/*вобл-*» можно разделить на две лексико-тематические группы:

1. Человек: его физические параметры и оценочная характеристика.
2. Характеристика предметов быта; мера».

Значение слова «*облый*» («*воблый*») в русских говорах: характеристика человека

По данным Словаря русских народных говоров, прилагательное «*облый*» достаточно широко используется для характеристики полного, плотного, толстого человека (Курск., Орл., Дон., Арх., Краснояр.): *Тучный да толстый мужик óблым у нас называется* [12, т. 22, с. 114]. Некоторые диалектные словари отмечают и более редкие значения. Так, в псковских говорах для прилагательного «*облый*» фиксируется значение «слабый здоровьем, хилый» [13, т. 22, с. 223]; в орловских говорах одним из значений слова «*воблый*» является «худой, тощий» [14, с. 60]. Актуализация значения «худой» в отношении указанного слова объясняется влиянием существительного «*вóбла*», которое фиксируется в академическом издании «Словарь орловских говоров» [15, с. 21]. Оно используется в специальном значении – «кора дерева без сердцевины с остатками древесины по окружности»: *Вобла – кара, часть дерива в акружности, а сирётка сапрела* [14, с. 60]. Таким образом, значение «пустой внутри» переосмыслилось в народном сознании как «худой» в отношении человека. Эта точка зрения приводится и в Русском этимологическом словаре А. Е. Аникина [6, с. 21–22]. Вместе с тем остается без ответа следующий вопрос: почему в псковских говорах прилагательное «*облый*» развило подобное значение, тогда как специального наименования для пустой (без сердцевины) коры дерева в Псковском областном словаре не фиксируется? К тому же слово «*вобла*» («кора дерева») представляет собой узколокальную единицу, согласно Словарю орловских говоров она зафиксирована только в с. Среднее Верховского района Орловской области.

Думается, что есть и другие возможности для решения вопроса о происхождении значений «худой», «хилый» в отношении слова «*облый*». Семантический сдвиг от «круглый, толстый» к «худой» мог произойти под влиянием образных компаративных конструкций типа «*худой (-ая) как вобла*», «*тощий (-ая) как вобла*» и т.д. Они характеризуют внешний вид человека или его физическое состояние и употребляются в разговорной речи или просторечных оборотах. Приведем лишь некоторые примеры из Национального корпуса русского языка: «*Худой как вобла, с длинными птичьими ногтями и глубоко посаженными глазами – казалось, на этого человека можно было смотреть лишь в профиль*» [Андреева Ю.И. Многоточие сборки (2009)]; «*Работал он с ассистенткой, напомнившей Серпухину пересушенную костлявую воблу*» [Дежнев Н. Принцип неопределенности (2009)]; «…*Аршинная и тощая, как вобла, девица с накачанными силиконом губами за соседним столиком примеряла огромные квадратные очки в искрящейся стекляшками оправе…*» [Самсонов С. А. Аномалия Камлаева (2006–2007)].

В Новом словаре русского языка Т. Ф. Ефремовой слово «*вобла*» отмечается как существительное м. р. и ж. р.: 1. Очень исхудавший человек. 2. *перен*. Бесчувственный, холодный, лишенный душевной теплоты человек [16, с. 192]. В таких значениях слово известно в разговорной речи. В связи с этим обратим внимание, что в Псковском областном словаре зафиксировано существительное «*вóблина*», которое используется в сравнительной конструкции для характеристики человека; при этом в контексте, иллюстрирующем значение слова, подчеркивается неодобрительная характеристика лиц женского пола по месту их проживания – «городские дамочки»: «*В гóроде фсе дáмочки вы́сохшы, как вóблины*» [13, т. 4, с. 67].

Также необходимо отметить, что для русских говоров в целом характерно развитие внутрисловных антонимичных значений, например, «*верх*» – «возвышенность» и «овраг». Таким образом, развитие качественно противоположных значений для слова «*облый*» могло быть основано и на усилении интенсивности признака, но по разным смысловым векторам: «круглый» – «не имеющий форму круга» > «толстый» – «худой». И последнее. В псковских говорах прилагательное «*облый*» вообще не используется в значении «толстый». Помимо значения «слабый здоровьем, хилый», оно характеризует человека, отличающегося умеренной полнотой: «*А Вáська óблый был – не пóлный, не худóй, срéнний, не сухашшя́вый*» [13, т. 22, с. 223].

В целом, следует отметить, что для части русских говоров слово «*облый*» («*воблый*») как характеристика внешнего вида человека оказывается негативно окрашенным:

1. Словарь русских донских говоров: **О́блый** [**во́блый**] – балованный (о детях): *Ну, такой облый дитё, так и смотри* [17, с. 192].

2. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: **О́блый** (экспр.) – бранно: *Ах ты, псовка, о́блая* [18, с. 90].

3. Словарь орловских говоров: **Во́блый**. – неодобр. малоподвижный, ленивый: *Усе бака на конику пралижал – вот воблай* [14, с. 60].

Рассмотрим на некоторых примерах, приведенных выше, каким образом мог произойти семантический сдвиг слова «*облый*» к обозначению тех или иных негативных качеств человека. В Словаре русских донских говоров прилагательное «*облый*» трактуется как «сытый, полный» и как «балованный». На основе первого значения мог произойти смысловой поворот к оценке поведения ребенка, предрасположенного к шалостям: «сытый» > «пресыщенный пищей» > «пресыщенный лаской, вниманием», т. е. балованный. Более очевидна связь между значениями «*облый*» – как «малоподвижный, ленивый» и «толстый». Следует обратить внимание, что не только в русских говорах, но и в других славянских языках также отмечаются переносные значения для прилагательного «*облый*», например в нижнелужицком: «hobli» – «неловкий, неуклюжий, деревенский, грубоватый».

Значение слова «*облый*» в русских говорах: характеристика предметов быта; мера

В российских областных словарях прилагательное «*облый*» используется в качестве характеристики предметов быта; в устойчивых выражениях, связанных с хозяйственными расчетами, или функционирует как специальный термин. Ниже приведены случаи упоминания слова в лексикографических изданиях с указанием возможного пути эволюции того или иного значений данной языковой единицы:

1. Словарь русских народных говоров: ***О́блое*** *дерево*, ***о́блые*** *дрова* – нераспиленные, нерасколотые дрова [12, т. 22, с. 114]. Значение слова в составе данного выражения связано с формой круга в поперечном сечении.

2. Словарь русских народных говоров: ***О́блой*** *мерой* – о мере срубленного, но нераспиленного леса, неколотых дров [там же]. Значение нераспиленного дерева (т. е. круглого по сечению) распространилось на единицу измерения данного материала.

3. Словарь русских народных говоров: ***О́блое*** *изваяние* – рельефное, выпуклое изображение [там же]. Значение, связанное с округлой формой, обусловило появление трактовки слова как «объемный», «скульптурный», т. е. такой, который выступает за пределы чего-либо.

4. Словарь русских говоров Забайкалья: ***О́блый*** – клейменный; с приметой: *Соседа моего так изуродовало, что мать родная не узнает, а я познал потому, что он облый был, на шее рубец* [19, с. 250]. Овальное по форме клеймо в народном сознании стало восприниматься как «особая примета» вне связи с признаком округлости.

5. Словарь русских народных говоров: ***Вобло́*** (нареч.) – все вместе, заодно, гуртом [12, т. 4, с. 326]. Семантическое переосмысление в данном случае отталкивалось от идеи чего-либо круглого к значению «замкнутого», т. е. целого без разделения на части, и далее – к понятию «сообща».

Таким образом, прилагательное «*облый*», являясь древнейшим праславянским лексическим образованием в русском литературном языке, вышло из активного словарного запаса, но полного забвения указанного слова при этом не произошло. Литературные круги и научное сообщество России, по-прежнему используют данную языковую единицу как средство придания выразительности тексту, а также в исследовательских целях, обеспечивая ее востребованность, а значит, известность в определенной читательской аудитории. В народной речи слово «*облый*»

сохраняет свои позиции: ареал его употребления достаточно широк, а значения отличаются исключительным колоритом и порой особой оригинальностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Словарь современного русского литературного языка: в 16 т. / гл. ред. В.И. Чернышев [и др.]. – Т. 8. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1950. – 1840 стб.

2. Национальный корпус русского языка. – URL: https://ruscorpora.ru (дата обращения: 01.10.2024).

3. Коваль, В.С. Наставки и умудрения // Новый мир. – 2017. – № 6 (1106). – С. 116–121.

4. Всероссийская олимпиада школьников по русскому языку. – URL: https://vos.olimpiada.ru/russ/2022_2023 (дата обращения: 01.10.2024).

5. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под. ред. О. Н. Трубачева; вып. 31; Ин-т рус. яз. – Москва: Наука, 2005. – 258 с.

6. Аникин, А.Е. Русский этимологический словарь. – Вып. 8. – Москва: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН; Ин-т филологии Сибирского отделения РАН, 2014. – 352 с.

7. Брандт, Р.Ф. Дополнительные замечания к разбору этимологического словаря Миклошича. – Варшава: тип. М. Земкевич, 1891. – 216 с.

8. Горяев, Н.В. Сравнительный этимологический словарь русского языка. – Тифлис: Типография. канц. главнонач. гр. ч. на Кавказе, 1896. – 451 с., XL, LXII.

9. Преображенский, А.Г. Этимологический словарь русского языка. – Т. 1. – Москва: Тип. Г. Лисснера и Д. Совко, 1910–1914. – 674 с.

10. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / гл. ред. Р.И. Аванесов, И.С. Улуханов. – Т. V. – Москва: Рус. яз., 2002. – 647 с.

11. Словарь русского языка XI–XVII вв. – Т. 12. / сост. Л.Ю. Астахина [и др.]. – Москва: Наука, 1987. – 381 с.

12. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин. – Москва, Ленинград: Наука, 1969. – Т. 4. – 355 с.; 1987. – Т. 22. – 368 с.

13. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 4. / под ред. С.М. Глускиной, А.И. Корнева, А.И. Лебедева. – Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1979. – 184 с.; Вып. 22 / под ред. Л.А. Ивашко, И.С. Лутовиновой, М.А. Тарасовой. – Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2011. – 541 с.

14. Словарь орловских говоров: учебное пособие / составители Т.В. Бахвалова [и др.]. – Вып. 2. – Ярославль: ЯГПИ имени К.Д. Ушинского, 1989. – 160 с.

15. Меркулова, В.А. Диалектная лексика и этимология / Этимологические исследования. – Вып. 6. – Екатеринбург, 1996. – С. 18–26.

16. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – [2-е изд., стереотип.]. – Москва: Рус. яз., 2001. – Т. 1. – 1232 с.

17. Словарь русских донских говоров / ред. коллегия: В.С. Овчинникова (отв. ред.) [и др.]. – Т. 2. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1976. – 224 с.

18. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А.С. Герд. – Вып. 4. – Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – 688 с.

19. Элиасов, Л.Е. Словарь русских говоров Забайкалья. – Москва: Наука, 1980. – 472 с.

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

УДК 81

ФЕМИНИТИВЫ – ЯЗЫКОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИСПАНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Синявский Андрей Анатольевич
Доцент, кандидат филологических наук,
Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация
E-mail:sinyavsky_a@mail.ru
SPIN-код 7019-1850

В статье анализируется процесс феминизации, который находит свое отражение в различных сферах общественной жизни. Феминизация предполагает увеличение роли и значимости женщин, что предполагает изменения языковых норм для обеспечения равенства полов. В частности, статья рассматривает явление феминитивов – женских форм слов, образованных от мужских, что помогает повысить представительность женщин в языке. Даётся объяснение способов словообразования феминитивов в русском и испанском языках и подчеркивается, что, хотя использование феминитивов способствует гендерному равенству и инклюзивности, оно также вызывает споры среди лингвистов. Приведенные примеры показывают, что процесс феминизации языка происходит неравномерно, с различиями в восприятии и использовании феминитивов в зависимости от контекста и культурных традиций.

Ключевые слова: феминитив, феминизация, стереотип, женщины, словообразование, мужской, женский, равенство, профессии, язык, гендерные неравенства.

FEMINATIVES – LANGUAGE TRENDS IN SPANISH AND RUSSIAN LANGUAGES

Sinyavsky A. A.

The article analyzes the process of feminization that is reflected in various spheres of public life. Feminization implies an increase in the role and significance of women, which suggests changes in language norms to ensure gender equality. In particular, the article examines the phenomenon of feminine forms of words derived from masculine forms that help to enhance the representation of women in the language. It explains the methods of forming feminine forms in the Russian and Spanish languages and emphasizes that, although the use of feminine forms contributes to gender equality and inclusivity, it also sparks debates among linguists. The examples provided demonstrate that the process of feminization in the language occurs unevenly, with variations in the perception and use of feminine forms depending on the context and cultural traditions.

Keywords: feminine form, feminization, stereotype, women, word formation, masculine, feminine, equality, professions, language, gender inequalities.

*****

Феминизация – это процесс, в результате которого в обществе увеличивается роль и значимость женщин, их права и возможности становятся более равными и признанными. Этот процесс может происходить на различных уровнях и в различных сферах общественной жизни. В экономике феминизация может проявляться в увеличении числа женщин на руководящих и высокооплачиваемых позициях, в создании равных возможностей для трудоустройства и карьерного роста как для мужчин, так и для женщин. Расширение прав женщин на рынке труда способствует уменьшению гендерных неравенств и увеличению общего благосостояния общества. В политике феминизация может проявляться в увеличении представительства женщин в законодательных и иных органах власти, в принятии решений, учитывающих интересы женщин, в разработке и реализации политик и программ по защите прав женщин. В культуре феминизация может проявляться в повышении ценности и уважения к женскому труду, женским достижениям в искусстве, литературе, науке и других сферах деятельности. Увеличение количества и качества изображений женщин в культуре способствует укреплению женской самооценки и проведению более эффективной политики по борьбе с гендерными стереотипами. Таким образом, феминизация является важным процессом, направленным на создание более равноправного и справедливого общества, в котором женщины имеют равные возможности для самореализации и развития.

Сравнительно с другими видами общественного бытия, литература и литературный язык отличаются особой способностью участвовать в процессах феминизации. [1] Феминизация в лингвистике относится к процессу изменения языковых норм и стереотипов, чтобы отражать равенство полов и увеличить видимость женщин в языке. Этот процесс включает в себя введение женских форм существительных, родительных прилагательных и местоимений, а также изменения в употреблении профессиональных терминов и обращений.

Феминитив – термин относительно новый и, практически, отсутствует во многих толковых словарях. Однако, это явление рассматривалось многими учёными-лингвистами:

«*Существительные со значением лица женского пола, мотивированные существительными мужского рода со значением лица*». [2]

«*Лексический неологизм женского рода, образованный и парный соответствующему существительному мужского рода*». [3]

«*Имена существительные женского рода, образованные от однокоренных существительных мужского рода, парные им*». [4]

«*Acción de dar género femenino a un nombre originariamente masculino o neutro*». [5]

Таким образом, мы можем утверждать, что феминитивы – это слова женского рода, которые обозначают предметы или понятия, обычно относящиеся к мужскому роду.

Согласно В.В. Виноградову, существуют три способа словообразования в русском языке: морфологический, лексико-семантический и морфолого-синтаксический. Для создания феминитивов, то есть женских форм слов, наиболее важным является суффиксальный способ словообразования, или добавление суффиксов к словам. [6]

В русском языке многие феминитивы образованы путем добавления суффиксов *-ниц-, -нич-, -уш-, -иха-, -ица-, -ин(я) / -ын(я), -есс(а), -ш(а), -к(а)* к словам мужского рода. Например, слово «*учитель*» имеет женский эквивалент «*учительница*», слово «*поэт*» – «*поэтесса*», «*повар*» – «*повариха*», «*барин*» – «*барыня*», «*ассистент*» – «*ассистентка*» и т.п.

Однако, тут следует сказать, что, хотя нет препятствий для создания новых женских форм слов, как по стилистическим ограничениям, так и по методам словообразования, в профессиональной терминологии русского языка все еще

преобладают мужские формы для обозначения профессий, так русские слова типа «*докторша*» или «*директорша*» являются разговорными вариантами и часто имеют даже уничижительный подтекст: «*Директорша, инспекторша и все наши гимназические дамы ожили, даже похорошели, точно вдруг увидели цель жизни*» (А.П. Чехов, Человек в футляре).[7]

В испанской лингвистике термин «феминитивы» относится к существительным, которые обозначают женский род и отличаются от мужских исключительно суффиксами или иными средствами, не требующими изменения основы слова. Так, например, слова, которые оканчиваются на *–ista, -atra, -ópata, -e* «меняют» свой род с помощью артикля мужского или женского рода: «*el dentista*» – «*la dentista*»; «*un estudiante*» – «*una estudiante*», «*el homeópata*» – «*la homeópata*».

Как указывает Эулалия Льедо-и-Кунилл, доктор романской филологии из Университета Барселоны, специалист по сексизму и языковым исследованиям, в испанском языке в большинстве случаев женский род профессий, должностей и видов занятости образуется путем присоединения *-a* к корню слова, а мужской род образуется путем присоединения

–o [8].

Если очень кратко, то к основным способам образования феминитивов в испанском языке можно отнести:

Добавление суффиксов *-a, -esa, -ina* и др. к мужскому слову: «*presidente*» – «*presidenta*», «*jefe*» – «*jefa*», «*director*» – «*directora*», «*alcalde*» – «*alcaldesa*».

Замена окончания на *-a*: «*alumno*» – «*alumna*», «*camarero*» – «*camarera*».

Изменение корня слова: «*actor*» – «*actriz*».

В настоящее время женщины составляют важный компонент вооруженных сил большого числа стран на нескольких континентах, однако, ввиду традиционного консерватизма военной области, процесс феминизации языка идёт очень «неохотно». Так, в русском языке все военные звания имеют форму мужского рода, а при обращении часто добавляют слово «*товарищ*», независимо от гендерной принадлежности: «*товарищ лейтенант*», «*товарищ майор*» и т.д. Тут надо отметить, что такие существительные как «*генеральша*», «*командирша*», «*солдатка*» находятся вне данного семантического поля.

«*С такой обувкой много не навоюешь, потому как через три километра ноги эти вояки собьют до кровавых пузырей. Ладно, хоть командир их, младший сержант Осянина, правильно обута. Однако почему подчиненных не учит?*» [9]

«*Ирина Волк полностью опровергает утверждение, что женщинам не место в политике и правоохранительных органах. Жгучая брюнетка покорила «мужскую сферу», добилась в ней больших успехов, став генерал-майором полиции*». [10]

В испанском языке существительные, обозначающие воинские звания, также обычно являются общими с точки зрения пола, независимо от их окончания и различаются лишь при помощи артикля мужского либо женского рода: *el comandante/la comandante; el coronel/la coronel; el general/la general; el sargento/la sargento; el teniente/la teniente*. Иногда перед воинским званием может стоять уточнение – «mujer» когда речь идёт о женщине.

«*1.072 mujeres soldado solicitaron la baja por depresión en el Ejército en cuatro años*». [11]

«*Siete mujeres coroneles realizan el curso de ascenso a general*».

«*Hay también una coronel de la Armada y otra del Ejército del Aire*».

«*Hay dos médicos, dos del Cuerpo Jurídico, una de Intervención, una del Ejército del Aire, y una capitán de navío que podría ser la primera contralmirante*». [12]

«*La teniente fiscal del Supremo rechaza la imputación de Puigdemont en el 'caso Tsunami' por falta de indicios*». [13]

Однако, в последнее время в ряде СМИ появляются такие варианты воинских званий:

«*La tenienta de policía de 24 años .... será promovida en agosto al rango de capitana*». [14]

Существительное «*capitana*» допускается в некоторых странах в значении звания, но чаще используется для обозначения женщины, управляющей судном или спортивной командой.

Феминитивы в экономической и деловой терминологии используются для обозначения женского рода лиц, занимающих определенные должности или занимающихся определенной деятельностью. Они призваны равноправно употребляться вместе с мужскими формами слов, чтобы подчеркнуть равенство мужчин и женщин в бизнесе и экономике. Например, вместо «*начальник*» можно использовать феминитив «*начальница*» для обозначения женщины, занимающей должность начальника. Также можно употреблять слова вроде «*предпринимательница*», «*финансистка*», «*банкирша*», «*ministra*», «*abogada*», «*embajadora*» и т.д.

«*Провальный план на 700 тыс: в деле банкирши Миримской возник новый эпизод*» [15]

«*В Симферополе на скамье подсудимых оказалась бывшая начальница одного из отделов «Крымэнерго»*». [16]

«*Богатейшая предпринимательница России Татьяна Бакальчук изменила название своего Telegram-канала на Татьяну Ким (это ее девичья фамилия)*». [17]

«*Con 34 años de carrera judicial, la ministra Norma Lucía Piña Hernández se convirtió en la primera mujer presidenta de la Suprema Corte de Justicia de la Nación (SCJN) y rompió el techo de cristal en el Poder Judicial*». [18]

«*Mari Carmen Aponte es una distinguida abogada, líder cívica, y la primera mujer puertorriqueña en ser embajadora*». [19]

Одни исследователи считают, что использование феминитивов является одним из способов борьбы за гендерное равенство и справедливость, а также способом подчеркивания важности и роли женщин в «мужских» областях, а также способствует более корректному и инклюзивному общению, позволяя учитывать роль женщин. Более того, это позволяет женщинам чувствовать себя более признанными и уважаемыми в мире бизнеса, науки, военного дела.

Однако использование феминитивов может также вызвать споры, поскольку другие лингвисты полагают, что оно может привести к фрагментации языка и ненужному усложнению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского [Текст]. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Сов. писатель, 1963. – 363 с.;
2. Шведова Н.Ю., Арутюнова Н.Д., Бондарко А.В., Лопатин В.В., Улуханов И.С. Русская Грамматика. Москва. Академия наук СССР. Институт русского языка, 1980. Т.1. 792 с.
3. Жорж Т.К. Феминитив: лингвистический аспект и проблема перевода // Преподаватель XXI век. 2018. № 4 (2). С. 356-363.
4. Баданина И.В. Функционирование феминативов в языке интернета // Русский язык в интернете: личность, общество, коммуникация, культура. 2017. № 1. С. 89-94.
5. Real Academia Española [Электронный ресурс]: https://dle.rae.es/feminizaci%C3%B3n (Дата обращения 17.08.2024)
6. Виноградов, В. В. Вопросы современного русского словообразования / В. В. Виноградов // Исследования по русской грамматике / В. В. Виноградов. М.: Наука, 1975. 562 с.
7. Чехов А.П. Человек в футляре. // Рассказы и пьесы. М., Эксмодетство, –2024 – С. 37
8. Eulalia Lledó Cunill. Las profesiones de la A a la Z. En femenino y en masculino. Editores: Madrid : Instituto de la Mujer, Año de publicación: 2006. País: España. Idioma: español. ISBN: 84-689-9773-0 (91 pàgs.)

9. Васильев Б.Л. А зори здесь тихие. Издательство АСТ // Русская классика (Эксмо) –2022 – С. 11

10. Beerhead-Bar [Электронный ресурс]. URL: https://beerhead-bar.ru/zvezdy/irina-volk-vikipediya.html (Дата обращения 18.08.2024)

11. Preventionworld [Электронный ресурс]. URL: https://prevention-world.com/actualidad/noticias/1072-mujeres-soldado-solicitaron-baja-depresion-ejercito-cuatro-anos/ (Дата обращения 18.08.2024)

12. ECD [Электронный ресурс]. URL: https://www.elconfidencialdigital.com/articulo/defensa/mujeres-coroneles-realizan-curso-ascenso-general/20231226000000693197.html (Дата обращения 21.08.2024)

13. La Voz de Galicia [Электронный ресурс]. URL: https://www.lavozdegalicia.es/noticia/espana/2024/02/22/teniente-fiscal-supremo-rechaza-imputacion-puigdemont-tsunami-falta-indicios/00031708593295528227542.htm (Дата обращения 28.08.2024)

14. El Tiempo [Электронный ресурс]. URL: https://www.eltiempo.com/archivo/documento/MAM-1376428 (Дата обращения)

15. Банки.ру [Электронный ресурс]. URL: https://www.banki.ru/news/lenta/?id=10976618 (Дата обращения 05.09.2024)

16. Вести Севастополь [Электронный ресурс]. URL: https://vesti92.ru/2024/10/01/jeks-nachalnica-odnogo-iz-otdelov-krymjenergo-obvinjaetsja-v-poluchenii-vzjatki.html (Дата обращения 05.09.2024)

17. РБК [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/business/23/09/2024/66f10e609a7947c53e67ed91 (Дата обращения 03.10.2024)

18. Expansión Política [Электронный ресурс]. URL: https://politica.expansion.mx/mexico/2023/01/02/quien-es-norma-lucia-pina-hernandez-biografia (Дата обращения 03.10.2024)

19. Embajada de estados unidos de Panamá [Электронный ресурс]. URL: https://pa.usembassy.gov/es/nueva-embajadora-de-ee-uu-mari-carmen-aponte-llega-a-panama/ (Дата обращения 06.10.2024)

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 378:811.111.1

ПРИМЕНЕНИЕ ДИСКУРС-АНАЛИЗА В УСЛОВИЯХ ИНОЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Гончар Наталия Николаевна
Кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных и латинского языков,
Тверской ГМУ Минздрава РФ, Тверь
E-mail: n_gonchar@mail.ru

Селезнева Ольга Николаевна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных и латинского языков,
Тверской ГМУ Минздрава РФ, Тверь

В настоящей статье исследователи уделяют большое внимание теоретической и методологической основе анализа английского языка как иностранного (L2), реализующегося в иноязычном образовательном пространстве. Дискурс-анализ в данном контексте важен для практики преподавания, поскольку он помогает понять характер комплексных (многосторонних) взаимодействий между обучающим и обучаемыми, и предоставляет знания, которые полезны в области анализа изучаемого языка. Целью статьи является показать, как лингвисты анализируют учебный дискурс, функционирующий в учебной интеракции с данной точки зрения.

В работе не рассматриваются психологические и когнитивные измерения эффективности конкретных методов, видов деятельности и приемов, применяемых для повышения уровня владения языком, но в некоторой степени касается психометрического подхода как сопоставления с интерактивным анализом учебного взаимодействия. Наша цель заключается в том, чтобы предоставить обзор методов, которые могут быть применены для сбора информации о языке, используемом обучающими и обучаемыми в условиях учебной интеракции с целью углубить знания об изучаемом языке и повысить уровень его владения.

Ключевые слова: освоение второго языка (L2), дискурс-анализ, интеракционный анализ, иноязычное образовательное пространство.

APPLICATION OF DISCOURSE ANALYSIS IN THE CONTEXT OF A FOREIGN-LANGUAGE INSTRUCTIONAL ENVIRONMENT

Gonchar N.N., Seleznjova O.N.

The authors of this article focus primarily on the theoretical and methodological backbone of the analysis of the English language as a second one (L2) realizing in a foreign instructional environment. Discourse analysis in this context is important for teaching

practice because it helps to understand the complex interactions that exist between teachers and learners. It provides knowledge that is useful in the field of the language analysis. From this point of view, this paper aims to show how linguists analyse the instructional discourse functioning in the educational interaction.

This article does not deal with psychological and cognitive measurements of the specific methods effectiveness, activities and techniques used to improve language proficiency. However, to some extent it touches on the psychometric approach as compared with the interactive analysis of instructional interactions. Our aim is to provide an overview of methods that can be used to collect information about the language used by teachers and learners in instructional interactions with the aim of improving knowledge and language proficiency.

Keywords: second language acquisition (L2), Discourse analysis, Interaction analysis, a foreign-language instructional environment.

*****

Умение общаться с различными группами людей является основополагающим аспектом овладения любым языком. В условиях иноязычного образовательного пространства успешная учебная коммуникация и взаимодействие между преподавателем и студентами (обучающим и обучаемыми) являются важнейшими компонентами для эффективного освоения английского языка. В учебной интеракции английский язык является главным инструментом для организации, структурирования урока, а также для передачи знаний (информации) со стороны преподавателя (обучающего) студентам (обучаемым), которые, в свою очередь, должны использовать изучаемый язык (L2) как средство для демонстрации полученных знаний (языковых компетенций). Однако очевидно, что со стороны обучаемых на занятиях по английскому языку данный язык используется как «средство и объект обучения» [1, с. 9] и является главной целью изучения, где «средство – это сообщение» [2, с. 302], а сообщение – это речевое событие, которое в условиях учебной интеракции формируется на уровне дискурсного образования в составе учебного дискурса.

Анализ учебного дискурса функционирующего в условиях иноязычного образовательного пространства в обучении английскому языку имеет сравнительно давнюю традицию в лингвистике и прикладной лингвистике поскольку коммуникация и, следовательно, сам язык занимают центральное место в ракурсе рассмотрения получения языкового образования в высшей школе. Он помогает интерактантам понимать и интерпретировать основные смыслы всего происходящего в учебном взаимодействии.

Если мы сосредоточимся на изучении английского языка в высшей школе России, то следует отметить, что большинство студентов, закончив среднюю школу, не обладают достаточно высоким уровнем владения иностранным языком и в условиях иноязычного образовательного пространства им предстоит изучать его для достижения более высокого уровня. То же самое относится и к преподавателям, хотя и в меньшей степени, поскольку большинство из них изучали английский язык в университете, но они не являются носителями преподаваемого ими языка. В данной связи, авторы настоящей статьи имеют основания утверждать, что учебное общение на английском языке в условиях иноязычного образовательного пространства является «проблемной средой» как для обучающих, так и для обучаемых.

В ракурсе рассмотрения данной проблематики следует отметить еще и то, что организация обучения очень часто имеет иерархическую структуру. Обучающий рассматривается как лидер/каузатор учебного взаимодействия, а обучаемые – как «ведомые участники коммуникации», подчиняющиеся организатору интеракции. И в этом отношении реализующийся учебный дискурс в учебной интеракции можно рассматривать как часть критического дискурс-анализа, поскольку обучающий должен использовать язык как мощный инструмент для организации и поддержания

порядка в ходе течения интеракции, отдавая распоряжения и/или команды, используя авторитарный и даже жесткий регистр общения.

Однако данная работа не сосредоточена на рассмотрении критического дискурс-анализа применительно к обучению английскому языку в иноязычном образовательном пространстве, так же как и этнографического, но фокусируется на рассмотрении двух из четырех существующих на данное время исследовательских традиций, а именно:

1. Интеракционный анализ.
2. Дискурс-анализ.

Интеракционный анализ

Термин «анализ речевого взаимодействия» (интеракционный анализ) указывает на центральную точку этого подхода, а именно на взаимодействие (или поведение) преподавателей и студентов. Главной целью этого подхода является фиксирование и анализ «того, что на самом деле происходит при обучении в аудитории, а не просто измерение конечного результата обучения. Под «конечной точкой измерения конечного результата обучения» исследователь Нунан подразумевает психометрический подход» [3, с. 6]. Московиц (1968, 1970, 1971) разработал концепцию анализа взаимодействия как аналог психометрической традиции. Последняя «включает сравнение различных методов, материалов, методик обучения и т.д., чтобы определить приводит ли одна или несколько из этих переменных к значительному или лучшему результату обучения, чем конкурирующие методы, материалы, методики и программы. Тестовые баллы для обучаемых анализируются с использованием ряда выводных статистических инструментов, чтобы определить, обусловлены ли различия рассматриваемой переменной или являются делом случая» [4, с. 64]. Основная цель этого подхода заключается в его стремлении количественно оценить и квалифицировать результат обучения языку. Вот почему психометрический подход также называют «количественным и качественным подходом [5, с. 15].

Возвращаясь к краткому описанию, приведенному выше, очевидно, что такая психометрическая процедура не может полностью отражать прогресс в обучении студентов. Преподаватель может подсчитать («измерить») количество слов, которые один студент выучил в течение учебного года. Если, например, учебное пособие, которое использовалось в течение курса обучения, содержит 5000 новых слов, довольно легко количественно проверить, сколько из них запомнил обучаемый. Обучающий может проверить словарному запас обучаемого, попросив его/ее дать перевод статистически значимого количества слов, скажем – 350 из 500. Однако этот метод не может быть применен в других обстоятельствах, например, когда обучающий хочет проверить, насколько хорошо конкретный обучаемый понял настоящее продолженное время (The Present Continuous Tense). Даже если бы это происходило бы так, что можно было бы статистически измерить прогресс (успехи) обучаемого в этой области, рассматривая только отдельные предложения, это не сработало бы, когда, например, учитываются все временные формы или лингвистические особенности (пассивные формы, наречия, прилагательные и т.д.) английского языка.

Однако стоит отметить, что «невозможно сказать, что один метод обязательно лучше другого, не зная, что именно исследователь пытается выяснить и что он/она намерен делать с информацией, полученной в результате исследования» [3, с. 4]. Улучшили ли обучаемые свой общий уровень владения языком, если они используют правильно настоящее продолженное время (The Present Continuous Tense) чаще, чем раньше? Какой метод позволяет обучаемым улучшить свою успеваемость и языковые компетенции?

Шерер и Вартхаймер (1964) намеревались исследовать, можно ли изучить иностранный язык более эффективно на занятиях, на которых используется грамматико-переводный метод, или на занятиях, на которых использовался инновационный – аудио-лингвистический [6, с. 224]. Субъектами исследования были

две группы студентов, изучающих английский язык. Одна группа для начинающих обучалась в условиях иноязычного образовательного пространства университета с использованием грамматико-переводного метода, в котором студентов обучали аудированию, говорению, чтению и письму с использованием перевода, изучения грамматики и выполнению грамматических упражнений. Этот подход можно было бы назвать «обучение через письмо/письменные тексты» [7, с. 400]. Вполне возможно, что этот метод появился в результате использования опыта преподавания латинского языка, где, в целом, изучают только грамматику, лексику и способы перевода. Само общение, общение с людьми, никогда не было важным на занятиях по латинскому языку, поскольку он больше не используется как lingua franca. В другой группе обучаемых перевод полностью избегался. Основной способ, с использования которого проходил процесс обучения, был через аудирование и говорение, грамматические правила изучались индуктивно. Поэтому этот метод можно было бы назвать как «обучение с использованием аудирования». По окончании двухлетнего экспериментального периода обе группы были протестированы, их баллы сравнены, чтобы определить, были ли различия статистически значимыми. Исследование не смогло удовлетворить авторов, поскольку не смогло продемонстрировать однозначного превосходства одного метода над другим. Это доказало нечто очевидное – студенты усваивают то, чему их учат. То есть, «традиционная», «грамматико-переводная» или «обучающаяся через письмо/письменные тексты» группа была значительно лучше в чтении и переводе, тогда как «аудио-лингвальная» или «обучающаяся через аудирование» группа преуспевала в аудировании и говорении.

Фэнзелов (1977) предложил схему оценивания эффективности обучения и смог выделить пять аспектов коммунникации, которые характерны для речевой деятельности в аудитории. Он задал три вопроса: (1) Кто с кем общается? («) Какова педагогическая цель? (3) Какие средства (аудиальные, визуальные, письменные и т.д.) используются для передачи контента (содержания)? (4) Как средства используются для обсуждения темы по отношению к контенту? (5) Какие темы контента обсуждаются [8, с. 33]?

Аллен и др. (1983) представили другую схему под названием «Коммуникативная ориентация в обучении языку», которая была разработана «в контексте пятилетнего проекта, изучающего ряд вопросов, связанных с закономерностями освоения языка и его разработкой в образовательном контексте для обучаемых, изучающих второй язык» [9, с. 233]. С помощью нее они намеревались изучить четыре общих вопроса: «(1) природа овладения языком, (2) влияние социального контекста на двуязычие, (3) влияние учебного материала на изучение языка и (4) влияние индивидуальных характеристик обучаемого. Они руководствовались «гипотезой о том, что компетентность не является единственным показателем владения языком, а включает в себя по крайней мере три компонента: грамматический, дискурсивный и социолингвистический». Что касается дискурс-анализа, то предложенная ими схема является первым шагом перехода от «интеракционного анализа» к «дискурсивному», поскольку последний подчеркивает важность реализующегося дискурса наряду с учебным взаимодействием/учебной интеракцией.

В то же время Аллен и др. (1983) четко отмечают переход от исследования ориентированного на результат группы обучаемых, изучающей второй язык, к более ориентированному на содержание или функционирующий дискурс. Данная схема исследования, основанная на наблюдении, содержит категории для измерения особенностей коммуникации, типичные для реализующегося дискурса в учебной ситуации.

Авторы данной статьи, оглядываясь и вспоминая уроки английского языка в средней школе, отмечают, что большинство программ по изучению иностранного языка в недалеком прошлом были исключительно сосредоточены на изучении грамматики и переводе. Позже в учебной интеракции в иноязычном образовательном пространстве стала важна текстовая деятельность. Исходя из

собственного опыта обучения английскому языку авторы настоящей работы подтверждают, что в настоящее время цель занятий по овладению иностранным языком коренным образом изменилась и ключевым моментом стало приобретение обучаемыми коммуникативных навыков и фокусирование на взаимодействии интерактантов в учебной ситуации. Обучаемые очень рано начинают изучать иностранный язык. В данном контексте следует подчеркнуть, что произошел переход от «обучения на основе письменных текстов» с использованием грамматико-переводного метода к «обучению говорению» с использованием аудио-визуальных средств, что несомненно, является правильным направлением в овладении иностранным языком, поскольку каждый обучаемый знает, что устная речевая деятельность в иноязычном образовательном пространстве гораздо сложнее «переводческой письменной деятельности» и приобретение речевых навыков является главной целью языкового образования.

Дискурс-анализ

Дискурс-анализ – это исследование выражения значений и смыслов в языке, в ее вербальном или невербальном выражении. Он использует подходы ряда научных дисциплин. Дискурс-анализ «появился в результате эволюции в дескриптивной лингвистике аналитических процедур для описания супрасенциальных структур…, а также из этнографических и социолингвистических исследований» [5, с. 40] в изучение структуры вербального и невербального взаимодействия. Он занимает «привилегированное место в научной литературе, потому что это был один из первых жанров, который был исчерпывающе исследован лингвистами» [10, с. 340]. Работа Синклера и Култхарда «О дискурс-анализе» (1975) знаменует собой появление ряда подходов в лингвистике и гуманитарных науках. Их «исследовательский проект был направлен как на описание формы устного дискурса – то есть способа, в котором единицы выше ранга предложения связаны и структурированы, так и способа, которым такие функции языка, как утверждение, вопрос и приказ, реализуются через грамматическую структуру и положение в дискурсе» [11, с. 8]. «Новая составляющая» здесь (по сравнению с подходом к изучению взаимодействия – это фокусирование не только на взаимодействии между преподавателем и студентом как таковом, но и на включении социолингвистических элементов дискурса и анализа того, как это преобразуется в иерархический порядок, отраженный языком. Следуя идеям Холлидея и используя его работу «Категории теории грамматики» (1961), они (Синклер и Култхард) разработали иерархически структурированную систему «рангов», которая находится между лингвистическим уровнем сентециального дискурса и социально-педагогическим уровнем программ и курсов [11, с. 25]. Главным выводом их исследования 1975 года был обмен репликами во взаимодействии обучающего и обучаемого в следующем формате: инициирование взаимодействия со стороны обучающего, ответный речевой ход обучаемого и выражение обратной связи со стороны обучающего (последующее наблюдение за ответом обучаемого). Таким образом, согласно Синклеру и Култхарду (1975), «типичный обмен репликами в учебной ситуации состоит в инициировании взаимодействия со стороны обучающего, за которым следует ответ обучаемого, после чего прослеживается «обратная связь» на реагирование/ответ обучаемого обучающему (термин «обратная связь» был позже заменен на «последующее наблюдение» после того, как Култхард и Бразилия (1979) критически пересмотрели эту модель). Это проиллюстрировано в следующем примере:

Teacher: Can you tell me why do you eat all that food? – инициирование

Yes.

Pupil: To keep you strong. – ответный речевой ход

Teacher: To keep you strong. Yes. To keep you strong. – обратная связь

Why do you want to be strong? [12, с. 98].

Данный тип дискурса можно разделить на две части: высказывание и обмен репликами. Синклер и Култхард определили «высказывание» как «все, что сказал первый говорящий для того, чтобы начал говорить второй», а «обмен» как «два или

более высказываний [11, с. 21]. Следовательно, когда происходит обмен двумя или более репликами, это называется «обменом репликами».

Также Синклер и Култхард работали с категориями теории грамматики, используя шкалу ранжирования для единиц грамматики: простое предложение, придаточное предложение, слово и морфема, и пришли к своей схеме инициирования ответных ходов и обратной связи. Анализируя диалогическое высказывание, приведенное выше, это первое «Да» рассматривается ими как единица, меньшая, чем высказывание. Однако «единицы на самом низшем уровне дискурса являются актами и наиболее точно соответствуют грамматической единице предложения. Но, когда мы описываем элемент как действие, мы делаем что-то иное, чем, когда мы описываем его как предложение» [11, с. 27]. Грамматика касается формальных свойств элемента, дискурс – функциональных свойств того, для чего говорящий использует элемент. Объединяя все аспекты, собственно модель уровней структуры обмена репликами выглядит следующим образом:

Уровень 1: Урок

Уровень 2: Транзакция

Уровень 3: Обмен

Уровень 4: Мена коммуникативных ролей

Уровень 5: Действие

Структура каждого из этих пяти элементов была подробно проанализирована в исследовании Синклера и Култхарда (1975). Таким образом, самая общая структура учебного взаимодействия выглядит следующим образом: «урок» содержит серию «обменов репликами», которые составляют «транзакцию». «Обмен» состоит из небольших «ходов» и «актов». Три наиболее важных акта – «запрос информации», «директивный акт» и «информативный акт». Эти три вида актов реализуются в учебном дискурсе как основа для инициирования речевых ходов. Данные акты ведут к инициированию речевых ходов, которые имеют определенную дискурсивную функцию. Следовательно, запрос информации «является актом, функция которого заключается в запросе вербального ответа, хотя ответ может быть и невербальным, таким как кивок или поднятая рука. Таким запросом информации может быть вопрос, заданный обучающим: «Кто сделал домашнее задание?», который приводит либо к вербальной («Я сделал.»), либо к невербальной реакции (поднятие руки). Директивный акт – это «действие, функция которого заключается в запросе невербального ответа» [11, с. 28]. Обучающий может попросить обучаемых открыть учебники на определенной странице, посмотреть на доску, обратить внимание на что-либо и т.д. Информативный речевой акт – это действие, функция которого заключается в передаче своей мысли, идеи, а ответ – это просто подтверждение того, что человек слушает и воспринимает информацию.

Данная модель учебного взаимодействия отражает иерархическую структуру интеракции, то есть обучающий рассматривается как инициатор и ведущий / лидер учебного общения, который начинает и поддерживает реализующийся дискурс в учебной ситуации, а обучаемые рассматриваются как ведомые, которые должны подчиняться распоряжениям или приказам, отдаваемым обучающим, реагируя и / или отвечая. Однако, по мнению многих исследователей, в том числе – исследователя Уолша [12, с. 56], в иноязычном образовательном пространстве обучения иностранному языку ситуация изменилась и уровень авторитета обучающих не всегда считается высоким поскольку на сегодняшний день обучаемые социализируются с раннего возраста и считают себя равными по общению с обучающим в учебном взаимодействии, что часто вносит определенные проблемы в учебное общение как со стороны обучающих, так и со стороны обучаемых в плане выражения-принятия замечаний/претензий.

В данной связи следует отметить что дискурс-анализ – это описательный метод, который отражает лингвистическое поведение интерактантов, которое может подтолкнуть обучающих и исследователей осознать определенные проблемы и искать методы для их решения. Т. е., например, в данном ракурсе рассмотрения проблематики – обучающие должны давать обучаемым больше свободы и

возможности говорить, уважая их мнение и осведомленность по некоторым вопросам, но в то же время корректно исправлять их ошибки, не нарушая традиционный регистр общения, где обучающий является лидером учебного взаимодействия и поддерживает обучаемого на пути приобретения им языковых навыков иноязычного общения.

Анализ учебного дискурса в данной ситуации имеет решающее значение для обучения и усвоения правил общения в сложившемся социуме. Он фокусируется на предполагаемой цели и последовательных связях, предаваемых контекстом. Таким образом, анализируемый учебный дискурс, реализующийся в иноязычном образовательном пространстве приводит к методологии анализа учебной интеракции как к «социально сконструированной» участниками учебного общения, следующими сложному набору правил организации интеракции и должен быть соотнесен с интерпретацией и объяснением всего происходящего в вербальном и невербальном выражении.

Заключение

Целью данной статьи было показать методологию, применяемую в анализе дискурса в контексте реализующегося учебного дискурса в иноязычном образовательном пространстве. Обсуждаемые методологии показали, насколько важен эмпирический аспект дискурс-анализа. Кроме того, описанные выше подходы показали, как дискурс-анализ может изменить методы или способы, которые обучающие используют в преподавании иностранного языка. Переход от «обучения через письмо/письменные тексты» к «обучению через аудирование» произошел из-за влияния дискурс-анализа на результаты обучения. Все эти инструменты имеют только одну цель: описать учебную интеракцию в учебной ситуации в естественных социальных условиях и улучшить уровень взаимодействия обучающего и обучаемого посредством осознания описанных в данной статье моделей структурирования интеракции. Дискурс-анализ важен для практики преподавания, поскольку он помогает понять сложные аспекты взаимодействия участников коммуникации и предоставляет знания, которые полезны в области анализа изучаемого языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лонг, Майкл Х. Разговор носителя языка с неносителем языка и обсуждение смыслов. // Лонг, Майкл Х., Прикладная лингвистика, 1983. – 4 (2). – С. 126-141

2. Хаммаду, Джоан и Элизабет Б. Бернхард. О том, как быть и стать учителем иностранного языка. // Хаммаду, Джоан и Элизабет Б. Бернхард.; Теория на практике, 1987. – 26 (4). – С. 301-306

3. Нунан, Дэвид. Понимание преподавания в языковых классах: руководство для действий, инициированных учителем. // Нунан, Дэвид.; Прентис-холл Интернэшинл: Лондон, 1989. – с. 6

4. Московиц, Гертруда. Система ФЛИНТ: инструмент наблюдения для изучающих иностранный язык в журнале. // Московиц, Гертруда.; Язык и коммуникация. Дж. К. Ричардс и Р. В. Шмидт (ред.), 1968. – 64

5. Шодрон, Крейг. Классы изучающие второй язык: исследования в области преподавания и обучения. // Шодрон, Крейг; Кембридж Юниверсити Пресс: Кембридж, Великобритания,1988. – 15

6. Шерер, Г. А. К. и Макс Вартхаймер. Психологический эксперимент в преподавании иностранных языков. // Шерер, Г. А. К. и Макс Вартхаймер; МакГро-Хилл: Нью-Йорк, 1964. – 224

7. Лангер, Джудит А. Обучение через письмо: навыки обучения в предметных областях.// Лангер, Джудит А.; Джорнал оф ридинг, 1986. – 29 (5). – С. 400-406

8. Фанзелоу, Джон Ф. За пределами РАСОМО: Концептуализация и описаниезакона об обучении. // Фанзелоу, Джон Ф.; ТЕСОЛ Квартели, 1977. – – 11 (1). – С.17-39

9. Аллен, П., М. Фрелих и Н. Спада. Коммуникативная ориентация преподавателя языка: Схема наблюдения. // Аллен, П., М. Фрелих и Н. Спада.; Джин Хэндскомб (ред.). О ТЕСОЛ 83. Вопрос контроля. Избранные доклады с ежегодной конференции преподавателей английского языка, владеющих другими языками, 1983. – С. 231-252

10. Нунан, Дэвид и Кэтлин М. Бейли. Исследование второго языка на занятиях: общее руководство. // Нунан, Дэвид и Кэтлин М. Бейли. Хайнле: Бостон, Массачусетс, 2009., – с. 340

11. Синклер, Джон Макхарди и Р. Малькольм Култхард. К анализу дискурса: английмкий язык, используемый учителями и учениками. Синклер, Джон Макхарди и Р. Малькольм Култхард. // Оксфорд Юниверсити Пресс: Оксфорд, 1975. – С. 8-28

12. Уолш, Стив. Изучение дискурса в классе: язык в действии. // Уолш, Стив.; Рутледж: Абингтон, 2011.

УДК 81

РОЛЬ СИНТАКСИСА И СЕМАНТИКИ В ФОРМИРОВАНИИ СМЫСЛА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Краевская Анна Геннадьевна
Студент, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В.Плеханова», г. Москва, Россия
E-mail: ardakraevskaia2019@gmail.com

Абрамцева Елена Геннадьевна
Старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В.Плеханова», г. Москва, Россия

В статье рассматривается взаимодействие синтаксиса и семантики как ключевых элементов, формирующих смысл высказывания в английском языке. Синтаксис, как известно, характеризует порядок и структуру слов в предложении, определяет грамматические и логические связи между языковыми единицами. В то же время семантика английских языковых единиц, актуализирующая значения слов и их сочетаний, нередко зависит от контекста и интонационного рисунка речи, придающих высказыванию, продуцируемому в рамках определенной коммуникативной ситуации, уникальный смысл.

Позиция авторов статьи заключается в том, что корректное уяснение смысла и интерпретация информационного посыла в английской речи требуют рассмотрения во взаимосвязи обоих указанных компонентов языкового пространства – синтаксического и семантического. В статье приводятся примеры, демонстрирующие механизм того, каким образом изменения в синтаксической структуре предложения могут привести к трансформации смысла высказывания, и, наоборот, – какими способами необходимость придания фразе определенных семантических оттенков реализуется посредством особой синтаксической организации речи. Итогом проведенного исследования является обоснование исключительной важности учета взаимовлияния синтаксической структуры речи и семантического содержания высказываний в английском языке для целей эффективной коммуникации, а также для предупреждения фактора неоднозначности при трактовке смысла англоязычного высказывания.

Ключевые слова: синтаксис; семантика; формирование смысла; английский язык; структура предложения; значение слов; грамматика; интерпретация; контекст.

THE ROLE OF SYNTAX AND SEMANTICS IN THE FORMATION OF MEANING IN THE ENGLISH LANGUAGE

Kraevskaya A. G., Abramtseva E. G.

The article examines the interaction of syntax and semantics as key elements that form the meaning of an utterance in the English language. Syntax, as is known, characterizes the order and structure of words in a sentence, defines grammatical and logical connections between linguistic units. At the same time, the semantics of English language units, actualizing the meanings of words and their combinations, often depends on the context and intonation pattern of speech, giving a statement produced within a certain communicative situation a unique meaning. The position of

the authors of the article is that the correct understanding of the meaning and interpretation of the information message in English speech require consideration in the relationship of both these components of the linguistic space – syntactic and semantic. The article provides examples demonstrating the mechanism of how changes in the syntactic structure of a sentence can lead to a transformation of the meaning of an utterance, and, conversely, in what ways the need to give a phrase certain semantic shades is realized through a special syntactic organization of speech. The result of the research is to substantiate the exceptional importance of taking into account the mutual influence of the syntactic structure of speech and the semantic content of statements in English for the purposes of effective communication, as well as to prevent the ambiguity factor in interpreting the meaning of an English-language utterance.

Keywords: syntax; semantics; formation of meaning; English language; sentence structure; meaning of words; grammar; interpretation; context.

*****

Синтаксическая структура речи и семантическая нагрузка лексических единиц являются основополагающими аспектами лингвистики: первый фокусируется на организации предложений и установлении связей между их элементами, а второй – на значении языковых единиц, включенных в конструкцию предложения. Изучение меры взаимодействия и взаимовлияния синтаксиса и семантики позволяет лучше понять закономерности объединения отдельных слов в смысловые структуры и специфику изменения значения фраз в зависимости от конструкции высказывания.

Синтаксис – раздел лингвистики, изучающий правила и принципы того, каким образом слова объединяются в предложения, а предложения – в более сложные конструкты. Основными структурными элементами предложения в английском языке являются подлежащее, сказуемое и дополнения, которые располагаются в определенной последовательности, а также существительные и глагольные группы, согласующиеся между собой. Семантика – это область лингвистики, занимающаяся интерпретацией значений слов, фраз и сверхфразовых единств. Она включает в себя раздел, изучающий значения отдельных слов, а также значения, возникающие при сочетании слов в определенном контексте. Семантика связана, в том числе, с такими понятиями, как полисемия (многозначность слова) и омонимия (совпадение грамматической или интонационной формы у слов с разными значениями).

Взаимодействие синтаксиса и семантики играет ключевую роль в интерпретации англоязычных высказываний. Правила синтаксиса не только определяют способ, которым слова могут быть объединены, но и существенно влияют на то, как воспринимается и интерпретируется значение каждого слова и их совокупности. Преобразование порядка слов в предложении может радикально изменить его смысл. Рассмотрим следующий пример: «The dog bit the man» и «The man bit the dog». Хотя слова в обеих фразах использованы одни и те же, их порядок приводит к различной интерпретации смысла высказывания, что доказывает влияние синтаксического рисунка речи на восприятие его семантики. Таким образом, понимание специфики взаимодействия синтаксиса и семантики в английском языке позволяет избежать неоднозначного толкования смысла фраз, корректно передавая исходный смысл высказывания.

Целями проведенного научного исследования выступили:

– изучение основных характеристик синтаксиса и семантики в английском языке;

– анализ влияния синтаксической организации англоязычной речи на ее семантику;

– наглядная демонстрация воздействия изменения структуры англоязычного предложения на трансформацию значения высказываний и

отдельных языковых единиц.

Задачи исследования заключались в изучении системы синтаксических правил английского языка в контексте их влияния на смысл высказываний. Важным представлялось также рассмотрение семантики в связи с синтаксическими преобразованиями, что призвано было проиллюстрировать степень взаимосвязанности синтаксиса и семантики в английском языке в процессе формирования смысла высказывания.

Синтаксис, определяя характер связи слов в предложении, создает базовые смысловые единицы. В английском языке синтаксис играет ключевую роль при формировании смысла высказывания, так как он, как мы указывали выше, определяет, каким образом различные элементы предложения (субъекты, предикаты, дополнения и другие части речи) взаимодействуют друг с другом. Это взаимодействие имеет несколько важных сторон.

В английском языке традиционный синтаксический рисунок предложения следует схеме «подлежащее + сказуемое + дополнение». Например, в предложении «The cat (подлежащее) chased (сказуемое) the mouse (дополнение)» изменение порядка слов может привести к путанице и/или искажению смысла фразы. Так, если мы изменим порядок на «Chased the mouse the cat», то это приведет к смысловому сумбуру и нарушению грамматических норм языка, что в итоге сделает невозможным уяснение информационного посыла предложения.

Например, в случае, когда подлежащее и сказуемое не согласуются по числу или роду, это может привести к разрушению коммуникативного ядра высказывания. В приведенном выше предложении, если бы мы сказали «The cats chases the mouse», то это было бы грамматически некорректно, поскольку имела бы место рассогласованность языковых единиц.

В то же время синтаксис позволяет создавать оригинальные речевые конструкты, которые обогащают язык, делая его более выразительным. Возьмем, к примеру, сложносочиненное предложение «I wanted to go for a walk, but it started to rain», а также сложноподчиненное предложение «Although it was raining, I decided to go for a walk» – различные типы связи простых предложений внутри сложных отражают сложные отношения между идеями и образами, заложенными в высказываниях, обеспечивая необходимые условия для восприятия изначально заложенной в них информации.

Характер пунктуации и интонационного членения, который используется при формировании высказываний, прямо влияет на смысл предложения. Например, предложение «Let's eat, Grandma» и «Let's eat Grandma» отличаются только наличием запятой, но при этом имеют кардинально различный смысл. Ситуация, когда предложение можно трактовать несколькими способами из-за особенностей его структуры, именуют синтаксической амфиболией. Так, фраза «I saw the man with the telescope» может означать как то, что говорящий видел человека, который держал телескоп, так и то, что сам говорящий использовал телескоп, чтобы разглядеть человека. В данном случае синтаксис создает двусмысленность, которая требует внимания к контексту описываемого события для его верной интерпретации.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что синтаксис является важнейшим аспектом реализации английской речи, который не только определяет структуру предложения, но и в ряде ситуаций влияет на их смысл и интерпретацию. Иными словами, в некоторых случаях синтаксис и его правила обеспечивают условия для развертывания семантики фразы, придавая совокупности значений лексем, входящих в предложение, заданный смысл. В этом синтаксис и семантика как бы сопрягаются, выполняя различные функции, но одновременно актуализируя нечто общее – единый коммуникативный замысел.

Выше мы указывали, что синтаксис определяет характер связей и модель, по которой слова и фразы объединяются в предложение. Порядок слов, структура предложений и правила согласования обеспечивают грамматическую стройность

речи. Например, предложение «The dog barks» (Собака лает) имеет простую синтаксическую структуру, но изменение порядка слов в высказывании (скажем, на «Barks the dog»), делает его некорректным с точки зрения языковых норм. Функции же семантики заключаются в максимально точной трансляции значений слов и высказываний в целях установления коммуникативного взаимодействия с собеседником. Слово «книга» как понятие означает печатный материал, содержимое которого может быть различным, и в зависимости от контекста его значение может уточняться: «книга по программированию», «книга воспоминаний» и пр.

Многозначность слов в речи нередко создает проблемы для восприятия смысла – так, в предложении «Я видел человека с биноклем» невозможно однозначно определить, кто именно использовал бинокль, – говорящий или человек, которого он видел. Эти нюансы выясняются из контекста всего акта коммуникации в целом. Слово «bank» может означать и финансовое учреждение, и берег реки, в зависимости от ситуации, в которой оно употребляется. Исследование семантического поля высказывания помогает определить, какое значение высказывания будет наиболее уместно в тех или иных речевых обстоятельствах. Кроме того, семантика подвергает анализу процедуру оформления сложных значений в высказываниях: в предложении «Она сказала, что он поет», изменяя интонационный рисунок речи, можно придавать фразе разные смысловые оттенки.

Итак, синтаксис и семантика взаимодействуют при реализации коммуникативного замысла: синтаксис обеспечивает формальную организацию, в то время как семантика наполняет эту форму содержанием. Например, корректно построенное предложение «The boy saw the girl» (Мальчик увидел девочку) не только синтаксически правильно построено, но и передает конкретное значение о действиях двух индивидов, формируя полноценный смысл высказывания. Понимание процесса взаимовлияния синтаксиса и семантики способствует более эффективной реализации коммуникативного акта.

Рассмотрим ряд наглядных примеров влияния синтаксического оформления фразы на ее смысл:

1. Изменение смысла фразы при изменении порядка слов:

Пример: «The cat chased the mouse» (Кошка погнала мышь).

Здесь структура «подлежащее – сказуемое – дополнение» (SVO) чётко указывает на то, кто выступает субъектом, а кто объектом действия. Изменение порядка слов в высказывании на «Chased the mouse the cat» делает предложение грамматически неверным и разрушает информационный посыл.

2. Изменение смысла при изменении структуры сложного предложения:

– Пример: «Although it was raining, we went for a walk».

В рассматриваемом сложном предложении использована подчинительная связь, которая выстраивает предложения-элементы по их значимости и обеспечивает условия для их корректной интерпретации.

3. Дистрибутивное использование местоимений:

– Пример: «John gave his brother a book».

В данном примере синтаксическая структура высказывания указывает на то, что Джон – это тот, кто «дает», а его брат – тот, кто «получает». Если бы мы изменили порядок слов в высказывании на «A book gave John his brother», то смысл предложения был бы утрачен.

Примеры изменения смысла высказывания при трансформации семантического начала:

1. Влияние многозначности:

– Пример: «The bank is closed».

Это предложение может означать как «финансовое учреждение закрыто», так и «берег реки закрыт». Контекст для определения правильного значения слова необходимо уточнять из дальнейшей (предшествующей) коммуникации.

2. Использование идиоматических конструкций:

– Пример: «It's raining cats and dogs».

Буквальный перевод данной фразы не имеет ничего общего с ее смыслом; здесь использован английский фразеологизм, имеющий значение «лить как из ведра». Его интерпретация требует определенной лингвокультурной подготовки.

3. Коннотативное значение:

– Пример: «He's a snake».

Лексема «snake» в прямом смысле означает рептилию, но в данном контексте используется аллегорически – для обозначения нелояльного человека: так семантика может передавать скрытые (неочевидные) значения слов.

Приведенные примеры доказывают, что взаимодействие синтаксиса и семантики в англоязычной речи весьма многообразно.

Оно может раскрываться через согласование элементов высказывания: «The group of students is studying» – согласование между подлежащим и сказуемым (группа – единственное число, «is»). Здесь синтаксическая структура обусловливает семантическое значение, указывая на единую группу.

Также взаимодействие может происходить через репрезентацию времен и модальности: «If I were rich, I would travel the world». Синтаксическая структура условного предложения в данном случае помогает передать семантическое значение, связанное с гипотетической ситуацией. В такой обстановке важно соблюсти порядок слов и форму глаголов для понимания картины описываемых событий.

В заключение исследования констатируем: синтаксис и семантика неразрывно связаны в процессе формирования смысла высказываний в английском языке. Правильная синтаксическая структура фразы способствует более полному уяснению семантического смысла, в то время как контекст и значение слов помогают «достраивать» информационный посыл. Понимание значений и взаимовлияния синтаксиса и семантики в речевой практике помогают успешной коммуникации и корректной передачи исходного коммуникативного замысла.

Синтаксис и семантика – два ключевых компонента языковой системы, взаимодействие которых определяет смыслообразование в языке. Синтаксис связан со структурой предложений и правилами установления связей между их элементами, тогда как семантика исследует значения слов и высказываний. Поскольку английский язык – язык с преимущественно фиксированным порядком слов в предложении, учет взаимодействия грамматического оформления и семантического наполнения лексических единиц часто имеет критически важное значение. Особенно в ситуации, когда семантическое поле может быть подвижным и разные сочетания слов могут приводить к актуализации различных смыслов (имея в виду многозначность, использование устойчивых сочетаний (фразеологизмов) в речи и контекстуально выявляемых значений).

Таким образом, правильно выстроенная синтаксическая структура позволяет адекватно передавать исходный смысл, в то время как семантические аспекты добавляют глубину и оттенки смысла к высказыванию. Например, предложение «He gave her a ring» указывает на конкретное действие, а семантическое значение позволяет интерпретировать это действие как «предложение руки и сердца» или как «дарение ювелирного изделия», в зависимости от контекста. Эффективное сочетание факторов, зависящих от синтаксических правил и семантики, помогает гарантированно избежать недопонимания в процессе коммуникации. Так, в случае двойственности значения слова, правильно выбранная синтаксическая структура может однозначно указать на корректный вариант значения: «Visiting relatives can be boring» – здесь структура фразы помогает указать, кто именно становится «скучным».

Изучение профильной литературы и выполненный лингвистический анализ показали, что внимательное отношение к взаимовлиянию синтаксиса и семантики в английском языке позволяет не только выявить разнообразные формы трансформации смысла под влиянием указанных аспектов языка, но и

сформулировать универсальные закономерности их взаимодействия. В свою очередь, исследование того, как различные контексты (социальные, культурные, лексические) влияют на восприятие смысла высказывания и построение предложений, способствуют более активной межкультурной коммуникации. В этой связи использование машинного обучения и приемов алгоритмизированной обработки естественного языка для автоматизации перевода англоязычных текстов (которые бы учитывали как синтаксические, так и семантические качества переводимого материала) является более чем актуальной научно-практической задачей. Подобные исследования, основанные на учете взаимодействия синтаксиса и семантики английского языка, открывают новые горизонты для понимания природы языка и его практического использования в интернациональном общении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голикова, Т.А. Введение в языкознание: учебное пособие. – Москва: РосНоу, 2015.
2. Крылова, М.Н. Основы языкознания для бакалавров: учебное пособие. – Саратов: Вузовское образование, 2014. – 275 с.; ЭБС «IPRbooks». – Текст электронный.
3. Солганик, Г.Я. Основы лингвистики речи: учебное пособие. – Москва: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 2010. – 128 с. – URL: http://www.iprbookshop.ru/13186; ЭБС «IPRbooks». – Текст электронный.
4. Белянин, В.П. Введение в психолингвистику. – Москва: Че Ро, 2000.
5. Будагов, Р.А. Введение в науку о языке. – Москва, 2003.
6. Вежбицкая, А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. – Москва: Языки славянских народов, 2001.
7. Вендина, Т.И. Основы языкознания: учебное пособие. – Москва, 2002.
8. Леонтьев, А.А. Основы психолингвистики. – Москва: Смысл, 1997.
9. Кодухов, В.И. Основы языкознания. – Москва: Просвещение, 1987.
10. Маслов, Ю.С. Основы языкознания. – Москва, 1998.

УДК 81

СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ НЕОЛОГИЗМОВ В ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Чигина Нелли Владимировна
кандидат педагогических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Самарский государственный аграрный университет»,
г. Самара, Россия
E-mail: Chigina_Nelli@mail.ru
SPIN-код: 9579-4189

На сегодняшний день мы можем наблюдать стремительное и бурное развитие компьютерных технологий. Это и является главной причиной появления новых слов в компьютерном подъязыке. В связи с тем, что с каждым годом появляется все больше и больше новой лексики, является целесообразным ее упорядочение и систематизация. В настоящее время происходит компьютеризация не только всех сфер науки, но и ее проникновение в повседневную жизнь современных людей. Главной целью данной работы является теоретическое и практическое исследование неологизмов в терминологической системе компьютерных технологий современного английского языка. Мы выяснили, что сегодня активно употребляются неологизмы в подъязыке компьютерных технологий. Это связано с тем, что ежегодно, в английском языке появляется большое количество новых слов, что обусловлено стремительным развитием компьютерной техники и проникновением новых технологий в повседневную жизнь людей. В связи с этим, терминосистема в сфере компьютерных технологий становится все более открытой и доступной для современного общества.

Ключевые слова: компьютерные технологии, неологизмы, калькирование, метафоризация, метонимия, аббревиатура, геймификация, инновации, неолингуистическая динамика.

WAYS OF NEOLOGISMS FORMATION IN THE TERMINOLOGICAL SYSTEM OF COMPUTER TECHNOLOGIES OF MODERN ENGLISH LANGUAGE

Chigina N. V.

Today we can observe the rapid and rapid development of computer technologies. This is the main reason for the appearance of new words in computer sublanguage. Due to the fact that every year more and more new vocabulary appears, it is expedient to organize and systematize it. Nowadays there is computerization not only in all spheres of science, but also its penetration into the everyday life of modern people. The main purpose of this paper is the theoretical and practical study of neologisms in the terminological system of computer technologies of modern English. We found out that today neologisms in the sublanguage of computer technologies are actively used. This is due to the fact that every year, a large number of new words appear in the English language, which is due to the rapid development of computer technology and the penetration of new technologies in people's daily lives. In this regard, the terminosystem in the field of computer technology is becoming more and more open and accessible to modern society.

Keywords: computer technologies, neologisms, calcification, metaphorization, metonymy, abbreviation, gamification, innovation, neolinguistic dynamics.

*****

В современном английском языке, особенно в терминологической системе компьютерных технологий, неологизмы возникают в результате различных процессов морфологической и семантической трансформации [1]. Во-первых, одним из наиболее распространенных способов является агглютинация, когда существующие слова или корни комбинируются для создания новых терминов, таких как "hardware" (аппаратное обеспечение) и "software" (программное обеспечение). Во-вторых, активно используется метод калькирования, при котором заимствованное слово воспроизводится в соответствии с особенностями английского языка, например "cloud computing" (облачные вычисления).

Кроме того, заимствование из других языков, особенно из научной лексики, способствует появлению новых терминов. Примером служат слова "algorithm" и "interface", которые пришли из арабского и латинского языков соответственно. Важно отметить и влияние социальных сетей и интернет-культуры, где новые термины, такие как "selfie" и "hashtag", быстро входят в обиход. Таким образом, динамика развития компьютерных технологий служит катализатором языковой эволюции, порождая множество неологизмов, отражающих новейшие достижения и тенденции [2].

Современные неологизмы также возникают благодаря процессам метафоризации и метонимии. Эти процессы позволяют обогащать язык новыми значениями, основываясь на существующих терминах. Например, слово «блокчейн» не только обозначает технологию, но и стало метафорой надежности и безопасности данных. Аналогично, термин «виртуальная реальность» представляет собой метонимию, где «виртуальная» используется для обозначения новой формы взаимодействия с цифровым миром [3].

Широкое использование аббревиатур также является характерной чертой современного языка в области компьютерных технологий. Теория и практика предоставляют множество примеров, таких как «AI» (искусственный интеллект), «IoT» (интернет вещей) и «VR» (виртуальная реальность). Эти сокращения делают общение более лаконичным и удобным, что особенно важно в быстро меняющемся технологическом окружении.

Таким образом, неологизмы в сфере компьютерных технологий не только отражают новшества, но и формируют культуру общения среди специалистов. Устойчивое развитие этих терминов свидетельствует о постоянном прогрессе в области информационных технологий и их интеграции в повседневную жизнь. Все эти процессы подчеркивают, что язык адаптируется к новым реалиям, чтобы эффективно передавать инновационные концепции.

Еще одним интересным аспектом современных неологизмов является их способность влиять на общественное восприятие технологий. Например, термин «геймификация» (gamification) используется для описания процесса внедрения игровых элементов в неигровые контексты, что меняет подход к обучению и мотивации. Этот новый взгляд на привычные процессы способствует более глубокому вовлечению пользователей и повышению эффективности [4].

Кроме того, современные неологизмы часто становятся частью маркетингового языка, где важным является создание определённого имиджа и ассоциаций. Слова как «диджитализация» (digitalization) олицетворяют тренды, ориентированные на преобразование бизнеса и взаимодействие с клиентами в цифровой среде. Это в свою очередь создает потребность в новых терминах, связанных с современными практиками и стратегиями [5].

Многообразие неологизмов также открывает новые возможности для междисциплинарного общения. Специалисты из разных областей, таких как экономика, психология и социология, используют термины из IT для описания своих идей, что приводит к созданию общих концепций и новым подходам к решению

задач. Так, метафоры и аббревиатуры помогают строить мосты между различными сферами знаний, делая язык не только инструментом коммуникации, но и фактором инноваций [6].

Современные неологизмы также оказывают влияние на культурные и социальные аспекты жизни. Например, термин «инфлюенсер» (influencer) стал символом новой эпохи маркетинга и самовыражения. Люди, обладающие широким влиянием в социальных сетях, формируют общественное мнение и тренды, что в свою очередь меняет подходы к рекламе и скидкам. Это явление подчеркивает важность личного брендинга и аутентичности в коммуникации.

Важным аспектом использования неологизмов является их способность отражать изменения в обществе. Термины, такие как «экологичность» (sustainability), подчеркивают возросшее внимание к вопросам экологии и ответственного потребления. Они становятся инструментами для продвижения новых стандартов и норм, что позитивно сказывается на восприятии изменений в обществе [7].

Наконец, неологизмы содействуют развитию креативности и инноваций. Употребление новых слов и фраз способствует образованию идейных механизмов, которые позволяют находить нестандартные решения и подходы к привычным проблемам. Таким образом, язык не только транслирует реальность, но и формирует её, создавая пространство для нового мышления и открытий.

Современные неологизмы также вносят значительный вклад в изменения в области технологий. Слова, такие как «блокчейн» и «криптовалюта», стали символами новой финансовой эры, эволюционируя не только экономические взаимодействия, но и саму структуру доверия в обществе. Эти термины демонстрируют желание людей находить новые подходы к традиционным финансам и усиливают диалог о будущем денег и управления активами. С другой стороны, неологизмы помогают обозначать новые социальные явления и культурные проблемы. Понятия, такие как «гендерное равенство» и «инклюзивность», подчеркивают важность поощрения разнообразия и свободы самовыражения. Они стали суппортом для движений, стремящихся к справедливости и пониманию, что положительно влияет на общественное сознание и устраняет барьеры. Таким образом, неологизмы не просто отражают изменения, но и способствуют их формированию. Язык становится динамичным инструментом взаимодействия, создающим пространство для новых идей и переосмыслений, что актуально в условиях быстро меняющегося мира [8].

Неологизмы также играют важную роль в формировании идентичности и самовыражения в цифровую эпоху. Виртуальные сообщества, соцсети и популярные платформы создают уникальный лексикон, отражающий личные и коллективные переживания. Слова, такие как «флешмоб» или «мем», становятся символами современных культурных феноменов, объединяя людей вокруг общих интересов и идентичностей [9].

Кроме того, неологизмы активно внедряются в образовательный процесс. Они не только обогащают учебные программы новыми терминами, но и помогают студентам лучше осваивать предметы, современные технологии и культурные движения. Это создает возможность для более глубокого понимания социальных изменений и адаптации к новым условиям жизни.

С другой стороны, использование новаторских терминов также ставит перед обществом вызовы. Не все находят себя в новом лексиконе, что может приводить к непониманию и маргинализации определенных групп. Поэтому важно уметь балансировать между внедрением новшеств и уважением к традициям, чтобы язык оставался доступным и понятным для всех.

Неологизмы также служат важным инструментом для самовыражения и формирования индивидуального стиля общения. Молодежь, активно использующая социальные сети, создает и распространяет новые слова, часто основанные на коллаборационных практиках. Эти термины могут служить как дани моде, так и отражением глубоких социокультурных изменений, создавая новые способы идентификации и объединения. Например, термин «инфлюенсер» не только

описывает роль человека в цифровом пространстве, но и подчеркивает влияние социальных медиа на потребительские привычки и культурные нормы.

Тем не менее, не стоит забывать, что стремительное развитие неологизмов может привести к языковому барьеру между поколениями. Люди старшего возраста, не вовлеченные в онлайн-культуру, могут чувствовать себя изолированными и недопонятыми. Это подчеркивает необходимость диалога между поколениями, где можно обсудить новые слова и их смыслы, что способствует взаимопониманию и культурному обмену.

Важно осознавать, что язык – это живой организм. Он эволюционирует, и неологизмы в этом процессе играют ключевую роль. Однако, наряду с развитием, следует уделять внимание инклюзивности языка, чтобы каждый мог чувствовать себя частью языкового пространства. Это обеспечит баланс между инновациями и традициями, что в свою очередь укрепит общественные связи в постоянно меняющемся мире.

Необходимо отметить, что неологизмы могут служить не только инструментом самовыражения, но и способом создания общности среди молодежи. Использование специфических терминов способствует формированию групповой идентичности и сближает людей, находящихся в рамках одной субкультуры. Например, такие феномены, как «криэйтеры контента» или «геймеры», помогают выявить общие интересы и ценности, создавая пространство для общения и обмена опытом [5]. Более того, неологизмы могут служить инструментом социальной критики, позволяя молодежи легко и ярко выражать протеста против устоявшихся норм и традиций. В этом контексте язык становится не только средством общения, но и способом формирования социального дискурса, что, в свою очередь, может привести к более глубокой культурной трансформации [10].

Важно также учитывать, что неологизмы легче воспринимаются в неформальной обстановке. В таких условиях молодежь более открыта к экспериментам с языком, что приводит к возникновению слов и фраз, которые могут в будущем занять свое место в общем лексиконе. Этот процесс активного взаимодействия служит катализатором языковых изменений, что, в свою очередь, может повлиять на литературу, музыку и другие формы искусства. Таким образом, диалог между поколениями становится важным элементом культурного прогресса. Обсуждение новых слов, значение которых может быть непонятно старшему поколению, способствует не только лучшему взаимопониманию, но и преемственности традиций. В конечном итоге, сохранение языкового разнообразия и насыщенности обогащает наше общее культурное наследие.

Неолингуистическая динамика также открывает новые горизонты для кросс-культурных взаимодействий. Молодежь, осваивая язык других стран через неологизмы, становится более восприимчивой к новым идеям и традициям. Это явление способствует культурному обмену и расширяет горизонты восприятия, что делает коммуникацию более многообразной и насыщенной. Неолингвистическая динамика также включает в себя процесс адаптации и интеграции иностранных заимствований, что обогащает лексикон молодежи новыми оттенками значений. Эти языковые изменения способствуют созданию уникального культурного кода, отражающего современные реалии. Например, термины «глобализация» или «инклюзия» становятся не просто модными словами, но важными концептами, помогающими осмыслять многообразие и взаимосвязанность мира.

Кроме того, неологизмы создают платформу для критического осмысления социальных явлений. Например, термины, связанные с технологическими или экологическими изменениями, помогают молодежи выразить свои идеи и взгляды на важные проблемы. Это приводит к активному обсуждению и, как следствие, способствует социальным изменениям и формированию общественного мнения. Использование неологизмов в социальных сетях позволяет молодежи формировать сообщества вокруг общих интересов и ценностей. Креативный подход к языку способствует обнаружению новых способов самовыражения, что, в свою очередь,

делает диалог более открытым и доступным. Такие сообщества укрепляют связи между представителями разных культур, способствуя обмену опытом и идеями.

В заключение следует отметить, что неологизмы не только обогащают язык, но и выступают катализатором социальных изменений и культурной трансформации. Язык становится живым инструментом, который позволяет молодежи адаптироваться к современным вызовам и активно участвовать в обсуждении насущных проблем. Это подчеркивает, что кросс-культурные взаимодействия становятся залогом более устойчивого и гармоничного будущего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. Изд. 3-е. Москва: Издательство ЛКИ, 2007.

2. Каменева Н.А. Компьютерная лексикография и составление электронных словарей. Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015; № 3-1 (45): 86 – 89.

3. Нелюбин Л.Л. Введение в технику перевода (когнитивный теоретико-прагматический аспект): учебное пособие. 3-е изд. Москва: Флинта: Наука, 2013.

5. Акулинина Т.В. Экстралингвистическая обусловленность особенностей английской терминологии компьютерной информатики: Автореф. дис. канд. филол. Омск, 2003. – 23с.

6. Антюфеева Ю.Н. Английские новообразования в развитии: потенциальное слово, окказионализм, неологизм. Дисс. . канд. филол. наук. -Тула, 2004. -С. 24-40.

7. Беликова И.А. Особенности образования терминов-неологизмов в подъязыке компьютерной техники. Дисс. . канд. филол. наук. -Омск, 2004.-150 с.

8. Заворотная М.С. Проблемы разграничения неологизма и окказионального слова. //Вестник Амурск, гос. ун.-та, Серия: Гуманитарные науки. -Благовещенск, 2003, Вып. 20. -С. 97-99.

9. Москалева Е.В. Прагматические особенности функционирования английских и русских неологизмов (на материале художественных и публицистических текстов). Дисс. . канд. филол. наук. -М., 2003. -С. 184.

10. Чигина Н.В., Бухвалова Е.Г., Сырескина С.В. Особенности перевода усечений в английских профессиональных текстах // Подготовка переводчиков в сфере профессиональной коммуникации: лингводидактический и экономико-правовой аспекты. сборник материалов Международной научно-практической конференции. Самарский государственный технический университет, Институт дополнительного образования. 2018. С. 157-160.

11. Чигина Н.В., Сырескина С.В. Современные образовательные технологии в преподавании иностранного языка в неязыковом вузе// Инновации в системе высшего образования. материалы Международной научно-методической конференции. ФГБОУ ВО "Самарская государственная сельскохозяйственная академия". 2017. С. 51-55.

УДК 81

ДОБАВЛЕНИЕ КОММЕНТАРИЕВ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ ПРИЕМ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ КОМПЕНСАЦИИ ДЛЯ ПЕРЕДАЧИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОНТЕКСТА ПРИ ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК ПАМЯТНИКА КЛАССИЧЕСКОЙ ДРЕВНЕКИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ – РОМАНА «ПУТЕШЕСТВИЕ НА ЗАПАД»

Цинь Мэнъяо
Аспирант, кафедра русского языка,
Шаньдунский педагогический университет,
г. Шаньдун, Китайская Народная Республика
E-mail: 1120475263@qq.com

Памятник классической древнекитайской литературы – роман «Путешествие на Запад» – является одним из четырех наиболее значимых произведений этого жанра в истории китайской литературы. Впервые роман был опубликован в XVI веке, в период правления династии Мин. Роман представляет собой описание путешествия монаха Сюаньцзана за буддийскими сутрами в Индию. Сюжет романа и его культурно-исторический колорит имеют тесную связь с китайской религиозной и философской традицией, а также отражают своеобразие мифологического мира Древнего Китая. Данное произведение считается бесценным источником разнообразных и весьма подробных сведений о китайской культуре для зарубежной читательской аудитории. К основным способам перевода, часто используемым при адаптации древнекитайских художественных текстов к их восприятию иностранным читателем, относятся транскрипция, дословный перевод и смысловой перевод. Однако данные приемы не всегда в состоянии полноценно передать содержание культурно маркированных лексических единиц, что, очевидно, может повлиять на корректность интерпретации читателем сюжета и идейного своеобразия произведения. В связи с этим в целях компенсации смысловых потерь при переводе с китайского языка на русский часто оказывается целесообразным использовать пояснения (комментарии) к тем или иным обстоятельствам (обстановке, значению символов и образов, характеру действий и пр.), описываемым в переводимом тексте. По результатам проведенного исследования установлено, что в полной версии перевода романа «Путешествие на Запад» содержится 216 комментариев, а в сокращенном – 278. При этом тематика комментариев к отдельным словам и выражениям в обоих переводах подразделяется на четыре типа – комментарии о религиозных аспектах и философских воззрениях, о специфике мифологии и народных преданий, об исторических личностях и событиях, а также о традиционном укладе жизни китайского общества. Причем у всех перечисленных типов комментариев существуют как определенные сходные черты, так и различия – в части структуры и особенностей подхода к передаче лингвокультурного содержания комментируемых фрагментов текста оригинала.

Ключевые слова: переводческая стратегия; переводческая компенсация; переводческий комментарий; древнекитайский роман «Путешествие на Запад».

ADDING COMMENTS AS AN EFFECTIVE METHOD OF TRANSLATION COMPENSATION FOR THE TRANSFER OF LINGUISTIC AND CULTURAL CONTEXT WHEN TRANSLATING INTO RUSSIAN A MONUMENT OF CLASSICAL ANCIENT CHINESE LITERATURE – THE NOVEL "JOURNEY TO THE WEST"

Qin Mengyao

The monument of classical ancient Chinese literature – the novel "Journey to the West" – is one of the four most significant works of this genre in the history of Chinese literature. The novel was first published in the 16th century, during the reign of the Ming Dynasty. The novel is a description of Monk Xuanzang's journey to India for Buddhist sutras. The plot of the novel and its cultural and historical flavor have a close connection with the Chinese religious and philosophical tradition, and also reflect the uniqueness of the mythological world of Ancient China. This work is considered an invaluable source of diverse and very detailed information about Chinese culture for a foreign readership. The main methods of translation often used in adapting ancient Chinese literary texts to their perception by a foreign reader include transcription, literal translation and semantic translation. However, these techniques are not always able to fully convey the content of culturally marked lexical units, which, obviously, can affect the correctness of the reader's interpretation of the plot and the ideological originality of the work. In this regard, in order to compensate for semantic losses when translating from Chinese into Russian, it often turns out to be advisable to use explanations (comments) to certain circumstances (setting, meaning of symbols and images, nature of actions, etc.) described in the translated text. According to the results of the study, it was found that the full version of the translation of the novel "Journey to the West" contains 216 comments, and the abridged version contains 278. At the same time, the subject of comments on individual words and expressions in both translations is divided into four types – comments on religious aspects and philosophical views, on the specifics of mythology and folk legends, on historical figures and events, as well as on the traditional way of life of Chinese society. Moreover, all these types of comments have both certain similarities and differences in terms of the structure and features of the approach to transmitting the linguistic and cultural content of the commented fragments of the original text.

Keywords: translation strategy; translation compensation; translation commentary; ancient Chinese novel "Journey to the West".

*****

Роман «Путешествие на Запад» является одним из четырех наиболее известных произведений классической древнекитайской романистики [1]. Он был написан во времена династии Мин в XVI веке и издан без идентификации его авторства. Вплоть до XX века считалось, что произведение принадлежит перу известного китайского литератора того времени У. Чэньэня.

Роман на протяжении ста глав повествует о странствиях монаха Сюаньцзана, отправившегося в далекие края за буддийскими сутрами. Согласно сюжету духовный подвижник Сюаньцзан, живший во времена династии Тан, совершил 13-летнее путешествие в Индию. Роман основан на его подробном рассказе о своем паломничестве. В рамках сюжета Сюаньцзан отправляется в путь не один – богиня Гуаньинь дает ему в сопровождение трех учеников – Сунь Укуна (Короля Обезьян), Чжу Баджи (человека-свинью) и Ша Вуджинга (человека-чудовище); впоследствии к этой группе присоединяется Конь – Белый Дракон, который добровольно поступает в услужение Сюаньцзану. Герои повествования в ходе странствий преодолевают 81 испытание и в конце концов добиваются своей цели.

В романе представлены и изысканно описаны фантастические образы и события, в нем также присутствуют буддийские аллегории. Кроме того, произведение заслуженно пользуется славой тонкой сатиры, направленной на обличение ханжества, мещанства и различных человеческих недостатков.

Первый полный перевод романа на русский язык был выполнен А.П. Рогачевым (1-й и 2-й тома) и В.С. Колоколовым (3-й и 4-й тома). Его выход в свет датирован 1959 годом [2]. А.П. Рогачев написал к первому изданию романа пространное предисловие и раздел комментариев. Перевод поэтических фрагментов выполнили Н.А. Павлович и И.А. Голубев. Данная версия романа пользовалась колоссальной популярностью у русскоязычного читателя, что в дальнейшем выразилось в трех его переизданиях – 1994, 2008 и 2015 гг.

Для того чтобы сделать китайскую классическую литературу более доступной широким кругам своих сограждан, А.П. Рогачев позднее подготовил к изданию сокращенную версию романа «Путешествие на Запад» под названием «Сунь Укун – царь обезьян».

Переводом на русский язык стихов романа занимались в разное время замечательные советские и российские лингвисты-синологи. Так, в 1982 году эту работу выполнил И.С. Смирнов, в 2014 году – новый вариант перевода предложил его ученик А.А. Штейнберг; позднее Д.Н. Воскресенский подготовил еще одну версию перевода, снабдив его подробными пояснениями.

Рассматривая различные стратегии перевода китайской художественной литературы на русский язык, следует остановиться на нескольких, наиболее распространенных, – транскрипции, дословном переводе и смысловом переводе. Однако даже при достаточно высоком уровне мастерства переводчика указанные стратегии могут передавать не вполне корректные коннотации (представления) о сути описываемых в художественном произведении событий, а также символической специфике тех или иных предметов (явлений), особенно с выраженным историко-культурным компонентом. Поэтому для обеспечения точности интерпретации наиболее сложных участков текста опытные переводчики-синологи склонны сопровождать эти фрагменты комментариями, непосредственно не относящимися к конкретным лексическим единицам текстового оригинала. Удобство комментария, как инструмента переводчика, состоит в том, что он «дает возможность «узнать» читателю те представления, знания и ассоциации, возникновение которых он не успевает зафиксировать в процессе <…> восприятия» [7, с. 353].

В рамках проведенного исследования в полном переводе на русский язык текста романа «Путешествие на Запад» (четырехтомном) было установлено наличие 216 комментариев, а в сокращенном – 278. При этом комментарии в обоих версиях перевода можно условно распределить по четырем тематическим группам:

- пояснения о религиозных аспектах и философских воззрениях;
- пояснения о специфике мифологии и народных преданий;
- пояснения об исторических личностях и событиях;
- пояснения о традиционном укладе жизни китайского общества.

В рамках такой дифференциации мы выполнили контент-анализ комментариев. По результатам исследования установлено, что в полном и сокращенном вариантах перевода количество комментариев, относящихся к той или иной группе, неодинаково (см. табл. 1).

Таблица 1

Количество комментариев в обоих версиях русскоязычного перевода романа «Путешествие на Запад», дифференцированно по тематическим группам, ед.

Версия перевода	1 группа. Комментарии о религиозных аспектах и философских воззрениях	2 группа. Комментарии о специфике мифологии и народных преданий	3 группа. Комментарии об исторических личностях и событиях	4 группа. Комментарии о традиционном укладе жизни китайского общества	Всего
Полная	116	28	44	28	216
Сокращенная	143	38	46	51	278

Исходя из установленных количественных соотношений используемых комментариев, было установлено, что комментарии первой тематической группы (о религиозных аспектах и философских воззрениях) составляют наибольшую долю – в обоих переводах более 50% от общего количества пояснений. А комментарии, касающиеся специфики понимания мифологического компонента содержания романа и характера отраженных в нем народных преданий, составляют наименьший объем (см. табл. 2).

Таблица 2

Соотношение количества комментариев в обоих версиях русскоязычного перевода романа «Путешествие на Запад», дифференцированно по тематическим группам, %

Версия перевода	1 группа. Комментарии о религиозных аспектах и философских воззрениях	2 группа. Комментарии о специфике мифологии и народных преданий	3 группа. Комментарии об исторических личностях и событиях	4 группа. Комментарии о традиционном укладе жизни китайского общества
Полная	54	13	20	13
Сокращенная	51	14	17	18

Более наглядно выявленную связь различных тематических групп комментариев демонстрирует следующая диаграмма (см. рис. 1).

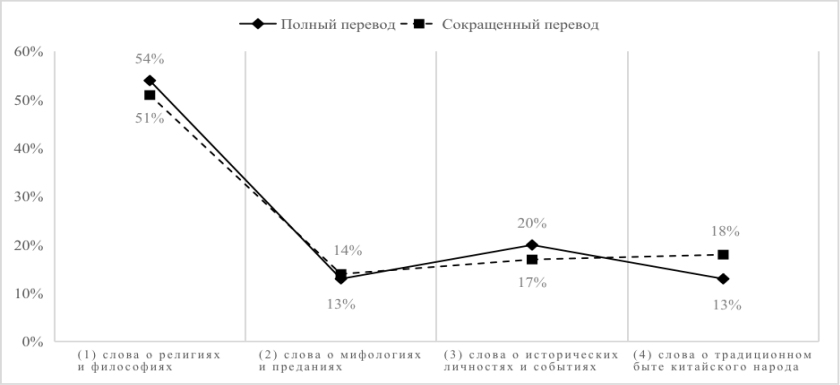

Рисунок 1 – Соотношение количества комментариев в обоих версиях русскоязычного перевода романа «Путешествие на Запад», дифференцированно по тематическим группам, %

Ранее мы указывали на наличие как сходных черт, так и отличий в способе снабжения комментариями переводного русскоязычного текста рассматриваемого романа (в краткой и полной версиях). К общим характеристикам можно отнести факт превалирования в массиве пояснений удельного веса тематической группы, связанной с религиозными аспектами и философскими воззрениями Древнего Китая: в полном переводе их доля составляет 54% от общего объема комментариев, а в сокращенном – 51%. Остальные группы имеют гораздо меньшую репрезентативность: к примеру, комментарии о специфике мифологии и народных преданий занимают в полном переводе всего 13%, а в сокращенном – 14% (см. рис. 1.3).

Как известно, избираемая переводчиком стратегия перевода определяется целями, которые сам специалист по переводу ставит перед собой. При этом большое внимание уделяется потенциальному уровню подготовки читателя и вопросам удобовосприятия переводного текста. Эта задача осложняется тем, что переводчик чаще всего имеет подготовку, ориентированную на современное состояние языка текстового оригинала; в то же время «спустя тысячи лет эволюции китайского языка первоначальная структура языка сильно изменилась и отличается от современной» [3, с. 318]. Напомним: древнекитайская философия ориентируется на исследование и постижение внутреннего мира человека, а также обращает внимание на морально-нравственную сторону взаимоотношений между людьми. Более того, в Китае весьма распространен т.н. мировоззренческий синкретизм – ситуация слияния нескольких религиозных (философских) традиций. Духовная самобытность китайского (и древнекитайского) общества состоит в переплетении нескольких философских течений – конфуцианства, даосизма и буддизма. В том числе поэтому тексты, касающиеся различных религиозных аспектов, как правило, представляются довольно сложными для понимания неподготовленной аудитории. В связи с этим учет способности к восприятию читателями специфически маркированной (в культурно-историческом плане) информации вынуждает при переводе художественных текстов с китайского языка на русский снабжать их более подробными и пространными комментариями (к элементам сюжета, отдельным лексическим единицам, образам и пр.). Такая тактика при переводе иноязычных литературных памятников вполне естественна, поскольку «сложность литературного перевода заключается в различиях между культурами и образом мышления двух народов» и потому «в процессе перевода неизбежны переводческие потери…» [4, с. 195].

Мифология, предание или сказание, как правило, представляют собой совокупность изначальных представлений об устройстве всего живого в мире. Между пониманием и мышлением разных народов существует определенная общность, отсюда возникает задача «трансляции культурных смыслов, для которых переводчик подбирает эквивалентные или максимально близкие по эмоциональному содержанию единицы другого языка» [5, с. 172], что, к сожалению, не всегда возможно.

В мифологии (зародившейся на ранних этапах исторического развития китайской и русской цивилизаций), несмотря на объяснимую национальную специфичность, имеют очень похожие сюжеты и, по большей части, подобный же друг другу символизм. А поскольку «язык, с одной стороны, – это отражение культуры, с другой – это один из главных факторов, формирующих национальную культуру того или иного языкового сообщества» [6, с. 495], то при квалифицированном переводе читатели частью на основании собственного лингвокультурного опыта, частью по аналогии могут с высокой степенью точности установить смысл и значение не имеющих эквивалента в их языке образов или понятий. Но даже в случае корректного и в высшей степени компетентного художественного перевода «культурная трансформация оказывается неизбежным звеном переводческой деятельности», что обостряет «необходимость в культурной адаптации оригинала для того, чтобы он был понятен реципиентам перевода» [8, с. 86].

При анализе комментариев полной и сокращенной версий перевода романа «Путешествие на Запад» обращает на себя внимание несовпадение характера комментариев в рассматриваемых версиях переводах. Для выявления значимых различий следует обратить особое внимание на их количество и содержание. В ходе сопоставления мы выделили следующие особенности комментариев:

– Во-первых, в полной и сокращенной версиях перевода внимание акцентируется на разных категориях комментариев. Как видно из рисунка 1.3, в полном переводе романа уделяется заметно больше внимания пояснению сведений об исторических личностях и событиях (20%), чем в сокращенном (17%). В сокращенной же версии перевода романа комментируются гораздо чаще фрагменты, тесно связанные с традиционным образом жизни китайского общества (18%), чем в полной версии (13%) (также см. рис. 1.3).

Специалист по переводу, интерпретируя то или иное иноязычное произведение, ориентируется на конкретную читательскую аудиторию, для которой он и готовит перевод. Целевая аудитория может быть как однородной (по уровню, образования, возрасту, интеллектуальным способностям и т.д.), так и неоднородной. Существуют переводчики, работающие исключительно с определенным потребителем информации, социологический портрет которого им хорошо известен (например, издания для туристов, автолюбителей, домохозяек и пр.).

Из-за того, что в полной версии перевода романа сохраняются разного рода сведения, расширяющие художественное пространство произведения (передающие религиозный, философский, исторический и этнографический контекст), в большинстве случаев полный перевод представляется сложным для чтения и восприятия всех пластов смысла (подтекстов). Такой перевод обычно предназначен для той аудитории, которую характеризует относительно высокий уровень начитанности в области классической и исторической литературы. Переводчик допускает, что, возможно, часть этой аудитории знакома с китайский языком и/или основами концептосферы китайской культуры. Соответственно, подготовленную аудиторию будет интересовать более глубокое изучение текста перевода, анализ его с различных дидактических ракурсов и определенный способ подачи комментирующей информации. В сокращенном варианте перевода, напротив, часть исторического материала, представленная в оригинале, а также сведения культурно-философского контекста, соответствующие этому материалу, отсутствуют.

В отличие от полного сокращенный перевод произведения подготовлен для читателей, которые незнакомы (или поверхностно знакомы) с оригиналом произведения и китайской культурой в целом, – это могут быть дети, молодежь или взрослые, которые ищут в подобных текстах нечто занимательное (необычный сюжет, краткое описание культурных традиций другой страны). Поэтому в сокращенной версии романа «Путешествие на Запад» опущены стихотворный ряд оригинального текста, разного рода описательные данные (перечисления) и др.

– Во-вторых, в отличие от полной в сокращенной версии перевода во многом сохранены культурно маркированные слова с пояснениями, которые имеют отношение к быту китайского народа, поскольку именно они, по мнению переводчика, могут потенциально заинтересовать читателя. Более того, переводчик в сокращенной версии перевода романа в отдельных случаях даже предоставлял иной вариант перевода в своих комментариях. Например:

а) Оригинал: «**三光**» (глава 98, с. 748).

Полный перевод: ***Три источника света*** (том 4, глава 98, с. 533).

Комментарии: Три источника света – солнце, луна и звезды.

Сокращенный перевод: ***Три источника света*** (глава 98, с. 709).

Комментарии: Три источника света (букв.: Три свечения) – солнце, луна, звезды.

Слово «三光» в Китае обозначает три объекта, которые могут светиться в природе. Они часто представляют собой солнце, луну и звезды. Очевидно, что в комментариях сокращенного перевода предлагается иной вариант перевода – «три

свечения». По нашему мнению, данная версия представляется более лаконичной и понятной.

б) Оригинал: «**金蝉**» (глава 32, с. 243).

Полный перевод: ***Цзинь-чан*** (том 2, глава 32, с. 137).

Комментарии: Цзинь-чан – одно из имен, под которым в романе выступает Танский монах. В переводе: законоучитель, приближенный к императору. Аскет.

Сокращенный перевод: ***Цзиньчань*** (глава 32: с. 226).

Комментарии: Цзиньчань (букв.: Золотая цикада или Золотой кузнечик) – образное прозвание (или одно из имен) Сюаньцзана. Имя имеет символический смысл и означает способность к перевоплощениям, умение уходить от разного рода опасностей, подобно тому как происходит смена оболочки у цикады.

Именем «金蝉» – «Цзинь Чаньцзы» – в романе именуется монах Сюаньцзан. Очевидно, что в сокращенном переводе предлагался иной вариант перевода – Золотая цикада или Золотой кузнечик, в результате чего исходное значение этого имени становится более понятным читателю.

Чтобы дать возможность русскоязычной аудитории познакомиться с китайской культурой в более доходчивой форме, в сокращенном переводе романа иногда добавляется транскрипция того или иного китайского иероглифа в стандарте пиньинь. К примеру:

а) Оригинал: «**文殊菩萨**» (глава 21, с. 153).

Полный перевод: ***Манджутра бодисатва*** (том 1, глава 21, с. 401).

Комментарии: Манджутра бодисатва – в китайской транскрипции Вэньшупуса. Бодисатва мудрости. Народ отождествлял его с богом мудрости. Его изображение верхом на льве является символом храбрости.

Сокращенный перевод: ***Бодисатва Манчжушри*** (глава 39, с. 268).

Комментарии: Бодисатва Манчжушри (кит. Вэньшу) – одно из популярных божеств буддийского пантеона, символ буддийской мудрости и благочестия. В храмах он обычно изображается рядом с Буддой. Его волосы собраны в пять пучков (пять видов мудрости). В его руках меч – символ острого ума.

К одному из наиболее распространенных приемов для передачи культурно маркированных лексем можно также отнести прямую транскрипцию с пояснениями. В обоих переводах по отношению к переводу «文殊菩萨» используется транскрипция. «文殊菩萨», которая в китайской традиции представляет собой бодхисаттву высшей мудрости. При этом выражение «Манджутра бодисатва» (или «Бодисатва Манчжушри») этимологически восходит к санскритскому «Mañjuśrī». В сокращенном переводе предлагался и другой вариант перевода с опорой на пиньинь – «文殊菩萨» [wén shū pú sà], что с пиньиня переводится как «Бодисатва Вэньшу». В самой простой форме пиньинь позволяет русским читателям ознакомиться, в том числе, с произношением китайского иероглифа.

б) Оригинал: «**夜叉**» (приложение, с. 58).

Полный перевод: ***Якша*** (том 1, глава 9, с. 165).

Комментарии: Якша – демоны, выполняющие роль посланцев или патрулирующей охраны. Уши свисают на плечи – символ храбрости.

Сокращенный перевод: ***Якша*** (глава 3, с. 48).

Комментарии: Якша (или ракшас; кит. еча) – грозные демоны, служители ада, прислужники владыки демонов. Слово восходит к названию одного из древних индийских племен на Цейлоне.

Слово «夜叉» уходит корнями в мифологию индуизма. Им обычно обозначали сущность демона (дьявола). «Якша» имеет основой санскритское «Yakşa». В сокращенном варианте перевода также представлена версия слова на пиньине, что дает читателю возможность составить представление о плане содержания иероглифа.

– В-третьих, в текст сокращенного перевода романа внесены правки, которые исправляют ряд недочетов, допущенных в полной версии перевода. Вот их примеры:

а) Оригинал: «**女娲**» (глава 35, с. 262).

Полный перевод: ***Богиня Нюй-ва*** (том 2, глава 35, с. 179).

Комментарии: Богиня Нюй-ва, или Нюй-гуа – по преданию, сестра легендарного императора Фу Си. Имела тело змеи и человеческую голову. За один день совершала семьдесят превращений. Легенда рассказывает, что во время битвы титанов, когда один из них, Кан Хуэй, опрокинул гору Бучжоу и на северо-западе обвалилось небо, Нюй-ва расплавила камни и починила небо. Ей приписывается еще много чудес, в том числе создание человека из куска глины.

Сокращенный перевод: ***Нюйва*** (глава 35, с. 241).

Комментарии: Нюйва – богиня, популярный персонаж мифов и преданий о Сотворении мира. В легендах нередко изображается как существо с головой человека и туловищем змеи. В одной из легенд рассказывается, как Нюйва, однажды гуляя по берегу реки, начала лепить из желтой глины маленьких человечков, которые оживали на ее глазах. Так был сотворен род людской. Еще в одной легенде говорится о том, как Нюйва с помощью камней пяти цветов залатала небо, разрушенное злым духом вод Гунгуном. Существует также легенда о том, что она изгнала с земли Черного дракона и свирепых хищников, которые досаждали людям. Часто образ Нюйва связывался с другим легендарным героями мифов – государем Фуси, по одним легендам – братом Нюйва, по другим – ее мужем.

Слово «女娲» [nǚ wā] – это имя великой богини из древнекитайской мифологии. Согласно китайским преданиям, она создала человека и избавила весь мир от глобального потопа. В комментариях обоих переводов их авторы подробно знакомят читателя с образом богиней, а также дополняют сюжетную линию, связанных с ней легенд. В полной версии перевода романа использован еще один вариант ее именования – Нюй-гуа, что нельзя считать верным подходом. В сокращенном же переводе содержится лишь одно имя богини – Нюйва, что в достаточной степени обеспечивает перевод китайского варианта. Более того, в полном варианте переводе возникает еще одно – существенное –искажение: так, богиня Нюй-ва не может «за один день совершить семьдесят превращений», а умеет «за один день создать семьдесят предметов».

б) Оригинал: «**琵琶**» (глава 30, с. 222).

Полный перевод: ***Пиба*** (том 2, глава 30, с. 88).

Комментарии: Пиба – четырехструнный музыкальный инструмент.

Сокращенный перевод: ***Пиба*** (глава 30, с. 211).

Комментарии: Пиба (пипа) – музыкальный щипковый инструмент типа цитры.

Словом «琵琶» [pí pá] обозначается традиционный китайский четырехструнный инструмент, являющийся одним из типов лютни. В обоих версиях перевода используется транскрипция (наряду с пояснениями). Причем в полной версии перевода название инструмента «琵琶» переведено как «Пиба», что нельзя считать корректным. В сокращенной же версии перевода предлагается более точный по звучанию вариант – «Пипа».

Обобщая приведенные выше рассуждения, отметим: для того чтобы читатели переводного литературного произведения сумели понять и прочувствовать изящество оригинального текста, тонкость и своеобразие стиля автора, перевод в ряде случаев целесообразно сопровождать комментариями. Добавление комментариев к переводу является одним из наиболее эффективных приемов компенсации неизбежных потерь культурно-исторически маркированной информации при переводе на иностранный язык, тем более с иной (как в русском) структурой. Зачастую это единственный способ разрешить переводческую дилемму – или «перевести только <…> суть, при этом понизив стилистическую выразительность…», или «использовать незнакомые, а иногда и непонятные образы» [9]. В большинстве случаев нуждаются в комментариях те слова или словосочетания, которые тесно связаны с культурой народа, – т.н. инвариантные концепты, т.е. характеризуемые «совокупностью универсальных представлений о мире, нашедших отражение в языке», и эта проблема в настоящее время рассматривается «как актуальная для целого ряда лингвистических теорий и направлений изучения (в частности, теории

вариантности в языке, лингвокультурологии, функциональной лексикологии, стилистики и грамматики, лексикографии и пр.)» [10, с. 16].

Таким образом, по отношению к переводу культурно маркированных слов из древнекитайского классического романа «Путешествие на Запад» можно сформулировать следующий вывод: комментарии переводчиков в различных версиях перевода данного произведения призваны облегчить и создать максимально комфортные условия для восприятия широкой читательской аудиторией всех компонентов, составляющих уникальное художественное пространство романа, включая его образный мир. Однако следует заметить, что избыток поясняющего текста в литературном произведении столь же пагубен, как и его полное отсутствие, поскольку большой объем вспомогательной информации вызывает излишнее напряжение внимания читателя, усложняет интерпретацию читателем взаимосвязанных событий фабулы повествования, нарушает стройность восприятия образного ряда и темпоритма сюжета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Петрова, Е. 4 классических романа. Книги, которые знают все в Китае. – URL: https://ekd.me/2021/03/4-klassicheskix-romana-knigi-kotorye-znayut-vse-v-kitae/?ysclid=la9dqpieni657786686 (дата обращения: 09.11.2022).

2. Шумаков, Д., Никандрова О. Специфика описание чая и чаепитий в романе «Путешествие на Запад». – URL: https://www.tea-terra.ru/2017/02/05/28771/?ysclid=la9f1sppj2625376281 (дата обращения: 10.11.2022).

3. Ли Цзяцзя. Соответствие лингвистических терминов сравнительно-исторического языкознания на русском, английском и китайском языках с точки зрения перевода // Мир науки, культуры, образования. – 2021. – №5(90). – С. 317–319.

4. Ревенко, Т.А. Способы перевода безэквивалентной лексики в произведении Мо Яня «Чесночные баллады Райского уезда» // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2023. – Т. 4, №3(79). – С. 195–197.

5. Ма Цзянь. Эмотивная семантика в восклицательных высказываниях в китайских художественных произведениях // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». – 2022. – №2 (февраль). – С. 169–172.

6. Чжан Янь. Сопоставление культурологической семантики и перевод русской и китайской лексики // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – №4(83). – С. 495–498.

7. Акбаш, В.А. Способы передачи национально-культурного своеобразия речений с усеченной концовкой сехоуюй при их переводе на русский язык // Мир науки, культуры, образования. – 2022. – №1(92). – С. 353–354.

8. Доу Цзин. Переводческий анализ произведения Мо Яня в аспекте трёхмерной трансформации экопереводоведения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика». – 2020. – №4. – С. 82–89.

9. Митрофанов, А.Д. Применение различных стратегий при переводе китайских фразеологизмов на русский язык // Научный аспект [электронный журнал]. Выпуск «Филология и лингвистика». – 2024. – №5 – URL: https://na-journal.ru/5-2024-filologiya-lingvistika/12601-primenenie-razlichnyh-strategii-pri-perevode-kitaiskih-frazeologizmov-na-russkii-yazyk.

10. Чжан Янь. Инвариантность и вариативность во фразеологических системах русского и китайского языков: из опыта сопоставительного лингвокультурологического описания // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). – 2020. – №5(211). – С. 9–18.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Файл с текстом статьи должен иметь расширение *.doc или *.docx. Разметка страницы: поля со всех сторон 2 см, ориентация книжная, формат А4. Текст набирается шрифтом Times New Roman, размер (кегль) 14, абзацный отступ 1,25 см, межстрочный интервал полуторный с использованием автоматической расстановки переносов. Аннотация (от 100 до 150 слов); ключевые слова на русском языке (от 8 до 15 слов). Название статьи, аннотация, ключевые слова, сведения об авторах должны быть переведены на английский язык.

Исключить громоздкие цифровые и формульные таблиц ы, а также рисунки, более, чем на 0,5 страницы. Все таблицы и рисунки должны быть в тексте, подписаны, ссылки на них по тексту обязательны.

Список использованной литературы составляется по алфавиту в конце статьи в соответствии с ГОСТ. Источников литературы не менее 10 источников. Ссылки на литературу в тексте отмечаются арабскими цифрами в квадратных скобках.

В статье должны быть указаны следующие сведения о каждом авторе: фамилия, имя, отчество (полностью); место работы и должность; ученая степень; домашний адрес (если необходимо почтовый экземпляр); контактный телефон; адрес электронной почты. Название ВУЗов полностью, без сокращений.

Максимальное число авторов в статье – 4.

Процент авторского текста должен составлять не менее 75%.

Текст статьи должен включать в себя следующие обязательные компоненты:

- индекс УДК (универсальной десятичной классификации). Желательно, чтобы индекс УДК автор подбирал совместно со своим научным руководителем, поскольку индекс влияет на отнесение статьи к той или иной специальности, что важно для учета публикаций при защите диссертации;
- авторские метаданные (Ф.И.О. автора (авторов), сведения о месте работы с полным названием учреждения (учреждений), город и государственная принадлежность);
- название публикации (не следует использовать в названии формулы, а также сокращения и аббревиатуры);
- аннотацию. Ее объем аннотации должен составлять 100–150 слов. В аннотации содержится конкретное и краткое изложение проведенного исследования и его результатов. Допускается отсутствие аннотации в текстах рецензий, отчетов, обзоров, отзывов и иных подобных материалов;
- блок ключевых слов (не менее 8 и не более 15 единиц). Ключевые слова выстраиваются в первую очередь по значению, во вторую – в алфавитном порядке;
- собственно текст статьи;
- сведения об источниках финансирования исследования (при наличии): номер и наименование гранта, организация-грантодатель;
- список использованных при подготовке статьи источников (литературы);
- сведения о дате подготовки статьи.

Для публикации в журнале необходимо направить на адрес электронной почты: Acabem.rus@yandex.ru текст статьи на рецензирование. Название файла -фамилия первого автора

Учредитель: Тихонова Жана Сергеевна
Издательство: ОБЩЕСТВО С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ «РОСТПОЛИГРАФ»,
Адрес издательства: 105187 г. Москва, ул. Вольная д. 28/4 к.1
Типография: Индивидуальный предприниматель Тихонова Жанна Сергеевна, ИНН 615108078357, ОГРНИП 322619600168289
Адрес типографии: 346715, РОССИЯ, обл РОСТОВСКАЯ, р-н АКСАЙСКИЙ
ISSN электронного сетевого издания 3034-1337
Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
серия Эл № ФС77-87087 от 01 апреля 2024 г.
E-mail: Acabem.rus@yandex.ru
Вебсайт: https://rostizdat.ru/nachala-russkogo-mira/
Подписано в печать 20.10.2024г. Выход в свет 31.10. 2024г., объем 9,74 п.л.
Тираж 500 экз. Заказ № 024-24/17.
Цена свободная

ISSN 3034-1337

9 773034 133006 >